

Алексей Рудаков

Братство

Глава 1

Вместо предисловия

Москва, 24 Ноября 2016.

По сотрясаемой непрерывной канонадой палубе корабля полз человек.

Сквозь лохмотья, в которые превратился его комбинезон, проглядывало обожжённое тело, он вскрикивал, когда очередной залп бортовых орудий прокатываясь по палубе, на миг припечатывал тело к рифлёной поверхности.

Ползти.

Вытянуть вперёд руки, зацепиться обломанными ногтями за неровности поверхности, подтянуться, отвоёвывая ещё несколько сантиметров жизни, перевести давно сбитое дыхание, и — снова ползти.

Куда?

Неважно. Главное — двигаться, отдалиться от сжигавшей там, сзади, боли, отодвинуться ещё немного от терзавшего огня.

Ползти несмотря ни на что.

И он полз. Полз, оставляя за собой кровавую дорожку, отмечая свой путь обрывками сгоревшего комбеза и кусками своей плоти.

Подтянуться.

Выдохнуть.

Выпрямить руки и снова подтянуться.

— О! Смотри, ещё один! — подошедший к нему человек наклонился, присматриваясь. — Вроде живой. Носилки сюда! — выпрямившись он взмахнул рукой подзывая своих спутников. — Из трюмных что ли?

— Может, — согласился его напарник, кладя рядом с телом носилки. — Их там много, кто упомнит-то всех?! Ну что — взялись?

Человек болезненно застонал, когда пара сильных рук сноровисто перекинула его на полотно носилок.

— Стонет — это хорошо, — качнул головой второй. — Раз стонет — значит выживет.

— Ага, — подтвердил первый. — Я вот помню...

— Кто это у вас? — не дал ему поделиться своими воспоминаниями с товарищем подошедший к ним обладатель командного голоса.

— Кто-то из трюмных, сэр! Обгорел бедняга. Несём в лазарет, сэр!

— Трюмный? Здесь? — офицер, а это был

один из командиров боевых частей корабля направленный на эту палубу в роли старшего ремонтного отряда, наклонился вглядываясь в лицо человека, точно так же, как это проделал несколько минут назад первый. — Морда что-то незнакомая. Да и нашивок не вижу.

— Так обгорел же, сэр. — заступился за раненного второй.

— Ладно, несите. — офицер повернулся к своим спутникам, теряя интерес к человеку на носилках. — Ты и ты, — он ткнул пальцем в стоявших за ним людей. — Проверьте отсеки три-восемь и три девять. По датчикам, — он сверился с планшетом. — Там кабели резервного контура замкнуло. Сержант — возьмите оставшихся и устраните пробой паропровода в отсеке три-три. Ну? Чего ждём? — оторвавшись от экрана он обвёл глазами матросов. — Забыли учения по живучести? Бегом! Быстро!

Дождавшись, когда все разбегутся по своим делам, офицер, ещё раз прошёлся глазами по экрану, и, кивнув своим мыслям, сунул планшет за пазуху. По его лицу было видно, что, несмотря на тяжёлую обстановку, царившую на корабле, который продолжали сотрясать как выстрелы собственной артиллерии, так и близкие разрывы, он

был доволен — ремонтные работы шли в строгом соответствии с планом, ну а чем эта переделка закончится от него уже не зависело.

Всё же — каждый должен делать своё дело и не лезть в чужое заведование — этой нехитрой истины он придерживался ещё с учебки, не собираясь её нарушать и сейчас.

Сделав несколько шагов по коридору — всё же работу своих подчинённых следовало контролировать, он остановился, почувствовав под своей подошвой нечто инородное.

Пуговица?

Выпрямившись, офицер поднёс к глазам пластиковый кругляшок — точно такой же, как и на нём, гладкая поверхность с рисунком, небольшое ушко, ничего особенного — он уже хотел выкинуть её — было ясно, что она отвалилась с комбеза того раненого, но, в последний момент его рука, уже готовая запустить кусочек пластика по коридору, замерла.

Рисунок!

На гладкой шляпке гордо простирали свои крылья орёл и резкие линии, выдававшие своими чертами принадлежность этого элемента одежды к военному ведомству, сильно контрастировали с принятой здесь плавностью и округлостью.

Его пуговицы украшал Дракон, обвивая окружность своим чешуйчатым телом и грозя

приоткрытой пастью из её центра. Бароны, подчёркивая свои вольности, помещали на шляпке свои гербы, обитатели туманности Конская голова — облачко Священного Дыма, а единственная раса чужаков — Копий, вообще пуговицами не пользовалась, применяя различные молнии и липучки.

— Орёл? Хм... — офицер потеревил кончик носа, пытаясь выудить из глубин памяти похожий рисунок. — Орёл, значит... Интересно...

То, что загадочный кусочек пластика принадлежал только что эвакуированному раненому он не сомневался — находка лежала в лужице крови, и он запачкал пальцы, поднимая её оттуда.

— Надо будет особисту доложить, — пробормотал он себе под нос, подкидывая её на ладони и разглядывая палубу в поисках других улик.

Что-то, темнеющее в нескольких метрах впереди, привлекло его внимание, и офицер уселся на корточки, брезгливо шевеля пальцем в кучке тряпья. Его старания не остались без награды — распавшись, обрывки ткани обнажили нечто блеснувшее и он наклонил голову всматриваясь.

На палубе, почти вся залитая кровью лежала небольшая металлическая пластика.

— Кмдр... — попытался прочитать он, но в этот момент по кораблю попали.

Удар был силён — скелет корабля вскрикнул, как раненый зверь, принимая на себя силу чужого удара. Протяжный стон перегруженных конструкций пронёсся по его нутру подобно судорожному вздоху воина, пропустившего тяжёлый, но пока не смертельный удар.

Палуба под ногами офицера подпрыгнула, опрокидывая его на спину, и он успел заметить, как непонятная пластинка пролетела над ним, оставляя за собой кровавую полосу от слетевшей крови. На миг она повернулась к нему лицевой стороной, и он увидел второе слово, наверное, имя её обладателя — короткое, в три буквы, но, в следующий момент на него обрушился оторвавшийся и рассыпавший в сторону искры, кабель питания.

Разряд, мощностью в несколько тысяч вольт, мгновенно, белой вспышкой, сжёг его сознание, и офицер не увидел, как загадочная пластинка, закоротив собой контакты распределительного щита, обесточила злополучный кабель.

В его мёртвой руке медленно растекалась лужица слегка зеленоватого пластика, ничем не похожая на артефакт иной вселенной.

Глава 2

Борт эсминца «Нарочитый». Созвездие Аргус, пространство второй звезды.

264 год правления 28 Императора.

Кольшущиеся полотнища тьмы медленно рассеивались и сквозь них начали проступать пятна света. По голове резко ударил едкий и неприятный запах, заставляя меня дёрнуться всем телом от боли. Я чихнул и приоткрыл глаза.

— Пришёл в себя, док. — Надо мной склонился какой-то мужчина в белом комбинезоне. В почти белом — его поверхность была густо заляпана красными и бордовыми пятнами. Осмотрев меня он кивнул и отбросил в сторону клочок ваты, от которой и исходит этот мерзкий запах.

Кровь?

Это что — палач Инквизиторов? Так меня же вроде сжечь хотели?! Последнее, что я помнил, до того, как меня поглотила тьма при встрече с поверхностью той зелёной звезды, это был костёр. Меня же сжигали по приказу Императора Дюваля... Память медленно возвращалась и, вспомнив Анаконду, свой экипаж, я застонал — эта боль была

гораздо сильнее той, которая сейчас гнездилась в моих ногах и теле.

— Дай ему глоток ОЗ-37. Я уже заканчиваю.

Мне в рот упёрся край стакана, и я машинально отпил бесцветной и какой-то пресной жидкости.

— Готово. Снимай его.

Первый довольно бесцеремонно подхватил меня под мышки и поставил на пол.

— Дальше сам, — он отпустил меня, и я едва не упал, потеряв равновесие.

— Сейчас будешь в норме, — ко мне подошёл второй мужчина, облачённый точно в такой же комбез. От первого он отличался только тем, что кант его воротника был обшит красной бахромой.

— Док, куда его? — поинтересовался первый.

— Хмм... — Тот, кого назвали Доком взял меня за подбородок и посмотрев прямо мне в глаза, повернулся к своему напарнику. — Приходит в себя. Давай его в отстойник. Комбез ему выдай, от его одни лохмотья остались, нечего ему тут в таком виде светить. Ещё капитан увидит...

— Погодите. — я опёрся рукой о край койки и огляделся. Небольшое помещение, явно мед центр — всё в белых тонах, несколько коек — все занятые людьми. Шкафы с прозрачными стенками, сквозь которые видны стоящие на полках какие-то коробочки и бутылочки.

— Где я?

— Ты ему точно ОЗ-37 дал? — Док подозрительно посмотрел на меня.

— Да, Док. Не первый год же служим.

— Что-то он тупит.

— Где я, Доктор?

— Видите! — первый довольно усмехнулся. — Приходит в себя. На, — он сунул мне в руки свёрток темной материи. — Вон туда иди, — взмахом руки он указал на дверь справа от меня.

— Погодите. — Я потряс головой. — Где я? Что случилось?

— Ты на эсминце «Нарочитый», Его Императорского флота. А вот кто ты — я не знаю, но, судя по твоим лохмотьям, ты был в трюмной группе. Всё, вали в отстойник. Медбрат, — он кивнул первому. — Проводите его, меня другие пациенты ждут.

— Пошли. — Медбрат взял меня за рукав, но он отвалился, оставив в его пальцах клочок ткани чёрного цвета. — Мда... Ты, лучше, прямо тут переоденься. — забрав у меня из рук свёрток он развернул его и протянул мне. — Скидывай на пол свои лохмотья и переодевайся. Я помогу.

Скинув с себя куски обгоревшей такни, я принял из его рук новый комбез и попробовал его надеть. Увы, мои ноги и низ живота были покрыты

какой-то твёрдой и белой коркой, которая сильно затрудняла мне какие-либо движения. Медбрата пришлось постараться, прежде чем совместными усилиями нам удалось натянуть на меня новую одежду.

— Сейчас разработается, — он щелкнул пальцами по моему животу, отчего покрывавшая его корка отозвалась глухим звуком. — Во! Почти норм. Пошли. — Он привычным движением закинул себе на плечо мою руку и потащил меня к двери. Остановившись на самом пороге, он повернул голову к Доктору, склонившемуся над очередным пациентом и спросил. — Док, принести чего?

— Не, — Док даже не повернул голову, копаясь в кровавой мешанине на груди раненого. — Ещё пострадавшие есть?

— Пока не поступали.

— Тогда сам перекуси и возвращайся.

— Принято, Док. — свободной рукой медбрат нажал на кнопку у двери, и та уползла в стенку, открывая нам проход в соседнее помещение.

Отстойник, как его назвал доктор, был просторным и пустым помещением со стенами покрытыми панелями под дерево. Внутри уже находилось около двух десятков человек — некоторые, встав в кружок, что-то обсуждали,

другие сидели на полу или прислонившись к стене дремали. Объединяло их всех одно — они все были ранеными — повязки на голове, руки на перевязи, всё свидетельствовало о том, что корабль, на котором я оказался, претерпел какую-то аварию.

— Вот тут постой. — Медбрат прислонил меня к стене и вытер пот. — Ты двадцать восьмой. Здорово нам досталось, раз даже среди трюмных раненые есть.

— Трюмные?

— Ну ты же из трюмных, да?

Я молча пожал плечами, и он вздохнул. — Да, парень. Крепко тебе досталось, раз память отшибло. Не переживай, восстановится. Должна восстановиться.

Я снова ответил ему молчаливым кивком, пытаясь понять куда, и главное, как, меня занесло. Обводя глазами помещение в поисках хоть чего-то знакомого, я заметил рядом небольшую бронзовую или медную табличку, начищенную до зеркального состояния. Посреди неё был изображён силуэт космического корабля непривычной мне формы и в непривычном ракурсе — корабль шёл на зрителя заканчивая поворот, о чём свидетельствовал его небольшой крен вправо и длинный и изогнутый язык выхлопа. Более всего он походил на скоростной локомотив — зализанный прямоугольный корпус, сужающийся от носа к

корме, скошенная назад надстройка около кормы — в нём всё просто кричало о скорости. Оружия я найти не смог, зато и над, и под изображением шли две вполне читаемые надписи — сверху «И-28-256», а снизу — эсминец «Нарочитый» Ф.И.

— Ааа... Что это? — я ткнул пальцем в сторону пластины.

— Как что? — не понял меня медбрат. — Закладная нашего Нарочитого. Что-то с тобой не так...

— Не. Я про это — что значит И тире двадцать восемь тире двести пятьдесят шесть? И Фэ И?!

— Чего? Ты сейчас вот что спросил? — его глаза округлились от удивления.

— Как чего? Вот же — написано же! — я повернулся было к табличке, но тут открылась ещё одна дверь и в неё вошёл новый персонаж. Его комбез был темно красного цвета и воспоминания об инквизиции неприятно колыхнулись во мне.

— Смирно! — рявкнул медбрат и, подавая пример, вытянулся по стойке смирно. — Старший офицер в отсеке!

— Отставить, — вошедший небрежно отмахнулся. — Тут же раненые, санитар, что вы. Вольно, братцы. Сидите, кому тяжело.

Несмотря на его слова все встали, причём даже те, кто до этого сидел на полу — некоторые,

правда, при помощи своих товарищей или соседей.

— Кто это? — я чуть повернул голову и прошептал эти слова практически в ухо чуть расслабившегося собеседника.

— Сдурел? Своих не узнаёшь? — Таким же шёпотом ответил он мне. — Нач арт наш. Майор Рене. Да что с тобой такое?!

— Ситуация тяжёлая, — сразу перешёл к делу Рене. — Как вы знаете, нам не повезло. Сейчас я могу быть с вами, братцы, откровенным, не та ситуация.

После этих слов по нашей толпе прокатился тревожный шепоток.

— Мы шли на базу, ну это вы все знаете, когда здесь, в этой системе, где мы остановились для перезарядки модуля гиперперехода, на нас напал крейсер лошадников.

— Так войны же нет, чего они, майор? — вопрос был задан спокойным голосом уверенного в себе ветерана.

— Мы вели разведку около их коммуникаций, — поморщился Рене. — И, не буду скрывать, увидели то, что нам, с их конечно, точки зрения, видеть было не положено. Дальше просто. Лошадники не дураки, к сожалению, и они вычислили наши возможные курсы отхода. ТТХ-то нашего корабля известны, всё же уже восемь лет в строю... И здесь нас уже ждали. Что было дальше

— вы сами знаете. Так что, братцы, пришёл я к вам не просто так. — Он вздохнул и продолжил:

— Модули, выбитые мы заменили, благо ЗИПы нетронутые с момента начала похода... были. А вот стрелков у нас нет — выбило всех. Против нас, не буду скрывать, ударный ракетный крейсер. Сначала они перегрузили наши поля, а потом, ракетами с МКВ-головками выжгли прыжковый и канониров. Так что, вот такие дела, парни.

Офицер развёл руками. — В плен они не берут, мы для них инородцы и неверные. Перебьют. Или, если не сvezёт — возьмут живыми для своих ритуалов. Короче. Прыжковый в ремонте, нам надо буквально минут пятнадцать продержаться — уйдём. Один прыжок и мы на своей территории. Приказывать вам не могу. Прошу. Добровольцы?

— Мы же не канониры, майор? Не обучены. — Послышался чей-то голос за моей спиной.

— Там всё просто, — Нач. арт. отмахнулся от говорившего. — Очень просто. Ну? Кто готов?

Кто-то толкнул меня в спину, и я посторонился, пропуская добровольца. Им оказался тот самый Док, судя по всему тоже вышедший послушать майора.

— А, это ты, — Он кивком головы показал, что тоже узнал меня. — Пошли, хоть повеселимся

перед смертью. — Док поманил за собой медбрата и тот сграбастав меня за отворот комбеза, последовал за своим начальником.

Его, а точнее наши действия не остались без внимания остальных присутствовавших — из разных частей нашего неровного строя начали выходить люди.

— И я тоже!

— Всё однодохнуть, иду!

— Хреново всё, если уж и медицина в бой идёт. Иду, майор!

— Спасибо, парни! — Рене поднял вверх руку. — На первую смену достаточно, остальные — будете в резерве, если... — Он резко осёкся, оставляя у меня в душе неприятный осадок. Если что? Если мы сдохнем? Сам то он, наверняка, в Рубке Управления Огнём сидеть будет, под защитой многометровой брони, в отличии от нас.

— Пошли, — офицер повернулся и направился к выходу из отсека, увлекая за собой поток добровольцев, а, с моей точки зрения, первую партию смертников.

— Пошли, слышь? — Медбрат походу решил плотно опекать меня — он снова взял меня за край комбеза и поволок из отсека.

— Отцепись! — Я попробовал освободиться, но моё слабое трепыхание не возымело на него никакого эффекта.

— Отпусти, я же раненый!

— Ноги и брюхо. — Он остановился и повернувшись ко мне взгляделся в моё лицо. — Руки и голова в норме. Шок, по глазам вижу, преодолён. Пошли, крыса трюмная! Сейчас из тебя героя делать будем!

— Посмертно? Нет, спасибо!

— А тебя никто и не спрашивает, — он отвернулся от меня и продолжил движение, увлекая меня за собой. — Уже почти пришли.

Часть корабля, гордо именуемая Основной Оружейной палубой, меня совсем не впечатлила. Не знаю, чего я ждал — возможно просторного зала, с торчащими из стен казённиками огромных орудий с суевающейся подле них прислугой, рельсовых путей, по которым взмокшие и полуголые матросы толкали тележки с уложенными на них снарядами. Ну или чего-то эдакого, техногенного — пучков проводов, светящихся кристаллов, летающих и проецирующих различные и непонятные таблицы и графики, дроидов.

Ничего подобного тут не было. Был простой и неширокий коридор с рядом бронедверей по одной из стен. Скучность и обыденность обстановки добавлял серо-мышиный цвет — в отличии от белизны мед отсека и тёплого древесного оттенка отстойника и коридоров, здесь всё было выкрашено

казённой шаровой краской.

— Чего завис? — Медбрат подтолкнул меня в спину. — Пошли, вон народ по отсекам ПМК расплзается, скоро и наша очередь подойдёт.

— По каким отсекам?

— Пэ Эм Ка. Ты чего?

— Пэ Эм Ка? Это что?

— Противо Минный Калибр. — он посмотрел на меня с подозрением. — Парень, ты давно на флоте? КМБ был?

— По нам что — минами сядят? Майор говорил, вроде ракетами?! КМБ? Это ещё что? Бомбы? Ка Эм Бомбы?

— Курс Молодого Бойца. — медбрат покачал головой. — Странный ты. Хотя... Ты же из трюмных. Могли и просто так, в порту на один рейс нанять, в трюмах всегда народу мало.

Я молча кивнул головой.

— Тогда ясно. Эх ты, деревня... ПМК, я про название — дань традиции. По факту — просто мелкие калибры, отстреливать ракеты, москитный флот. Понял?

— Ага. А крупные-то у нас есть?

— Откуда... — Он посмотрел вдоль коридора — перед нами осталось не более трёх человек — все предыдущие уже скрылись за своими бронедверьми. — Мы же на эсминце, не на линкоре. Что такое эсминец, надеюсь знаешь?

— Угу. Вроде самый мелкий из всех, да?

— Да, мелкий, но — злобный! Это нас сейчас просто подловили. А так — торпедами всадим, линкор плакать будет. У нас пятнадцать ПМКашек и три встроенных торпедных аппарата. Мощь! Отобьёмся, не дрейфь!

— Да? — я с сомнением посмотрел на два оставшихся незанятыми отсека. — Это и всё? В смысле — больше стволов нет?

— Им хватит. — Медбрат пропустил меня вперёд. — Не нравишься ты мне, парень. Иди-ка вперёд, я прослежу, как ты в отсек зайдёшь.

— Боишься — сбегу? — съязвил я. — Думаешь я... — но открывшаяся перед моим носом дверь с крупными, выведенными белом цифрами один и четыре, вкупе с толчком в спину, не дала мне договорить — я влетел в отсек и остановился только, врезавшись в спинку кресла. Ощутимо так врезался, брюхом, отчего там — в брюхе, что-то хрустнуло и меня окатило волной боли, впрочем, быстро спавшей благодаря действию медикаментов.

Прошипев сквозь зубы ругательство, я поднял голову и первое, что увидел — был огромный, почти во всю стену, иллюминатор. Прямо под ним расположилась небольшая консоль. Собственно, иллюминатор, консоль и кресло — это составляло

практически всю обстановку. Кресло, кстати, выглядело совсем уж по спартански — это была конструкция из пластиковых трубок, между которыми были натянуты полотнища темно зелёного брезента. Покачав головой — всё же, если верить словам врача, я был на лучшем корабле Империи, я уселся в кресло. Наверное, в кресле были какие-то датчики — стоило мне откинуться на спинку, как сверху что-то зажужжало и на иллюминатор опустилась прозрачная пластина.

— Операторы ПМК! — откуда-то сзади послышался знакомый голос майора. — Внимание! Говорит Центральный! Активируем системы наведения ПМК. Всем приготовиться.

Словно отвечая на его слова, на пластине вспыхнула тонкая сетка, сотканная из зелёных линий, деля его поверхность на равные квадраты. Снизу что-то щёлкнуло и верхняя часть консоли, оказавшаяся крышкой, втянулась в стену под иллюминатором, открывая приборы управления огнём.

Признаюсь — я ожидал увидеть ручки управления, различные штурвальчики, россыпь кнопок и перемигивающихся индикаторных лампочек — но увы, ничего подобного там и близко не было. На ровной плоскости консоли обнаружили только две детали — назвать их органами управления орудия, пусть даже и было

это оружие малого калибра, мне было сложно. Слева расположилась крупная красная кнопка, а справа оказался матово серый и наполовину утопленный в поверхность шар.

— Операторы ПМК! — снова раздался голос майора. — Лошадники дали залп МКВ ракетами! Расчётное время поражения минута сорок секунд! Распределяю цели. — на пару секунд его голос пропал, но затем появился снова. — Валите их, парни! Катайте яйца, если не хотите, чтобы их вам оторвали!

Спереди что-то пискнуло, и я поднял голову к иллюминатору — там, на пластине, появилась красная точка и синяя квадратная рамка прицела.

— И что делать?

Мой вопрос остался без ответа.

— Эй? Кто ни будь?! Стрелять-то тут как?!

Тишина. Ладно. Что там майор говорил — катать яйца? Я положил правую руку на шар и слегка крутанул его, отчего прицельная рамка вздрогнула и слегка сместилась вправо. Хм... И это — всё? Просто как-то.

Я активно закрутил шариком, подгоняя рамку к медленно ползущему влево красному огоньку. Не могу сказать, что это у меня получилось с первого раза — пару раз я промахивался, слишком сильно раскрутив манипулятор, но, где-то с третьей — четвёртой попытки мне удалось поймать его в

прицел, который сразу же изменил свой цвет с синего на жёлтый.

Ну? А дальше-то что?

— Третий, Четвёртый, Шестой и Четырнадцатый! — снова появился майор. — Захват целей подтверждаю. Перевожу в точную наводку.

Границы зелёного квадратика на экране рванулись в стороны увеличив этот участок экрана раза в три и мой прицел снова оказался в стороне от маркера цели.

Чё? Снова что ли? Я покачал головой и принялся сызнова наводить свой квадратик, теперь в нём появились диагональные линии, на практически неподвижную красную точку.

В этот раз всё получилось лучше — я смог с первого раза наложить прицел на маркер. Рамка тут же вспыхнула и заморгала красным.

— Эээ??? Я попал?

Ожидаемо — ответа не последовало. Что делать-то? Рамка продолжала моргать, и я зачем-то посмотрел под консоль — может там педаль какая есть? Что бы стрелять? Вроде так раньше на кораблях было?!

Но там было пусто.

Зато начала моргать красная кнопка слева — точно в такт морганию прицела и, немного поколебавшись, я осторожно её нажал, на всякий

случай сжавшись в кресле и затаив дыхание — кто его знает, может это катапульта?!

— Четырнадцатый! Цель уничтожена! Даю следующую.

Зелёная сетка вернулась к своему прежнему виду и на ней появились сразу две красные точки.

О как! Я что — на следующий уровень перешёл?!

Вторую цель я уничтожил быстро — управление, действительно, было очень простым, а вот с третьей вышла заминка. Я быстро загнал маркер цели в прицел и уже было приготовился к переходу в режим точной наводки, но майор молчал. Молчание продолжалось секунд пятнадцать, за которые я успел изрядно понервничать — кто его знает, что там происходит — на корабле-то? Может бой уже закончился? Нашей победой? Или наоборот — все погибли, и я последний живой, обречённый на пожизненное заключение в этой жестянке, если конечно эти лошадики не решат раздолбать её в пыль.

— Перевожу готовых в точную. — Появившийся в динамиках голос не принадлежал майору. Человек говорил хрипло, было слышно, как он судорожно и натужно втягивает в себя воздух, будто преодолевая сильную боль. — Центральный выбит. Хреново катаете, канониры.

Послышался новый вздох. — Говорит ЗКП.

Здесь старлей Деменьтьев. Шевелитесь, иначе всех пожгут.

Квадрат расширился, и я быстро навёлся на третью ракету.

Кнопка!

Точка погасла, и я зашарил взглядом по экрану выискивая новые цели. Их было слишком много — не менее полутора десятка красных точек усеивали всю пластину, и я выматерился — сбить столько лично мне возможным не представлялось.

— Первый, второй, шестой, восьмой, четырнадцатый. — Голос Деменьтьева был глухим и каким-то отстранённым. — На вас вся надежда. Парни... Вы — последние. Нам надо ещё три минуты. Вы уж постарайтесь...

Он говорил что-то ещё, но я не слушал, полностью сосредоточившись на своём шаре. Мне показалось, что он вот-вот задымится, так быстро я крутил его, наводясь на цели. Подтверждений о переходе в точный режим больше не следовало — едва прицел загорался жёлтым, как я переходил в этот режим.

Сколько целей я сбил — не знаю, не считал. Весь мир для меня ограничился только шариком манипулятора и кнопкой стрельбы. Поворот, поворот, повернуть чуть в вверх — есть! Влево, влево, вверх — есть! Кнопка!

Новая цель!

Пальцы правой руки начало сводить от боли и я, улучив момент укусил себя в мякоть ладони рядом с большим пальцем, надеясь новой болью сбить судорогу.

Получилось!

Точек стало меньше, но теперь они не просто горели красным — их цвет изменился на ярко алый и их движение ускорилось.

Поворот вправо — мимо! Выбранный мной маркер резко дёрнулся вниз и я, рыча от злости и на него и на свою неуклюжесть, закрутил шар вниз, пытаюсь поймать его в прицел.

Мимо!

В последний момент алая точка дёрнулась вверх и мой прицел проскочил через неё даже не сменив свой цвет.

— ПКМ на картечи. Заградительный! — В голосе старлея отсутствовали какие-либо эмоции. — Тридцать секунд!

Тридцать секунд до чего? Мысль проскочила и исчезла — сейчас для меня главным объектом стал шар наводки.

Влево, ещё влево, чуть вверх... Есть! Прицел изменил свой цвет на красный и я машинально ударил по кнопке, запоздало удивляясь отсутствию перехода в точный режим. Однако точка погасла и я, всё так же бездумно повёл рамку к следующей, ближайшей к ней алой засветке.

— Прыжок через пять! Отключаю питание!
Держитесь!

С пластины пропала сетка и она медленно поползла куда-то вверх. Одновременно с ней из стены начала выдвигаться крышка консоли, заставляя меня отдернуть руки от её поверхности.

Корабль вздрогнул — раз, другой, а в следующий миг на меня накатила волна жара. Что-то затрещало — как трещит проводка при коротком замыкании и из-под крышки консоли вырвалась тонкая струйка дыма, но в следующий миг я почувствовал, будто мы проваливаемся куда-то.

Привычный вид космоса за иллюминатором исчез, сменившись какой-то серой пеленой и, одновременной с ней прекратилось наше падение.

— Мы в прыжке. — Вот теперь в голосе Деменьтьева чувствовалось натуральное облегчение. Он откашлялся и продолжил. — Говорит старший офицер на борту. Мы вырвались! Поздравляю! Идём на базу Флота. Приказываю — провести большую приборку, нехорошо, если нас корабль прибудет в таком виде. Нашему капитану, — его голос дрогнул. — Это бы не понравилось. Не подведём его в последний раз.

За моей спиной что-то щёлкнуло и обернувшись, я увидел, как дверь моего отсека медленно откатывается в сторону открывая мне

выход наружу.

Выбравшись из своего отсека, я осмотрелся. В коридоре, кроме меня, была ещё пара человек, и я подошёл к ним. Из каких отсеков они выбрались, понять было сложно — все двери были открыты, но выходить в коридор никто кроме нас не торопился.

— Живы. — один из них, одетый в серый комбез, с тонким зелёным шнуром по вороту, покачал головой и прислонился к переборке. — Я уж думал нам всё, а трюмный?

— Угу. — я вытер пот со лба. — У тебя закурить есть?

— Курить вредно, да и нельзя тут.

— Да пофиг сейчас.

— Накажут же.

— Как? — Я попробовал ухмыльнуться, надеясь, что моя гримаса будет воспринята правильно. — Дальше трюма не пошлют.

— Тебя-то да. Держи, — он протянул мне открытую пачку. — Но я тебя предупредил если что.

— Угу. — я вытащил сигарету и слегка размяв её содержимое в пальцах вопросительно посмотрел на него, ожидая огонька.

— Ты чего? — он непонимающе посмотрел на меня.

— Огня дай.

— Огня? Тебя что — контузило?

— Обгорел я... Вроде. Не помню, может и по голове прилетело.

— Ну ты даёшь. Она ж сама. Лихо тебя приложило, раз уж такое из башки выбило.

— Так. — от начала коридора слышался чей-то голос и обернувшись я увидел Дока. — Помощь нужна?

Он подошёл к нам и увидев сигарету в моей руке покачал головой. — И уже смолить! Вредно же!

— А жить противно. — я покрутил её в пальцах, пытаюсь понять, как её зажечь.

— Не получается? — Док протянул руку и отобрал сигарету. — Пальцы от трекбола свело?

— Есть такое, — я несколько раз сжал и разжал правую ладонь.

— Держи. — Он сжал кончик сигареты и в нём что-то щёлкнуло. — Курить разрешаю, заслужили.

— Спасибо, Док, — поблагодарил его зелёный кант и вытащив себе одну протянул пачку к другому — с белым шнуром по воротнику.

Моя сигарета задымилась, и я торопливо затянулся. От незнакомого табака на миг закружилась голова — заметив это, Док недовольно поморщился, но ничего не сказал, терпеливо ожидая окончания нашего перекура.

— Ты же из штурманов? — он повернулся к белому канту.

— Так точно.

— А ты, — он кивнул на синего. — Жизнеобеспечение?

— Да, Док.

— Идите по своим постам. Там вы нужнее будете.

— А вы?

— А мы и вдвоём справимся, верно, трюмный?

Я молча кивнул.

— Но... — начал было зелёный.

— Идите-идите. Я тележку прихватил. — Доктор махнул рукой себе за спину, там, прямо около входа, действительно стояла небольшая узкая платформа на колёсиках.

— Четверо тут много, а вдвоём мы быстро погибших погрузим. Идите и никому про курение не говорите.

— Конечно, Док. Что мы, не понимаем, что ли.

Дождавшись, когда они уйдут, он повернулся ко мне.

— Знаешь, — он слегка склонил голову набок. — Станный ты какой-то, трюмный. Не наш. Я это ещё тогда заметил — когда тебя приволокли. Комбез другой, да и на каком корабле ты

находишься — не знаешь. Странно это всё. Не наш ты, парень.

— Не ваш, — я опустил голову, выгадывая время и прикидывая, чтобы ему такого сказать, чтобы он сразу меня к инквизиции местной или к особистам не отправил.

— Ты с Гарганы три? Мы там останавливались перед выходом в поход.

Я молча кивнул, посчитав, что сейчас лучше будет со всем соглашаться.

— И тебя завербовали в трюмные разнорабочие, да?

Кивок.

— Специализация-то, хоть какая, у тебя есть?

— Я пилот.

— Ты? Пилот?

— Да. — я поднял голову и посмотрел ему в глаза. — Пилот. И неплохой. Был.

— Надо же! Пилот!

— Не верите?

— Почему не верю? Верю. Вышибли-то за что? Пьянка, бабы? Или с командиром не сошёлся?

— Да... — я махнул рукой, стараясь не развивать опасную для себя тему — ещё спросит на чём, а я почём знаю, что у них тут есть.

— Значит всё вместе. Что ж... Знакомая картина. — Он немного помолчал, глядя мимо меня и продолжил. — Да, тогда ясно, что ты в

чернорабочие записался. Вернуться хотел? Хоть так, но вернуться? В космос?

— Да, Док.

— Понимаю, понимаю. Сам такой.

Он снова замолк, и я пожалел, что не взял ещё сигарету у того, и жизнеобеспечения.

— Ладно... Пилот. Пошли ребят грузить.

— Как скажете.

— Сейчас их в морозильник, а хоронить на базе будем, по-человечески.

Следующие минут сорок мы грузили тела на тележку. Из пятнадцати человек, занявших места канониров выжили только мы трое, и, судя по словам доктора, на всём эсминце дела обстояли так же. Рубка была сожжена вторым залпом — первый, перегрузивший генераторы защитных полей, оставил корабль без защиты против ракет с узконаправленными генераторами микроволнового излучения, которые и выжгли рубку со всеми находившимися в ней. Третья волна этих ракет сожгла генератор прыжкового двигателя и прошла по отсекам ПМК, выжигая штатных специалистов.

— Лошадники добились поразительной точности попадания своих ракет. — Рассказывал мне Док, пока мы укладывали тела на тележку. — Нам до такой точности далеко, да и

излишне она.

— Как это?

— Против нас, при внезапной атаке, да — сработало. А тому же крейсеру, нашему крейсеру, им поля не сбить. Ну а его ответ, — он махнул рукой, давая понять, что корабль этих лошадников не имеет ни одного шанса в честном бою. — Они только так могут — со спины или при численном превосходстве.

— Угу. — Мы закончили грузить последнего погибшего, им оказался знакомый мне медбрат, и я поправил его свесившуюся руку, устроив её на груди покойного.

— Эх, Петя, Петя, — Док склонил голову. — Мы ж с тобой уже почти три года вместе, эхх...

Я тоже молча склонил голову, отдавая последний салют погибшему.

— Ты не думай, — Док поднял голову и посмотрел на меня. — Я хотел, но меня не пустили.

— И правильно сделали, Док. Нас всех заменить-то можно, а вас кем?

— Да понимаю я, — он покачал головой. — Всё понимаю, но вот перед ними, — его рука опустилась на грудь медбрата. — Стыдно.

— Пойдёмте, Док, — я взялся за ручку и толкнул тележку к выходу. — Нам ребят ещё в морозильник уложить надо.

— И что же мне с тобой делать, а? — Док повернулся ко мне, крутанувшись на своём стуле.

Мы сидели в его кабинете, отдыхая после погрузки тел погибших в морозильники корабля. В продуктовые морозильники. Лично меня такое соседство — тел погибших и замороженных пайков не коробило ни разу. Дока тоже, ну а если и найдётся, среди выживших кто-то особо брезгливый — нехай поголодает, не помрёт чай.

Я сидел на месте погибшего медбрата наслаждаясь местным аналогом коньяка и крепкой сигаретой — всё из личных запасов доктора.

— А надо что-то делать?

— Ты. Не. Наш. — Он отдельно проговорил эти слова, придавая их звучанию особый оттенок.

— Не ваш, верно. С третьей планеты этой, как её — Коряги.

— Гарганы.

— Ну Гарганы. — Я пьяно улыбнулся, надеясь, что он примет мою оговорку за ошибку выпившего и усталого человека. — Док, я много где побывал, и на Гаргане был и на Коряге и даже в Раю.

— Палишься, — в ответ он недовольно скривился. — И не корчь из себя пьяного, уж поверь — после почти двух десятков лет в мед службе, я пьяного отличу от закоса под него. Не

кривляйся.

— Как скажите. — Я сделал небольшой глоток и прислонился к переборке.

— А для твоей информации, так — чисто чтобы ты знал, скажу тебе. — Он тоже пригубил из своего стакана. — Гаргана три, это не третья планета системы Гаргана. Это — третья звезда созвездия Гаргана. И планет, обитаемых, там нет и никогда не было. Мы на станции местной останавливались, для дозаправки. Конечно, ты скажешь, что там и нанялся, станция мол не военная, да?

Я промолчал, опустив взгляд на свой стакан.

— Молчишь?

— А что говорить, Док? Не ваш я, факт. Ну что — вызывай особистов или как их тут у вас называют?

— Особистами и зовут. Только зачем их звать?

— Ну я же не ваш. Значит — шпион, этих, как их, конников.

— Лошадников. Только ты не из них, уж они бы шпиона получше бы подготовили. Ты мне скажи — как ты у нас на борту появился? Я проверил логи — в трюме ни взрыва, ни пожара не было. А ты — с ожогами, да и по голове тебя кто-то совсем недавно огрел.

— По голове это меня профилем приложило,

недавно, да.

— А ожоги? От тебя — когда приволокли сюда, дымом разило. Причём, — он поднял палец вверх. — Древесным дымом. Не пластиком, не химией — деревом. А у нас на борту дерева нет. Совсем.

— Долгая история, Док. — Я махом опустошил свой стакан и протянул его, прося налить новую порцию.

— Так я и не спешу, — наполнив мой стакан на половину, доктор вернул его мне. — Рассказывай.

— Вы всё одно, не поверите.

— Так ты убедительно рассказывай. И не ври, я, знаешь ли, правду от сказок для детей отличить смогу.

— Хорошо. Начнём с того, что вы, Док, правы. Не ваш я, совсем.

— Поясни.

— Не из вашей вселенной.

— Бред. Попробуй ещё раз, только поубедительней.

— Док. Я не из вашей вселенной. Чужой я. Понимаешь? И да, там меня, действительно, сжигали на костре. Инквизиторы. На костре из дерева. Быстрый огонь, слышал?

— Хм... — Он упёрся локтями в стол, сцепил пальцы рук в замок и посмотрел на меня поверх

них. — За что?

— Местному Императору дорогу перешёл.

— Ты там что? Мятеж что ли учинил?

— Да нет, наоборот, спас его, от чужих.

— А он тебя вот так и отблагодарил, да?

— Да.

— Забавно... Забавно. И что самое интересное — ведь ты не врёшь, а искренне веришь в свои слова. А Император, номер какой был?

— Номер? Дюваль он был. Без номера.

Основатель династии.

— Основатель? Династии?

— Ну да. Док! Ну я же говорил, что не поверишь!

— И ты прав. Такой бред я мог бы объяснить, если бы ты изоляции горелой надышался, но от тебя деревом пахло. И ты сам во всё это веришь. Мда...

Он встал и прошёлся по небольшому пространству своего кабинета.

— Ты говоришь, что был пилотом?

— Да.

— Что последним пилотировал?

— Анаконду.

— Это что? — Он вернулся к своему столу, но не сел за него, а уселся на край столешницы.

— Лёгкий крейсер.

— И ты один водил крейсер? — Док даже

всплеснул руками. — Один?! Ну ты сказочник!

— Один! Чего — сложного — то?

— Ну, по прямой — допустим. А если бой?

— Ну бой, чего — такого — то?

— Управление полями, орудиями? Бегать не взмокнешь? Маневровыми?

— Так бортовой же компьютер есть — он маневровыми рулит. Не, можно и без него, знал я парней, которые сами управляли, но не я. А стволы — у меня они фиксы, прямо по курсу были. Бой, — я позволил себе фыркнуть. — Ничего сложного.

— Какого же размера этот твой бортовой компьютер? С пол корабля?

— Да нет, ну... — Я постарался припомнить потроха главного пульта. — Ну блок небольшой. Пол метра на треть и на треть.

— И всё это тянет?!

— А что такого? Или у вас с электроникой проблемы?

— Есть такое, — признался он. — Не шибко это направление популярно в науке. Финансируют мало, ибо бесперспективно.

— Как же вы летаете? Курс проложить или... Да ты сам же говорил — маневровыми в бою?

— Штурманская группа — пять человек. Они и счисления обеспечивают и коррекции всякие нужные. А маневровые — на каждый двигатель манёвра — своя смена, четыре оператора. Ну и они

уже в бою команды с мостика получают и работают. У нас хороший оркестр был.

— Оркестр был? — Не понял я по началу, но потом до меня дошло. — Блин, действительно оркестр. А дирижирует кто? Капитан?

— Что ты! Капитан он общее решение принимает — идти в бой или уклониться, ему штаб задачи ставит. Он глобально решает. А в бою, ну или в походе, рулит Первый Пилот. Он рулит, а Главный Артиллерист уже выбирает цели и управляет огнём.

— Сколько же у вас на борту народищу то?!

— Экипаж? Сто восемьдесят четыре человека. Было. Сейчас — меньше трети.

Он помрачнел и одним махом опустошил свой стакан. Я последовал его примеру.

— А мы до базы — дойдём? — Поинтересовался я, получив новую, уже вроде третью, порцию.

— Своим ходом нет. — Док полез в свой стол и покопавшись в его ящиках вытащил пачку сигарет. Вытряхнув себе несколько штук, он перебрал её мне. — Держи.

Я поблагодарил его кивком головы, раскурил её, благо теперь уже знал, как.

— Своим ходом не дойдём. Факт. Не управимся с ним. — Он постучал костяшками пальцев по переборке. — Но нам и не надо.

— Как это?

— Выйдем из прыжка, нас засекут, установим связь, пришлют буксир. — Всё это он произнёс спокойным и практически будничным тоном, но в этой интонации присутствовали какие-то недобрые нотки, так что я весь подобрался, так, на всякий случай.

— Да, ты прав. — Доктор заметил мою реакцию на свои слова. — Пришёл тягач и там был трос и там был врач, — зачем-то процитировал он неизвестную мне песню. — И особистов цельный выводок. А тебе с ними лучше не того, да?

— Ну да.

— Это я понимаю, что ты не шпион, а там... — Он махнул рукой. — Найдётся, гадом буду, молодой и ретивый — этот быстро докажет, что ты не только шпион лошадников, но еще и похуже чего. А этого ни мне, ни, тем более тебе не надо. Так что, друг мой любезный — надо тебя легализовывать, да так, чтобы ни у кого и мысли — что ты засланный, не возникло.

— Док, да не шпион я!

— Шпион, шпион. — Он примиряющее повёл рукой. — Не наш, нашей галактики в смысле, шпион. А какой-то другой. Не знаю зачем тебя сюда послали, но не ради вторжения — точно. Вторгаются ради чего-то. Ресурсов, рабочей силы, баб красивых в конце концов. У вас там с бабами

как? Симпатичные? Хватает?

— Угу.

— Тогда девок — вычёркиваем. Ресурсы? Нет. Их везде навалом. Рабы? В смысле — нас, местных, в кандалы и на шахты? Так с вашими компьютерами проще роботов наклепать.

— Дроидов. Мы роботов так называем.

— И что, популярны они у вас?

— Ну... Их много, и они разные. — я раскрыл ладонь и принялся загибать пальцы. — Для кораблей есть топливозаправщики, есть для шахтёрских кораблей — руду в трюм таскают, есть охранные дроиды, есть...

— погоди. — Взмахом руки он заставил меня замолчать. — Вы что — астероиды разрабатываете? Кораблями?

— А что такого? Навесил шахтёрский лазер, обогатительную станцию в трюм, дроидов геологической разведки и сборщиков загрузил и лети себе, копай.

— И что — выгодно?

— Да так себе, — признался я. — Если плотно этим заниматься, то да. Но это надо пояса, астероидные пояса, — быстро пояснил я, увидев недоумение на его лице. — Кольца с камнями или льдом искать. Если свезёт, найдёшь такое, то да, можно много вкусного накопать.

— Золото? Серебро?

— Золото? Пффф..... Кому этот хлам нужен? Его везде полно. Палладиум, Платинум, Пейнит. Три Пэ, короче. Вот они дорогие. Раза в три, а то и четыре дороже золота.

— Понятно, значит захват нас и рабство на шахтах тоже отпадает. Слушай... А может вас роботы, то есть эти — дроиды ваши, ну — поработили? И теперь хотят и нас тоже?

— Зачем, Док?

— Не знаю, — со вздохом признался он. — Но они же не люди и думают не как мы? Вот и захотели, так сказать подмять все галактики своей железной пятой. А?

— Такой бред у нас даже не в кино не снимают. Да и нет такого Искусственного Интеллекта, ну практически нет. Был у меня такой — андроид с реально разумным ИИ, но он, точнее она потом...

— Стоп! — Доктора прямо-таки выбросило из стула, на котором он до этого сидел. — Молчи!

— Ты чего, Док? Тот андроид был, была точнее в моём...

Договорить я не смог — он подскочил ко мне и зажал мне рот ладонью. — Тихо! — Он обвёл помещение взглядом. — Молчи. Такие темы здесь не приветствуются, понял?

Я кивнул, и он убрал руку.

— Но почему, Док?

В ответ он сначала долго рассматривал свои руки, а потом, не поднимая глаз тихо произнёс. — Не все, скажем так, детали, нашей истории, в части касаясь Императоров, и их ближайшего окружения, мммм..... В общем не касайся подобных тем — проживёшь дольше. Уловил?

— Угу. Хотя странно это. Это же...

— Молчи!

— Всё-всё, Док. Понял. Заткнулся.

Он поднял голову и некоторое время внимательно смотрел на меня, будто желая убедиться, что правильно понял услышанное.

— Это — для твоего же блага.

Вернувшись за свой стол, доктор отпил коньяка и на несколько минут в небольшом отсеке воцарилась почти полная тишина. Почти — потому, что на корабле, если он ещё не превратился в груды мёртвого железа, всегда что-то работает. Шумит вентиляция, попискивают электронные системы, где-то открываются и закрываются двери, гудят ровным рабочим тоном движки и многие прочие, мирные и незаметные уху звуки — всё это создаёт обычный, бытовой шум, привычный уху любого пилота, любое изменение которого больно режет слух, заблаговременно предупреждая о каких-либо неполадках или иных, нештатных, ситуациях. Вот мы и сидели молча, слушая все эти звуки и думая

каждый о своём.

— Ладно! — Док прервал затянувшееся молчание, хлопнув ладонью по столу. — Так что же мне с тобой делать, а?

— Простить и отпустить?

— И далеко ты уйдёшь? Без документов-то? Сам-то ты пропадёшь — ладно, это, в конце концов, твоё личное дело, но ты нас всех подставишь.

— Так сгорели, когда меня сюда доставили — от комбеза одни лохмотья были, сгорели они.

— Ага. А на корабль ты как попал? Перед вылетом я медосмотр проводил — всего экипажа и тебя там не было.

— Зайцем. Был безработным, жрать хотел — вот и пролез. А потом вылез, ну и попал в огонь.

— Служба Безопасности станции будет очень рада такой новости — как же! Мимо них кто-то пролез. Да и голодать ты не мог — ещё со времён Двадцать шестого пищевые брикеты на каждом углу бесплатно выдают.

— Приключений захотел.

— Ну их то ты получил. По полной. Нет, приятель. Тебе документы нужны и, причём, такие, чтобы ни один особист и подумать ничего не смел о тебе.

— Шутишь?

— Ни разу. — он подгрёб к себе стопку личных идентификационных карт погибших,

которые лежали у него на столе. — Так. Сейчас будем из тебя человека делать.

Он просматривал карты одну за одной, деля их на две стопки.

— Эти, — закончив, он сгрёб со стола и закинул в ящик большую часть. — Нам не пригодятся. Этих парней хорошо знали, у них остались родители, жёны, дети. Ты засыпешься сразу. А вот с этими, — он поднял с поверхности стола четыре карты. — Можно попробовать. Так. Смотрим. Эверс Фудр. Сирота — данных о родителях нет. Не женат. Специализация — оператор маневровых. Нет. Не годится. — он скинул карту в стол.

— Симон Пак. Родители умерли. Не женат. На флоте... хм. Не пойдёт. Восемь лет на флоте, значит, — он посмотрел на меня. — Много друзей. Покойся с миром, Симон.

Карта Пака последовала в ящик.

— Семён Светодаров. Эх... Что ж ты, Семён. — Доктор покачал головой. — Помню его хорошо. Второй поход с нами. Повар, помощник кока. Готовить умеешь? — он посмотрел на меня, и я пожал плечами:

— Ну, более-менее умею. Пока никто не умирал от моей стряпни.

— Ключевое слово — пока. — Карта легла на стол. — И последний — Джастин Игорэф.

Механик, специализация — системы отвода тепла.

— Охладители что ли?

— Они самые. Знакомо?

— Нет, — признался я. — Только на уровне пользователя, не более.

— Тогда отпадает. — Карта Джастина отправилась к своим товарищам.

— Что ж... — Док поднял со стола идентификатор Семёна. — Придётся с этим работать.

— Подделывать будешь?

— Зачем? Карта подлинная, все проверки прошла и пройдёт.

— А как тогда? Я же не он.

— Ты не он, зато я — это я. — Доктор позволил себе ухмыльнуться. — Забыл? Я же корабельный врач.

— И что?

— А то, Семён, что ты мог, нет, не мог — ты обгорел, так?

— Ну да.

— Значит надо ввести новые данные по твоей внешности. Сядь сюда. — он показал мне на какой-то прибор с небольшим сиденьем, сильно похожим на велосипедное.

— Не дёргайся....

Прибор коротко прожужжал и Док довольно усмехнулся. — Да, Сёма. Обгорел ты конкретно —

никто не узнает. А кто виноват?

— Кто? Я?

— Нет. Бюджет Флота. Было бы финансирование нормальное, не пришлось бы тебе лицо в полевых условиях, из подручных материалов лепить. Так и запишем. — он воткнул карту в щель на торце столешницы и выдвинув из-под неё клавиатуру с небольшим экранчиком что-то быстро набрал.

— Сейчас добавим тебе деталей в историю болезни. Тепловые ожоги ног, груди. Химические — лица. Восстановление зрения — реконструкция яблук. Всё. — Откинувшись в своём стуле доктор вытащил карточку и протянул мне.

— Что ж Семён. Понимаю, это тяжело, но теперь тебе с этой внешностью жить. Извини.

— А что не так? С моей внешностью? — С поверхности карты на меня смотрела объёмная проекция моей головы.

— Можно было б из тебя красавца сделать, но увы — фонды, — он с сожалением развёл руками.

— Меня и эта устраивает.

— И это — правильно. Дай сюда карту.

— Зачем? — я вернул ему кусочек пластика. — И что с телом будет? С настоящим Семёном?

— Да ничего особенного. Похороним в общей могиле — как неопознанного. Не отвлекай, дай

подумать.

Пока он думал, я успел выкурить ещё одну сигарету и добить свой коньяк.

— Значит так, — он взял мой стакан, который я протянул ему в надежде получить новую порцию и поставил его на стол. — Ты был ранен в бою. Да?

— Ээээ.... Ну да.

— Это капля. Бой в космосе — капля со звёздочкой.

— Чего?

— Не отвлекай. Дальше. Получив мед помощь, ты отправился на боевой пост и исполнял свои обязанности в боевой обстановке, несмотря на ранения. Было дело?

— Да.

— Долг. Сколько целей поразил?

Я пожал плечами. — Не помню. Три первых помню, а потом такое началось... Налей, а?

— Запишем одиннадцать. Чуть, на одну больше минималки — за это вам, господин Светодаров, положен глаз. Серебряный.

— Док! Налей и переведи!

— Медали это. Медали и знаки отличия. В принципе, по совокупности всего, тебе орден положен. Как же! Раненый, в бою, пошёл на боевой пост и спас корабль!

— Так я же не один был?

— Это нам сейчас не важно. Мы про тебя

говорим. Солнечный диск за такое требовать надо — как минимум. Орден такой. Но! — Док назидательно поднял вверх палец. — Его вручает Сам. — Он несколько раз ткнул пальцем в подволок своей каюты. — А тебе туда, по крайней мере сейчас — нельзя.

— Ясно дело. — Я кивнул, будучи полностью с ним согласным. — А эти все, ну — глаза, капли? Это что?

— Капля — это медаль за ранение. Похожа на капельку крови. Было бы дело на планете, на поверхности — она лежала бы на круглой основе, а раз в космосе ранение было, то звёздочка с капелькой крови по центру. Глаз — это знак такой, прицел.

— Квадратный? Как при стрельбе из ПМК?

— Ага. И глаз по центру. Долг — медаль. Обычная, круглая. Без ленты.

— А что? У вас тут ещё и ленты есть? К медалям?

— Есть, — он снова воткнул карту в щель стола и принялся стучать по клавишам. — И ленты есть и банты, и прочая мишура. Не отвлекай. Я тебе представление к наградам делаю.

— А кто подписать должен?

— Деменьтьев. Он сейчас за старшего.

— Подпишет?

— А куда он денется? Я уже завизировал.

— Ты же врач?

— Эх, Семён... Семён. — Доктор вытащил карту и перекинул её мне. — Ты ещё не понял?

— А что я должен был понять? — поймав её я сунул пластиковый прямоугольник в нагрудный карман.

— Я — особист на этом корабле.

— Ты... То есть — Вы, Док? Но... Вы же врач?!

— А кому, как не врачу или священнику быть особистом? Я же всё про всех знаю. Кто где был, что ел, с кем спал. Любого могу вызвать на осмотр, все как на ладони. Кстати — карту дай. Забыл кое-что.

— Держите. И вы меня не арестуете?

— Да расслабься ты. — Он, в очередной раз, загнал её в считыватель. — Амнезию забыл тебе указать. Это оправдывает твоё незнание наших реалий. Вот... Местная амнезия, вследствие травмы головы. Готово! — вытащив карту, он поднял голову и посмотрел на меня.

— Ты не шпион. Это видно даже новичку. А вот кто ты — это, брат, загадка. Но — безобидная и не опасная для Империи. Неудачник, случайно попавший к нам, путешественник ты или исследователь — да какая разница. Вреда от тебя не будет — я бы иначе почувствовал бы. А ты и сам — напуган произошедшим. Может ты и беглец от

наказания, но у нас ты пока дел не натворил, так что — претензий к тебе нет. Не нарушай и не будет. — Встав из-за стола, Док подошёл ко мне.

— Господин Светозаров, — начал он официальным тоном, и я вскочил, сдерживаясь, чтобы не вытянуться по стойке смирно.

— От лица Имперского флота и от себя лично благодарю вас за проявленное мужество в ходе боя с силами туманности Конская Голова. Надеюсь, что ваши раны скоро затянутся и вы сможете продолжить службу на благо Империи и нашего, благословлённого, Двадцать Восьмого Императора. Вы представлены к наградам в соответствии с проявленной доблестью и будете вознаграждены по заслугам. Слава Империи! — Док вытянулся по стойке смирно и коротко кивнул.

— Ээээ.... — Что отвечать я не знал и он тихо прошептал. — Говори Слава Императорам...

— Слава Императорам!

— Что ж. — Доктор засунул карточку в мой нагрудной карман. — С официальной частью покончено. Вот теперь и выпить можно.

Глава 3

Борт среднего транспорта «Бубалюс ¹». Созвездие Весталок, пространство четвёртой звезды.

267 год правления 28 Императора.

— Семён? Ну что там — с поджаркой? — корабельный кок Вильсон появился на камбузе, держа в руках объёмистый баул.

— Да нормально всё с ней, доходит, — я кивнул на плиту, где парила чуть сдвинутой крышкой сковорода и вернулся к своему занятию — продолжил медленно перемешивать растопленное в кастрюльке масло, осторожно посыпая его мукой и следя, что бы в готовящейся смеси не образовались комочки.

Шёл третий год моего пребывания в этом мире и пока всё было нормально. Следуя советам Дока, я уволился с военной службы, благо ранения и медали помогли решить этот вопрос без особых проволочек и, получив на руки неплохое выходное пособие, которого мне хватило на полтора года безбедной жизни, стараясь освоиться в это новом для меня мире.

Ну а после... После пришлось искать работу.

Я закончил курсы поваров, устроился

---

¹ Бубалюс — лат. Вол.

помощником корабельного кока на средний транспорт, где и пребывал по настоящий момент.

— Молоко приготовил? — Вильсон поставил звякнувший стеклом баул на стол.

— Угу, холодное. Сейчас заливать буду. Чего приволок?

— Да всего понемногу. Фух... Едва допёр. — Он раскрыл сумку и принялся доставать из неё разнокалиберные бутылки, расставляя их по столу в понятном только ему порядке.

— Откуда такое богатство? Всем дают? — Мой помощник, молодой паренёк только полгода как закончивший курсы поваров, протянул было руку к одной из бутылок, он кок так зыркнул на него, что Павел предпочёл не рисковать и даже отошёл от стола, принявшись изображать мойку посуды, бросая жаждающие взгляды на баул.

— И даже не думай, — Вильсон погрозил ему пальцем и занялся расстановкой бутылок. — Так. Старик у нашему — пара коньяка.

Две пузатые бутылки темно зелёного стекла, украшенный золотистыми этикетками заняли место во главе стола.

— Старпом. Он много не пьёт. Ему винца лёгкого. — Наполненная рубиновой жидкостью бутылка, своей формой, больше напоминавшей винт от мясорубки, встала рядом с капитанской

парой.

— Деду... Вискарь.

— Ты про его помощников не забудь. Помогают нам сильно, — я закончил заливать холодное молоко в смесь масла с мукой и прибавил газу — смесь должна была покипеть немного, выпарить лишнее, прежде чем в неё можно будет добавить молотого мускатного ореха.

— И жрут тоже, каждый за троих, — он недовольно поморщился, но потом вздохнул. — Но ты прав. Помогают хорошо. От них, в отличие от кое-кого из здесь присутствующих, — он покосился на поварёнка, но тот сделал вид что полностью поглощён вытиранием салатницы. — Ладно. Деду ВСОП дадим, а им и простого довольно будет.

Четыре бутылки ровной шеренгой отгородили долю старпома и капитана от пока ещё свободной поверхности стола.

— Штурман и его бездельники. Этим и одного пузыря много будет.

— Не жмись, — убедившись, что будущий соус ведёт себя строго в соответствии с моим планом, я повернулся к столу. — Сам же знаешь — напутают со своими расчётами и привет. И пыли не останется.

— Вот пусть и сидят трезвыми.

Черная кошка, пробежавшая между ними, была мастером своего дела. Кок и Штурман

Самарин не общались уже около года. Может и больше, не знаю. Я нанялся на этот грузовоз год назад и всё это время их общение шло строго через посредников, полностью исключая прямые контакты. Согласно корабельной легенде он разругались из-за ставок на тотализаторе. Самарин проиграл, а Вильсон, наоборот — выиграл, что и привело к конфликту — с точки зрения штурмана, кок располагал некой инсайдерской информацией, которой, в силу своей природной жадности, не поделился с сослуживцем. Вильсон же, разумеется, отмёл подобные слухи и, в свою очередь, обвинил уже Самарина в поклёпе. Ну а дальше — как это и бывает, слово за слово... Вполне обычная, бытовая ситуация. Вот только мириться они ну никак не хотели. И покидать корабль — тоже, считая, что именно его уход будет расценен экипажем как признание своей неправоты.

— Да ладно тебе. — Приподняв крышку я помешал соус. — Дай им хотя бы пару пузырей.

— Пару? — он с сожалением посмотрел на бутылку в руке. — Пару, значит? Павел! — Окликнул он моего помощника. — На вот, отнеси тем господам две бутылки. — Вильсон протянул моему помощнику два джина. И смотри, — повернувшись ко мне, кок хитро улыбнулся. — Если на трапе опять упадёшь и разобьёшь обе...

— Виль?!

— Одну. Одну — разобьёшь, то я... — он погрозил поварёнку кулаком и продолжил, глядя мимо него. — Ух как ругаться! Не буду!

— Так у меня руки же заняты? Как я по трапу полезу? — Павел явно уже прикидывал свой навар.

— Разобьёшь обе, — я погрозил ему рукоятью черпака. — Ноги оторву и тебе же скормлю. Как Айсбане. Уловил?!

— Ага. Есть не разбить обе!

— Тогда беги, — Вильсон кивнул на дверь, и он тут же покинул помещение камбуза.

— Я чё я? Чё я? — повернувшись ко мне и напоровшись на мой неодобрительный взгляд он деланно удивился. — Я-то тут при чём, если твой подчинённый такой криворукий?! И вообще, займись делом!

— Поджарка готова, соус сейчас дойдёт. Салат Павел сделал. Суп со вчера остался.

— Вот и не отвлекай, — невпопад ответил он и вытащил сразу несколько наибольших плоских бутылок, напоминавших своим видом фляги — такие удобно носить в нагрудном кармане.

— Ещё коньяк? — Не обращая внимание на его недовольное ворчание я взял в руки одну из них. — Ром? Ты чего это? В смысле — кому?

— Мелкие — парковщикам, а вот эти, — Виль вынул одну за одной три высокие картонные

коробки. — Первому, второму и помощнику второго.

— А не жирно? И почему именно Ром?

— Так Вриз же говорил, забыл?

Я отрицательно мотнул головой и, засыпав молотого ореха в подошедшую смесь, принялся её перемешивать.

— Ну что он хочет с сигарой и стаканом рома посидеть.

— С сигарой? На корабле?! Где?

— Как где? — он подмигнул мне с самым заговорщицким видом. — Там, под вытяжкой, где кое-кто курит втихую. Кстати, — он ухмыльнулся и посмотрел прямо на меня. — Ты, если того нарушителя, ну мало ли, всякое бывает — увидишь, так скажи ему, что после курения неплохо было бы заборник вытяжки протирать, а то на ней пепел оседает. Скажешь?

Я неопределённо пожал плечами, не желая признавать свою вину. — Ну... Если, вдруг, увижу и не забуду — скажу.

— Вот и молодец. Кто у нас остался? — Он достал ещё штук пять бутылок и, расставив их на столе, склонился над ними, как полководец, планирующий бой на карте.

— Суперкарго со своим, — я выключил газ под кастрюлей с соусом и продолжил. — С гоблином своим.

— С гоблином, это ты верно подметил, — кивнул Вильсон. — Вот не понимаю, — он взял за горлышко поллитровку водки, и я кивнул, одобряя его выбор — со Смайсом и его помощником Жаком, отношения не сложились уже у меня. Суперкарго, как специалист, я хочу сказать, он был, не спорю, хороший, но вот как человек... Мне не нравилось в нём всё — начиная от его внешнего вида — густо напояженная и разделённая на тонкий прямой прибор шевелюра вкупе с тонкими, какими-то крысиными усиками, постоянно бегающими глазами и заканчивая манерой общения — Смайс общался со всеми так, будто самым фактом того, что он соизволил обратить на тебя внимание и снизойти до беседы, делал огромное одолжение собеседнику. Жак, бывший его заместителем и числившийся старшим по грузовым отсекам, был, в принципе, нормальным мужиком, вот только его словарный запас состоял не более чем из двух, может трёх десятков слов, две трети из которых не подлежали цензуре. Общаться с ним, в силу этого было сложно — меня хватило на несколько бесед, в ходе которых я был послан куда-то уж слишком далеко и единственным плюсом которых, было пополнение моего словаря новыми терминами и неожиданными речевыми конструкциями.

— Не понимаю, — продолжил тем временем

кок. — Как они, такие разные и уживаются вместе?

— Понятия не имею и знать не хочу. — Я залил поджарку соусом и снял сковороду с плиты. — Водки им дай, ну Жаку точно.

— Может Смайсу текилы?

— И лимон есть и соль.

— Тогда так и сделаем. А это тебе, держи. — Он протянул мне бутылку, сквозь прозрачные стенки которой виднелось светло жёлтое содержимое.

— Хм... — Я взглянул на этикетку. — Мускат? А в честь чего такая щедрость, начальник?

— А что — нельзя? — Вильсон посмотрел на меня исподлобья. — Сегодня исполняется девять лет, как я по космосу мотаюсь. Как тебе такой повод?

— Дата же не круглая?

— Не нравится, давай сюда! — Он протянул к моей бутылке руку, и я поспешно убрал её себе за спину.

— Да ладно тебе, — я отступил от стола и поставил бутылку в нишу над вытяжкой, заранее предвкушая сочетание нарушение сразу двух запретов — курения и распития на борту во время похода. Карательных мер я не боялся — наш Старик, капитан Лосев был из тех ветеранов, которые спокойно смотрели на мелкие нарушения.

Команда сыта? Жалоб на самочувствие после еды нет? Камбуз чист? Ну и делайте что хотите, только со своими обязанностями справляйтесь.

Первый раз он запалил меня на второй неделе моего пребывания на борту, и я уже начал собирать свои вещи, ожидая пинка под зад в следующем порту, но его не последовало, как и хоть какого-то нагоняя или замечания от своего непосредственного начальника на борту этого среднего транспортника. Поймав меня во второй раз, это произошло спустя полгода, Лосев посоветовал споласкивать рот хвойным лосьоном, но — без усердия, тем самым негласно подтвердив моё окончательное зачисление в команду.

А стоило ему покинуть камбуз, как появился Виль, и не говоря ни слова, поставил на стол плоский флакон с именно такой этикеткой. Вот только был там не лосьон, а хороший коньяк из личных запасов капитана. Что же, на каждом корабле свои традиции и правила.

Завтрак, обед и ужин собирали в кают-компании практически весь экипаж, кроме, разумеется, находившихся в этот момент на вахте или занятых срочным ремонтом — наша коробка давно миновала годы корабельной молодости и сейчас на ней постоянно что-то выходило из строя, обеспечивая Деда и его парней постоянным

фронтом работ.

Однако сегодня было сделано исключение из правил — минут за сорок до ужина, вообще-то, по порядку, это должен был быть обед, но получение груза заняло больше времени, чем планировалось, так вот — за сорок минут до ужина к нам, по трансляции, обратился сам Старик, что уже само по себе было совсем не рядовым событием:

— Прошу внимания, экипажа. — Несмотря на то, что большую часть своей карьеры наш капитан провёл на военной службе, использовать казённые фразы он не любил.

— Коллеги, буду вам весьма признателен, если через сорок минут, вы все, включая дежурную вахту, соберётесь в кают-компаниях. Корабль попрошу поставить на автопилот. Спасибо.

Динамики смолкли, и я озадаченно потёр лоб — чего ради кэпу вдруг потребовалось всех собирать? Дня рождения или иного, какого праздника, вроде не было, рейс был самый обычный, рядовая ходка — весело взяли груз и быстро, с улыбочкой, дотащили до получателя. Чего ради шум?

— Что? Всех вот прямо с вахт? А рулить кто будет? — Павел, собравший приборы для сервировки стола потёр лоб позаимствованным у меня жестом. Для него я был не только начальником, но и авторитетом — боевые медали,

полученные на эсминце, делали меня героем в его глазах.

— А чего рулить-то? Через минут двадцать уйдём в прыжок, минут пять — ну, десять, в гипере, а как вынырнем, всё одно час висеть без дела пока генераторы накопители не зарядят.

— Да, но...

— Что но? Ты лучше приборы как следует вытри, что бы народ морды не кривил, мол опять всё мокрое.

Он молча кивнул и принялся перебирать вилки и ложки, протирая полотенцем те, которые, на его взгляд, были не в должном состоянии.

— Расслабься. — Я закончил перекладывать мясо в мельхиоровую чашу и накрыв её крышкой, повернулся к нему. — Старик не первый год ходит, да и поверь — после выхода из прыжка, в рубке, я имею в виду, делать нечего. Скука. Можно, конечно, на новый курс лечь, но толку от того, что ты чуть ближе к следующей звезде сместишься — никакого. Масштаб не тот, понимаешь?

— А как же Устав? Он же предписывает...

— Так мы не на военном и не в бою. Идём стандартным торговым, пиратов тут нет, да и не нужны мы никому — наверняка в трюме опять либо руда, либо мясо. — Я хотел было добавить, что даже если бы мы были вне охраняемого торгового коридора, то и в этом случае на нас бы — с таким

грузом, никто бы не позарился, но осёкся — уверенности, что груз именно такой у меня не было.

Смущала задержка при погрузке.

Такое уже было — месяца три назад. Тогда Лосев выбил фрахт на перевозку какого-то оборудования, и мы приняли на борт два отделения морской пехоты — для охраны, если кто попытается нас перехватить. Захватывать нас никто не стал и десантники, пробездельничав весь рейс, покинули наш борт в точке назначения, получив за это весьма приличную сумму денег.

Увидев мою заминку Павел вопросительно посмотрел на меня, но ответить ему я не успел — пол провалился под моими ногами и по телу прокатились чередующиеся волны жара и холода, подтверждая переход нашего корабля в гиперпространство.

— Уже? — Поварёнок озадаченно потёр лоб. — Ты же говорил, что минут через двадцать?

— Могли и раньше уйти, может Дед чего починил. — Я пожал плечами. — Ты лучше не отвлекайся. Бери тарелки и иди стол накрывать. Я тебя догоню.

— Друзья! — Лосев, облачённый в парадный мундир со всеми своими регалиями и даже с погонями капитана второго ранга, поднялся со своего места во главе стола держа в руках рюмку

коньяка. — Я понимаю, что это собрание, на которое я попросил прибыть всех, вызвало у вас вопросы и хочу сделать небольшое, — он сделал паузу и обвёл присутствующих взглядом. — Сообщение.

Сейчас в кают-компании был собран весь экипаж — все двадцать четыре человека, что сам по себе было беспрецедентным случаем — на моей памяти что здесь, что ранее, такого не было, особенно учитывая, что мы не стояли в доке, а висели в пространстве безымянной номерной звезды, ожидая завершения накачки прыжковых накопителей энергией для следующего прыжка.

— Вы все помните, что несколько месяцев назад нам удалось получить удачный фрахт. Правда, большая часть оплаты ушла десантникам, но зато мы получили высокий рейтинг в компании... Впрочем, её название вам ничего не скажет — главное, что мы исполнили тот контракт строго в соответствии с договорённостями, оставив нашего нанимателя довольным.

На несколько секунд в отсеке зародился шум — все помнили тот рейс в основном благодаря морским пехотинцам, которые маясь от безделья, лазили по всему кораблю, путаясь у нас под ногами.

— Так вот, — Лосев повысил голос и шум быстро стих — все ждали сути его речи. — Вы безусловно заметили, что мы покинули станцию с

задержкой. Сейчас я могу сообщить вам её причину — мы ждали новый груз от этой же компании. И, благодаря нашей репутации — мы получили новый фрахт.

По кают-компанин прокатился одобрительный гул.

— Ещё минуточку. Потерпите немного и да — Жак, я понимаю, что водка греется и выдыхается, но — ещё буквально один момент. Совсем коротко — у нас сейчас полный трюм их техники. Оплата за этот рейс такая, — он позволил себе победно улыбнуться. — Что после его окончания каждый из вас получит премию, равную вашим двум годовым доходам.

— Ура! Капитану — ура! — вскочил со своего места один из парковщиков, но Лосев движением руки отправил его на место. — Самое последнее. Как это не печально, друзья, но я принял решение закончить свою карьеру капитана. После разгрузки наш Бубалюс будет продан. Выручка — разделена между всеми. Я уже провёл предварительные переговоры и могу сказать — после этого рейса вы все станете весьма обеспеченными людьми. Ваше здоровье, друзья! — Он поднёс рюмку к губам и прежде чем её опрокинул весело подмигнул нам.

Мы дружно последовали его примеру.

— Что ж. — Капитан сел на своё место во главе стола. — Приятного аппетита.

В помещении сразу стало шумно — звякали приборы, разросся и повис гул голосов — всем не терпелось обсудить с товарищами последние новости.

— Здорово! Вот уж не ожидал такого! — ко мне повернулся сидевший рядом Павел. — А что ты думаешь, а, Семён?

— Конечно... — рассеяно ковыряясь вилкой в тарелке, невпопад ответил ему я. Есть не хотелось — я нахватался кусочков, пока готовил, да и после таких новостей лично мне кусок в горло не лез. Решение капитана сильно перечёркивало мои планы.

Нет, я не был против получения приличной суммы, это было совсем не лишним, но вот мои планы, его решение перечёркивало полностью. Работая на борту Бубалюса я надеялся постепенно дойти до пилота, получая практическое обучение, ради чего весь год старательно откармливал Второго Пилота, балуя его различными вариантами копчёностей, до которых он был большой охотник и получая взамен возможность практиковаться в управлении нашего грузовичка. Под его присмотром и только в пустом пространстве, разумеется. Ещё полгода такой практики — благо всё фиксировалось в бортовом журнале и моей карте, и я мог бы попробовать сдать экзамен на оператора маневровых, от которого открывалась

прямая дорога к должности помощника Второго Пилота и далее — к креслу Первого.

— Что конечно? — непонимающе переспросил поварёнок, но тут же переключился на более важный для себя вопрос. — Ты как думаешь — нам за корабль, я про свою долю, сколько обломится?

— Средний грузовоз, класс Вол, — я неопределённо покачал головой. — Новый, со стапелей, лимонов так сорок пять — полста потянет.

— А наш?

— Не менее тридцатки.

— Ух ты ж... — Он быстро прикинул в уме. — Это, наверное, больше миллиона монет каждому, да?

— Ну где-то так, — я кивнул головой, разглядывая собравшихся. В основном народ веселился, во всю налегая на подаренное Вильямом спиртное. Среди всеобщего веселья островками спокойствия и даже немного какой-то отстранённости, выделялись трое — сам Лосев, который просто глушил свой коньяк стопками, игнорируя закуски, Самарин, который меланхолично крутил в руках пустую вилку, уставившись неподвижным взглядом в стоящую перед ним полную рюмку и, к моему удивлению — Виль. Кок так же не пил, предпочитая налегать на

мясо. Зато его он поглощал с завидной скоростью, не забывая пополнять свою тарелку, стоило ей опустеть. Я понимающе кивнул — сладкая парочка оказалась за столом впервые за долгое время и что самое плохое — они сидели точно друг напротив друга, старательно избегая встречаться взглядами.

— Коллеги! — Старик встал и постучал вилкой по пустому стакану для воды, стоявшему рядом с ним. — Я вас покину, дела ждут, но вас прошу не обращать на это внимания. По контракту мы должны доставить груз послезавтра, но благодаря нашему штурману мы немного срезали путь и сейчас находимся в одном переходе от конечной точки. Прошу сильно не набираться, особенно это касается пилотов, — он посмотрел на хорошо поднабравшихся парковщиков. — Завтра вам придётся поработать. Так что... — Он поднял рюмку. — Спасибо вам, мужики! Спасибо и удачи!

Опрокинув рюмку, он коротко поклонился и вышел из кают-компании.

— Слышь... Это... Семё...ик...оон, — мой подшефный, после ухода Лосева, окосел просто моментально, дав мне повод подумать о роли личности капитана в плане дисциплины и придания сил экипажу.

— Ой... Что-то мне... — Он явно позеленел и я, подхватив его под мышки и поволок в сортир под смешки более крепких товарищей.

Уложив его в койку я некоторое время колебался — вернуться в кают-компанию или пойти на камбуз и посидеть там в тишине, прикидывая планы на будущее. Сам я пьяным, даже выпившим не был — моя бутылка так и осталась стоять в нише над вытяжкой — я про неё просто забыл, а выходить из отсека после того как капитан начал свою речь было бы по крайней мере бестактно, так что, всё это время, я пробавлялся яблочным соком, надеясь, что никто не попросит попробовать моего типа вина. Так, собственно, и произошло — народ принялся активно потреблять свои напитки, не обращая никакого внимания на состояние стаканов соседей.

Вернуться? Захватить пузырь и присоединиться к общему веселью?

— Что скучаешь? — Со мной поравнялся куда-то спешащий Самарин и я прижался спиной к переборке, пропуская его. Странно, но от него спиртным и не пахло.

— Да вот думаю — возвращаться или нет.

— Понятно. Как Павел?

— Да что ему будет... Спать уложил — к утру проспится.

— Молодёжь... Совсем пить не умеет. Ты бы поторопился, народ там сейчас всё подряд добывает, смотри — опоздаешь, безо всего

останешься. А выпить надо, всё же такое раз в жизни бывает. — Он махнул рукой в сторону кают-компания, откуда, сквозь приоткрытую дверь доносились пьяные выкрики — народ точно пошёл в разнос.

— Иди-иди.

— А вы что?

— Забыл коррекцию учесть. Вот только вспомнил. Сейчас поправку внесу и вернусь. А утром — на свежую голову, проверю. Там встретимся, — он ненавязчиво подтолкнул меня к двери и хлопнув по плечу на прощанье, направился в рубку.

На свежую? Хм... Он же и так трезв. Чего комедию то ломать?

Покачав головой, я повернулся в сторону камбуза. Сидеть в компании конкретно пьяных мужиков мне не хотелось, и — тем более, идти туда со своей бутылкой. Выжрут же, моментом — судя по тому, что крики перешли в подобие пения народ, покорила очередную высоту на пути к полному отключению мозгов. Я уж лучше один, в тишине — с сигаретой и бутылкой, посижу. Да и завтрак приготовить надо... Хотя... Им рассол на завтрак потребуется, какая там еда — после такого-то возлияния. Или всё же приготовить чего?

Прикидывая утреннее меню я и не заметил,

как ноги сами принесли меня на камбуз. Привычно активировав таймер духовки, я быстро слепил из заранее приготовленного теста два десятка плюшек и обильно посыпав их корицей, отправил в печь.

Вот теперь и самому можно расслабиться — автомат сам включится и всё сделает, так что мне только останется накрыть стол, поставить посреди него блюдо с выпечкой и ждать самых стойких.

Выпить что ли?

Я вытащил бутылку из ниши и покрутил её в руках — с ней явно было что-то не так, вот только что именно я понять не мог. Бутылка как бутылка, пробка залита сургучом, этикетка с рельефным тиснением — вроде всё было правильно, но какая-то деталь неосознанно заставляла меня напрячься. На ней явно чего-то не хватало, а вот чего именно — понять не мог. Решив разобраться с ней позже, я взял её в руки, намереваясь поставить обратно — в нишу, как мой палец скользнул в выемку на донышке, какие бывают у дорогих марок и кожу что-то неприятно царапнуло. Заинтересовавшись я уселся на диванчик и включил лампу — первое время, до появления поварёнка, я практически жил тут — Виль сразу перевалил на меня большую часть грязной работы, так что мой рабочий день заканчивался обычно в районе утра — по корабельному времени и я несколько раз засыпал прямо за разделочным столом. Появление

диванчика было подарком от капитана, явно заметившего моё состояние, ну а лампу я уже сам приобрёл — для удобства чтения различной местной литературы.

Осторожно перевернув её вверх доньшком и подставив под яркий свет, я пригляделся, стараясь разглядеть то, что укололо меня. Разгадка обнаружилась быстро — в воронкообразном доньшке бутылки было проделано небольшое отверстие, чьи края характерно блеснули, когда на него упал свет лампы.

Странно... Заводской брак? Но тогда бы автоматика не пропустила. Да и кому надо ремонтировать бутылку — проще скинуть в переплавку и сделать новую. Кроме того — Вильсон закупал алкоголь хоть и оптом, но в хорошем месте и что бы там оказалось подобное... Не. Конкуренты сожрут моментом — за качеством всего, что можно было съесть или выпить тут следили очень строго.

Так и не найдя ответа я встал и засунул её обратно в нишу, решив отложить решение этой загадки до утра — судя по корабельным часам уже было начало третьего и до завтрака оставалось не более четырёх часов, как раз достаточно что бы слегка отдохнуть.

Продремать мне удалось не более пару часов

— сначала запищала, переходя в рабочий режим плита, а затем, как мне показалось — всего несколько минут спустя, что-то, очень похожее на приглушённый пистолетный выстрел гулко бухнуло внутри корабля. И ещё! И ещё раз!

Кто-то явно стрелял из огнестрела — послышались ещё три выстрела, после чего восстановилась тишина, но спать я уже не мог и уселся на диване зевая, протирая глаза и не понимая — была ли стрельба явью или деталью моего сна.

Судя по часам, было без малого шесть утра — автоматика работала исправно, наполняя небольшое помещение камбуза ароматами свежей выпечки, отчего я машинально ткнул кнопку кофе машины, внося в душистый запах хлеба резкую нотку бодрящего кофейного аромата.

За дверью послышался какой-то шум, но я не обратил на него никакого внимания — обычно в это время вдоль коридоров корабля начинали ползать примитивные автоматические пылесосы, чьи мозги сбивались от любого чиха, заставляя тупые железки биться о переборки в поисках прохода.

Коротко пискнул кофейный аппарат и я, достав сигарету протянул руку к сенсорной панели вытяжки — утреннее кофе вкупе с сигаретой были моей привычкой, отказываться от которой я не собирался.

Вытяжка включилась с громким щелчком,

похожим на приснившейся мне выстрел, отчего я поморщился — парни Деда воевали с ней уже месяца два, пытаюсь устранить этот дефект, но пока они неизменно оказывались в числе проигравших.

От двери снова послышался какой-то шум, но теперь к царапанью добавился и лёгкий стук — очередной шедевр местной автоматики требовал внимания специалистов. Глотнув кофе, я положил сигарету на край плиты и подойдя к двери, чуть приоткрыл её, намереваясь отвесить доброго пинка тупой железяке.

Дверь двигалась туго, будто автомат встал на тормоз — мне пришлось ударить её плечом, отбрасывая препятствие снаружи. Это помогло — створка резко дёрнулась, открывая проход и на меня упало тело Павла, перемазанное кровью.

Рывком втянув его тело в отсек, отчего парнишка глухо вскрикнул, не открывая глаз, я захлопнул дверь и двумя поворотами блокирующих створку рычагов, заблокировал её, делая проход абсолютно непреодолимым для любого, решившего попытаться проникнуть внутрь.

Камбуз, несмотря на то, что относился к второстепенным отсекам — с точки зрения живучести корабля, но при этом имел класс опасности два, то есть был местом повышенной опасности, благодаря чему размещался в самой дальней точке жилого пространства, вдобавок

гранича своим потолком с внешней обшивкой корпуса. И именно благодаря этому расположению наша дверь была рассчитана на многое — вплоть до пробоя корпуса и разгерметизации помещения — если бы подобное произошло, то давление воздуха в коридоре дополнительно бы прижало её, предотвращая возможную утечку.

— Павел? Пашка, ты жив? — Я присел перед ним на корточки и всмотрелся в его бледное лицо, прикидывая какую помощь я могу ему оказать, не покидая отсек.

— Се...мён, — он приоткрыл глаза и снова закрыл их. — А... Мне не больно.

В этот момент я порадовался, что его глаза были закрыты — иначе бы он увидел, как я прокусил себе губу, сдерживая крик — не больно!

Если не больно, то всё, отходит, может в мед отсеке ему бы и помогли, но мы то были на камбузе и помочь ему, хоть чем-то, я был бессилён.

— Зачем? Что...это он...в меня? — Что бы разобрать его шёпот я наклонился к самому его рту и невольно отпрянул, когда оттуда появилась первая струйка крови.

— Кто, Паша, кто в тебя стрелял? — Понимая, что поступаю жестоко, я слегка встряхнул его пытаясь хоть таким способом привести умирающего в чувство.

— Ой... Боль. но... — Он часто задышал —

развязка приближалась, но всё же переборол себя и выдохнул. — Вильсон...

В следующий момент его голова опустилась на грудь и он, разом обмякнув, мягко завалился на бок.

С минуту я молча сидел рядом с ним, пытаюсь осознать услышанное — зачем коку убивать парня? И тем более, что через несколько часов мы все должны были бы стать весьма обеспеченными людьми? Какой резон вешать на себя мокрое? С криминалом тут боролись основательно, не оставляя преступившим закон ни малейшего шанса на снисхождение и делая их пребывание в освоенных системах полностью невозможным. Вильсон... После такого, а теперь я был уверен, что вся услышанная стрельба мне не приснилась, у него был только один шанс избежать наказания — застрелиться. И в чём тогда резон? Угнать корабль? Так он же не пилот, да и без помощи парковщиков, а их восемь человек — по одному на каждый движок, ему не справиться. Если только он не в сговоре с ними... Хорошо, допустим — подкупил он их. Чем-то. Деньгами? А где их тратить? На первой же планете или станции — при контроле на выходе из порта заметут. Угрозами? Возможно — но одному запугать восьмерых? Парни они не робкие — массой бы задавили. Но — допустим. Как-то он их того.

Уболтал.

Корабль, допустим, пилотировать он умеет, а дальше что? Будет по системе мотаться, пока топливо и воздух не кончится? В прыжок кто корабль поведёт, расчёты новые — кто делать будет? Самарин? Да этот предпочтёт быть убитым, нежели с ним рядом в сортире присядет.

А тогда что получается?

А то — сиди-ка ты, повар Семён тихо и жди, когда полиция объявится и вытащит.

Приняв такое решение, я начал действовать и первым делом накрыл тело Павла чёрным пластиковым пакетом для мусора. А что делать? Других материалов-то у меня не было, это всё же кухня.

Я не стал произносить над его телом никаких клятв или обещаний — чего ради зря воздух сотрясать?! Убийца был мне известен, с корабля он никуда не денется — спокойно ждём полицию и уж потом сочтёмся. Но всё же странно — чего это вдруг Вильсон, которого за год я узнал, как спокойного, уравновешенного и слегка даже подторможенного человека, станет открывать стрельбу в корабле? Заняв голову подобными рассуждениями, я обновил кофе в кружке и вытащив из отключившейся духовки плюшку, уселся за стол — делать было нечего, и я решил

таким образом скоротать время до своего неизбежного освобождения.

Ждать пришлось не особо долго — две с половиной кружки и три плюшки — последние сегодня удались просто на славу и жуя их я мог только сожалеть, что сегодня вряд ли кто сможет по достоинству оценить мой кондитерский шедевр.

И вот — как раз, когда я меланхолично размышляя о превратностях судьбы, дожёвывал третью, корабль вздрогнул и послышался неприятный скрежет, который лично мне показался одним из самых, если не самым приятным звуком в моей жизни — с Бубулюсом кто то швартовался. И, что немаловажно — этот кто-то очень торопился, судя по тому, что свой корабль наш гость просто притёр к нашей обшивке, тормозя об её поверхность.

Может сделать полицаям кофе? Они такие — стук-стук, отдраивай давай! Полиция!

Ну, я открываю дверь, а тут стол, кофейник и гора свежих плюшек.

Точно!

И пузырь на стол — мне для своих спасителей ничего не жалко!

Приняв такое решение, я взялся за дело, начав с того, что привёл его в приличный вид, протерев столешницу влажной тряпкой, после чего,

расставив кружки, поднос с плюшками водрузил посреди стола бутылку муската. Отойдя в сторону, я вытащил новую сигарету — предыдущая благополучно дотлела до фильтра лёжа на плите, и затаившись, критическим взглядом окинул получившуюся композицию — ничего так. Приятно выглядит, мирно. Если бы не прикрытое пакетами тело моего помощника у стены, то картина была бы совсем идиллической. Разве что скатерти не хватало — как последнего штриха к праздничному столу.

В дверь снаружи тихо постучали, и я удивлённо хмыкнул — как-то уж слишком быстро. От шлюза, к которому можно было пристыковаться, до камбуза, было около двух сотен метров. Вообще, корабли в этой вселенной страдали гигантизмом — наш транспортник, внешне более похожий на кирпич, имел длину без малого четыре сотни метров и при этом относился к среднему классу грузовозов. Его внешность так же была принесена в жертву прагматизму — на прямоугольном корпусе выделялось всего несколько деталей — дюза двигателя на корме, небольшой бугорок ходовой рубки с другого торца и восемь маневровых по углам конструкции. Ни антенн, ни каких-либо других выступающих элементов наш Вол не нёс, являясь, по сути, просто ящиком для перемещения в

космосе других ящиков. Загружали нас через откатную секцию в переднем торце кирпича, рядом с которой располагался и шлюз, чья дверь была выполнена заподлицо с поверхностью и выделялась на металлической плоскости только тем, что была окрашена в зелёный цвет. Посадочных опор здесь тоже не было — корабли либо висели в пространстве, соединяясь между собой или станциями переходными рукавами, либо просто плюхались на брюхо, позволяя погрузочной технике заезжать внутрь без помощи каких-либо дополнительных аппарелей или конструкций.

Не буду утомлять вас описанием обитаемого сегмента Бубулюса, скажу только, что посетитель, возжелавший пройтись из шлюза к камбузу, должен был сначала подняться на лифте от нижней плоскости коробки почти к самому верху — а это составляло чуть более ста метров, выйти из него в осевой коридор и пройти ещё две сотни по нему, удаляясь от ходовой, которая, по моему представлению, была куда более важной целью для полиции, нежели небольшой кухонный отсек.

Стук повторился, и я подошёл к двери:

— Кто там? — понимаю, вопрос был идиотским, но ничего другого мне в голову в тот момент не пришло.

— Светодаров? — несмотря на то, что дверь

сильно приглушала звуки, я узнал говорившего. — Это Самарин. Открой.

— Вы живы? — я положил руку на рычаги блокираторов, готовясь отжать их, освобождая плотно двери. — Полиция уже тут? Они с вами?

— Кто? Полиция? — его голос дрогнул, и он замолк.

— Эй? Самарин? Вы тут? Кто к нам прилетел? Полиция?

— Семён... Полиция... Ах да, ты о полиции! Сначала не понял тебя, тут столько всего произошло! Трупы кругом — весь экипаж, представляешь?! — в его голосе появились какие-то натянутые нотки, как у человека на ходу изобретающего правдивую ложь. — Открывай быстрее! Ну?

— А зачем?

— Как это зачем? Выходи, — теперь его голос звучал уверенно. — Они здесь, тебе ничего не грозит.

К его последним словам примешался какой-то шум — там, за дверью, он был явно не один.

— Мне и тут не плохо. — Я убрал руки от рычагов и покрутил головой, прикидывая, что можно сделать — от его последних слов несло вполне явственной ложью.

На глаза попался шкаф с посудой и, припомнив детскую игру, я достал оттуда стакан.

— Светозаров! Открывайте! Это полиция! Немедленно! Разблокировать дверь — это приказ! — новый голос был мне не знаком — говоривший чётко выговаривал слова, и они выходили у него какими-то рубленными, будто этот человек был военным, привыкшим отдавать короткие и максимально понятные приказы.

— Да-да, секундочку, я сейчас!

Подойдя к двери, я приложил к ней стакан и прижал ухо к доньшку. Слышно было не очень, но я всё же смог разобрать голоса стоявших за дверью людей.

— Ну что он, как думаешь, откроет? — это был точно Самарин.

— Куда он денется, — второй голос принадлежал полицейскому. — Сейчас потороплю его.

Я успел убрать ухо от стакана, прежде чем он снова постучал в дверь:

— Чего копаешься? Светозаров, мать твою! Открывай! Хуже будет!

— Сейчас! — Торопливо пискнул я и пытаюсь потянуть время немного пошевелил одним из рычагов. — Господин офицер! Заело! Я... Я сейчас, что ни будь тяжёлое возьму.

Взяв из стола молоток для отбивки мяса, я постучал им по рычагу, заклинивая его.

— Не идёт! — стукнув ещё пару раз я снова

взял стакан в руки.

— Он у тебя что? Дебил? — теперь голос офицера звучал раздражённо. — Он же клинит его!

— Перепутал со страху, сейчас я с ним поговорю — успокою. — а вот этот голос услышать тут я не ожидал. Уж чей, а Вильсона я мог опознать в любом состоянии.

— Господин кок?

— А что так официально, дружище? Открывай, всё кончилось.

— Там рядом с тобой Самарин... Я с ним разговаривал.

— Ну да. И что такого? Ах да... Понял, помирились мы, Сема. Когда отбивались... — он замолк на миг, но потом продолжил с фальшивым воодушевлением в голосе. — Ты не представляешь — как это сплачивает, когда за свою шкуру бьёшься! Открывай, всё нормально.

— С кем бился-то? С Павлом? — Я бросил взгляд на тело у стенки. — Чем он тебе-то не угодил?

— Дошёл значит... Гадёныш мелкий! — из его голоса разом пропало всё напускное дружелюбие. — Слушай сюда, Семён. Дело серьёзное. Либо ты открываешь и тогда обещаю, что не убью тебя, либо...

— Что либо? Зайди сначала!

Он замолк и с той стороны послышался

неразборчивый шум голосов — я быстро приставил стакан и вслушался.

— Вскрыть сможем? — с голосе лже-полицейского, а я уже не сомневался, в том, что прибывшие не имели никакого отношения к полиции, звучало сомнение.

— Долго. — тон Самарина был категоричен. — Элемент защиты. Врезать можно — если у тебя с собой плазменная горелка есть. Есть?

— В другом кармане оставил, млять!

— Тихо, не спорить! Я его знаю, — а вот голос моего бывшего начальника, наоборот, был полон спокойствия. — Исполнителен, трусоват, расчётлив. Дожму его, только вы помолчите.

— Может через трюм? — полицай начал прорабатывать обходные варианты.

— Не пройти. Там контейнерами всё забито. Давай, Виль. Пробуй — времени мало, да ещё не дай Бог он найдёт, тогда...

— И что мне найти надо? — перебил я его, оглядывая помещение.

— Сёма... Тебе не говорили, что подслушивать — нехорошо?

— Говорили, согласился я с ним. — Но подслушивать нехороших — это же уже и не так нехорошо? Согласись, да? Особенно — когда речь о моей шкурке идёт.

— Соглашусь, Сёма, соглашусь. Давай ближе к телу.

— Давай.

— Ситуация у нас патовая. Тебе не найти то, что я на камбузе спрятал, а нам это очень нужно.

— Что прятал-то, а, Виль? — я отошёл от двери и в очередной раз внимательно оглядел помещение. Безрезультатно. Всё было на своих местах и глаз не находил ни одного несоответствия, за который можно было бы зацепиться.

— Так я тебе и скажу, — фыркнул в ответ кок. — И, кстати, не перебивай. — Он вздохнул и с деланным сожалением произнёс, обращаясь к своим товарищам. — Деградирует молодёжь, никакого уважения к старшим.

— С кем поведёшься, — так же насмешливо фыркнул я в ответ.

— Тебе не найти, это факт. Но тебе и не выйти — согласишься.

— А зачем? Вода, еда есть. Я тут хоть год сидеть могу.

— Перекроем кислород — вылезешь! Но тогда уже не обессудь. Другой разговор будет. Или сдохнешь там. Выбирай.

— Мне воздуха минимум на день хватит, — парировал я, примерно представляя объём помещения. — Да и вода есть и электричество — долго что ли из неё кислород получить?

— Спасибо, что напомнил — питание мы тоже тебе отрубим. Прямо сейчас. Самарин, сбегай к щитку, а? Сделай милость.

Судя по тому, что свет пропал — штурман милость сделал. Найдя на ощупь дверь, я уселся на пол рядом с ней и зашарил по карманам в поисках сигарет.

— Газ жечь не советую, — заботливым тоном подсказал Вильсон. — И курить тоже. Воздух поэкономь.

Он был прав и я убрал сигарету назад, в пачку.

— Ну ты сиди, что уж тогда. Мы тебя потом, на станции выковырнем. Разгрузим трюм и стенку прорежем. Только — ты уже без пользы нам будешь. Я доступно перспективы описал?

— Вполне. Вот только один прокол у тебя есть.

— И какой же?

— Время. Спешите вы. А я нет. Спокойно тут дождусь полиции, подремлю на диванчике.

— Светозаров. — к коку присоединился штурман. — Ты хоть представляешь, что мы с тобой сделаем? Умирать будешь долго.

— Пугаешь?

— Нет, нервы у тебя крепкие, это видно. Считаю это обещанием.

— Семён, — к беседе снова вернулся кок, разыгрывая роль хорошего полицейского. — Ну вот

зачем тебе это? Молодой ты ещё, тебе жить да жить ещё!

— Тут уже лежит один молодой. Ему тоже...

— Так ты — другое дело! Сёма. Я буду с тобой откровенен.

При этих словах я саркастически хмыкнул.

— Не доверяешь?

Я промолчал.

— Сёма. Слушай сюда. Нам правда очень нужно кое-что забрать из, — он запнулся, не желая выдавать ответ, но быстро продолжил. — Из камбуза. Кое-что. Ты парень не глупый, туповатый, но не глупый.

— Спасибо. За тупого — отдельное.

— Говорю как есть, Семён. Не перебивай и слушай внимательно. Я хочу сделать тебе предложение, которое подворачивается раз в жизни. Ты не глуп — поэтому подумай хорошенько, но не долго. Времени у нас действительно мало.

— Что предлагаешь? — я снова перебил его, но нравоучения на этот раз не последовало.

— Присоединяйся к нам. Принесёшь клятву и...

— погоди. К вам — это к кому? К бандюкам что ли?

— Да. Только мы себя по-другому называем.

— Мы не пираты, мы — благородные

разбойники! Так что ли? — Вспомнив старый мультик передразнил его я.

— Да.

— Ты гонишь!

Последних настоящих пиратов, терроризировавших транспортные коммуникации, вывели лет так двести назад — чем-то они насолили нынешнему, Двадцать Восьмому, и он объявил их всех своими личными врагами, обязав флот начать полномасштабную войну. Понятно дело, чем всё закончилось — противостоять Флоту Империи они не могли и были быстро либо истреблены, либо вытеснены за пределы государства, продолжив свои криминальные карьеры у наших соседей, что, конечно, не добавило их любви к Империи.

— Нет. Приноси клятву и становись одним из нас. Тогда тебя никто пальцем не тронет.

— И стать вне закона? Поймают же.

— Нас-то не поймали. Открывай дверь — даю слово, тебя мы не тронем. А присоединишься — своим станешь.

— Ага. Я открою, а ты меня как Павла.

— Слово!

— Что?

— Здесь два свидетеля. Самарин и Рож. Одного ты знаешь, ну а со вторым, дай Бог ещё познакомишься. Я, в присутствии двух свидетелей,

обещаю тебе Светозаров Семён, что тебе не будет нанесено никакого урона для твоего физического или психического здоровья, если ты откроешь нам дверь немедленно. — Он произносил эти слова медленно, тщательно выговаривая каждую букву, стараясь произнести данную формулу максимально понятно и разборчиво.

— Слово сказано! — стоило ему замолчать, как я услышал голоса Самарина и Рожа:

— Слово услышано! — подтвердили они, и по тому, как прозвучали эти слова, я понял, что за ними стоят не только звуки, а нечто большее, нечто являвшееся частью этого, всё ещё нового для меня мира. Но всё же, меня продолжил точить червячок сомнения:

— Никакого физического или психического урону?

— Верно.

— В чём засада тогда? Ты же не отпустишь меня?

— Я ничего не сказал про твою свободу. Ну? Открывать будешь?

— В камеру посадишь? На цепь? Пожизненно?

— Цепь — это уже урон. Просто закрою на какое-то время, а там видно будет. Открывай, Сёма. Время истекает.

— Свет включи. — Я понимал, что ситуация

тупиковая. Да, я мог отсидеться тут день, ну полтора, а что дальше?

Обычно полиция реагировала на любое нестандартное поведение быстро — как-то раз у нас забарахлил накопитель, и мы зависли в пространстве какой-то звезды. Система была необитаема, высели мы в стороне от торгового маршрута, но даже тогда — не прошло и пары часов, как рядом с нами объявился небольшой патрульный кораблик, который, не приближаясь к нам, осведомился о причине нашего поведения и помог вызвать бригаду ремонтников с запасными частями, отсутствовавшими на борту. И всё то время, что наши механики вместе с прибывшими инженерами занимались ремонтом, он висел рядом с нами, до самого нашего прыжка на следующую точку.

А сейчас... Уже прошло часов пять — шесть, как мы прибыли сюда и до сих пор никто нами так и не поинтересовался. Или — интересовались, но их смогли убедить, что у нас всё в порядке?

Хм... Ну подлетят они к нам. Пошлют запрос — им штурман и ответит, мол всё путём, капитан праздник устроил экипажу, вам-то что? Вот чего тогда Самарин в рубку спешил — ждал, что может прилететь патруль, а он, как штурман корабля, имеет полное право находиться в рубке.

Лампы освещения вспыхнули, и я торопливо прикрыл глаза рукой, вздрогнув от неожиданности.

— Ну что?

— Открываю. — Встав, я отжал оба рычага, снимая створку с блокировки, одновременно отступая в сторону от проёма, чтобы не оказаться прямо перед ним.

Первым в помещение вошёл Вильсон — он протянул ко мне пустые ладони, показывая, что безоружен, а затем произнёс, глядя на стол:

— Ты и завтрак накрыл? Молодец! Не против? — взяв со стола одну плюшку кок откусил небольшой кусочек и расплылся в довольной улыбке. — Мммм..... Вкусно! Выпечка — твой конёк, Сёма.

За ним в помещение вошёл Самарин и незнакомый мне мужчина средних лет. Последний был облачён в простой скафандр с откинутым шлемом.

— Рож, — представился он, кивнув мне как старому знакомому. — Плюшки? Я возьму...одну?

Не дожидаясь ответа он сгрёб с подноса парочку и понюхав по очереди обе, вгрызся в одну из них, прислонившись спиной к посудному шкафу.

— Светозаров. — Самарин был единственным из них, у кого в руке я заметил небольшой пистолет. — Ты не мог бы отойти. Вон туда, — он

рукой показал на дальнюю стенку, держа оружие наготове, но не наводя его на меня. Я молча подчинился — спорить с вооружённым человеком у меня желания не было.

— А вот это, — Виль взял бутылку за горлышко. — Мы выбросим. От греха подальше. — Откинув крышку утилизатора он отправил её внутрь и, подмигнув мне, запустил машину.

— Там что было? — я кивнул на жужжащий агрегат. — В дне дырка, ты что-то долил в вино?

— Да, — он подошёл к вытяжке и принялся отщёлкивать замки крепления кожуха. — Снотворное, лёгкий наркотик и яд. Я не зверь, — кок снял кожух и аккуратно положил его на плиту. — Парни уснули в отличном настроении.

— Но ты стрелял.

— Увы, да. — Привстав на цыпочки он засунул руку в потроха и принялся там что-то искать. — Сейчас найти хороший яд — знаешь какая проблема? Ага... Вот ты куда укатилась...

— А Павла стошнило — яд с наркотой вышел и тогда ты его пристрелил? — я кивнул на тело парня.

— Да. Сидел бы он себе в каюте — остался бы жив. А так... — Выудив из вытяжки небольшой конверт, Вильсон вскрыл его и показал мне пластиковую карту — с виду точь-в-точь как моё удостоверение:

— Вот... А так да. Пришлось и его. Ты прикинь — он в меня стулом бросить хотел! Так что это была самозащита.

— Что это? — Я мотнул головой на неё. Узнавать более детальные подробности я не хотел, всё и так было ясно. Он, или Самарин — кто-то из них просто добивал членов экипажа — тех, на которых слабо подействовало то адское пойло, что он смешал.

— Карта Старика. Копия, конечно.

— Откуда она у тебя? Что он сам тебе её дал — не ври, не поверю.

— А зря. — Вильсон бросил карточку Рожу и тот поймав её на лету покинул камбуз.

— Сам и дал. Для доступа к корабельному сейфу. Я там бутылки хранил. Кофе будешь? Садись, поговорим.

Я молча подошёл к столу и, подтащив табуретку, уселся за дальним от них концом.

— Держи, — Самарин лично достал из шкафчика чистую чашку и наполнив её почти до краёв свежим кофе, поставил её передо мной, оставив свой пистолет на дальнем от меня краю стола.

— Спасибо. — поблагодарив его я кинул в кофе пару кубиков сахара и поискал глазами ложечку.

— Держи, — кок протянул мне свою. — Не

побрезгуешь?

— Раньше не брезговал, — пожал я плечами и принялся перемешивать свой напиток.

— Уверен, ты хочешь нас спросить — зачем мы всё это затеяли? — получив свою ложку назад и положив её на блюдечко, мой бывший начальник вопросительно посмотрел на меня, и я молча кивнул.

— Всё просто. Деньги. Большие деньги — всё как обычно.

— Груз?

— Да. Если ты не знал, а узнать ты не смог, у нас в трюме лежит оборудование для шахтёров. Компания, о которой говорил Старик, действительно наняла нас для срочной доставки самого современного оборудования на один из своих рудников.

— Неужели какие-то железяки стоят того, что бы ради них... — не договорив, я посмотрел на тело Павла.

— Железки — нет. Но даже Старик не знал, ему не сообщили всю информацию.

— А ты значит, то есть вы — знали?

— Не перебивай. Дурная привычка, отучись от неё. — он поморщился, но откусив плюшку улыбнулся. — Хотя, ради вот этого, — бывший кок потряс полусъеденной выпечкой. — Я тебе всё прощу. И ведь вроде ничего сложного — а у меня

такие не получают.

— Так что ты знал?

— Два контейнера забиты наличкой.

— Деньгами?!

— Да, зарплата рабочим, премии квартальные, арендные выплаты. За полугодие.

— Они что? Не могли по электронке перевести?

— В том сообществе не любят подобное. Верят только налу. — Вильсон пожал плечами. — У всех свои тараканы.

— А что — инкассаторов нанять? Не?

— Дорого. Сам прикинь — пара контов по полсотни тонн, и все забиты баблом. Мелкими купюрами. Сумма более чем приличная, инкассаторы, конечно, перевезли бы, но для охраны наняли бы целый флот, что по расходам вышло бы не меньше стоимости самого груза, понимаешь?

— Угу.

— Ну вот кто-то и решил сэкономить.

— И ты про это узнал, да? Старик, Суперкарго — не знали, а ты — знал.

— Скажем так... — Он пробарабанил пальцами по столу. — У меня много друзей.

— Понятно. И что — сумма действительно большая?

— Ага, но тебе-то что? Ты же не из наших и тебе ничего не светит, если только...

— Приноси клятву и вливайся в наш коллектив, — завершил за него фразу Самарин.

— Давай, Семён. Решайся. Я с тобой год уже и что могу сказать, — Вильсон снова постучал пальцами по столешнице. — Ты нам подходишь. По глазам вижу — человек ты с пониманием, битый. В переделках бывал, но до сих пор — жив. Значит и удача есть, а она в нашем деле — не последнее место занимает. О прошлом своём не говоришь, а это тоже кое-что да значит. Подумай.

— Мы с Вилем поспорили, — продолжил за него штурман. — Если нажрёшься как все и того, ну ты понял, то — значит судьба тебе такая. Но ты пить не стал. Это судьба, Семён. Подумай, он, — Самарин кивнул на кока. — Дело говорит. Что тебе светит?

— Убьёте?

— Нет. Слово дано — слово свято. Но согласись — сидеть тебе в каменном мешке на хлебе и воде пока не околеешь или не свихнёшься, не лучший выбор для молодого парня.

Я молча кивнул, видя резон в его словах.

— Мы не настаиваем. Ты, пока мы до базы лететь будем, это пара дней, подумай. Посиди в каюте. Ну а на базе уже скажешь, что надумал. И тогда, — он развёл руками. — Или в строй или в мешок.

— Сёма, — начал было кок, но я подняв руку

попросил его замолчать. — Скажите... Мне вот что непонятно. Чего это вы так дружно меня уговариваете? Зачем? Кто я такой — повар, не более. У вас что — готовить на этой вашей базе некому? И, кстати, что за база? Где она?

— Прибудем — увидишь. Не спеши, насмотришься ещё. — Вильсон улыбнулся. — Ты же ещё и пилот?

— Какой я пилот, — с сожалением покачал я головой. — Так, учусь. Учился, пока вы не испортили всё.

— Мы не испортили, наоборот — мы тебе шанс даём им стать. А что карточка, так плюнь. Сделаем. Делов-то.

— Подделать личную карту?

— Зачем подделывать? Возьмём свободную и данные в ней поменяем. Ну ты думай, только, чтобы тебе лучше думалось, скажу. Доля твоя, минималка — ибо ты пока никто, без имени и репутации среди нас, так вот — если ты с нами, то за эту операцию ты получишь примерно столько же, сколько получил бы, если бы фрахт был завершён успешно и Лосев продал это корыто.

Жаба, всё это время мирно дремавшая в моей душе, при этих словах встрепенулась и натянув на голову треуголку воинственно взмахнула короткой абордажной саблей, намекая, какой именно выбор

нужно сделать. Я мысленно погрозил ей кулаком, но в ответ она натянула на один глаз чёрную повязку и облизнулась, глядя на меня кровожадным и требовательным взглядом.

— Чёрт с вами! Где подписывать? — сдался я, деля выбор между долгой смертью в каменном мешке и короткой, но насыщенной жизнью члена пиратской вольницы.

Глава 4

База Кило, нейтральный сектор, пространство звезды ZK21-045.

267 год правления 28 Императора.

Звезда, числящаяся в каталоге как ZK 21-045, была самым стандартным представителем сообщества умирающих светил — её темно сиреневый шар давал мало тепла и света своей единственной планете — пустому, унылому каменному шару, вдобавок расположенному от неё настолько далеко, что даже при наличии на ней атмосферы и воды, жизни тут было явно не место.

Бедная минеральными ресурсами, расположенная в стороне от торговых трасс — эта система была обречена на прозябание в

безвестности, чем и воспользовалось Братство, разместив в её недрах одну из своих баз.

Хотя границы в космосе понятие более-менее условное, но касательно этой системы можно было сказать, что она была подпёрта территориями Империи, а с другой граничила с областью пространства, контролируемым Независимыми Баронами. Ранее, до появления Символа, эти системы принадлежали Империи, но в последовавшей при смерти правящей Династии чехарде, заявили о своей независимости и — отделились.

Первым номерным Императорам было не до них — в Империи царила смута, на подавление которой и устранения её последствий, ушло около четырёхсот лет. За эти столетия Бароны успели хорошо укрепить свои территории, что — вкупе с отсутствием чего-либо особо ценного в их пространстве, заставило Империю махнуть на них рукой, ограничившись торговыми санкциями, на что отсоединившиеся выдвинули свои, после чего в СМИ долго потом ещё спорили — чьи круче и глупее.

Ну а систему ZK 21-045, так и оставшуюся вне интересов кого-либо из сил, на всякий случай объявили нейтральной, после чего об её существовании благополучно забыли.

Братство пришло в неё лет через двести после

того, как и Баронам, и Империи надоело держать свои флоты в соседних мирах, ради чего было подписано несколько документов, включая Пакт о ненападении и взаимопомощи, что окончательно закрепило за мятежными провинциями столь желанный ими статус самостоятельного образования.

— Официально, и в то же время — незаконно, там находится нейтральный торговый пост, — рассказывал мне Вильсон, развлекая меня подобными беседами, когда приходил с моей порцией еды. Несмотря на то, что я дал своё согласие на присоединение к его банде, другого термина для определения его отряда у меня не было, я находился под арестом в своей каюте с полным запретом на перемещения вне её.

— Незаконно, так как все торговые операции между обоими сторонами были запрещены, а официально — потому, что все, ну — кому надо, конечно, про него знали. Как ты понимаешь, после подписания Пакта, его востребованность резко упала — мало кому хотелось делать лишний крюк, и лет через тридцать про него все прочно забыли, позволив нам реанимировать базу, используя для прикрытия старую торговую вывеску.

— И что, нашлись те, кто стали туда летать?

— Даже больше, чем ты думаешь. К нам даже

чужие заходят.

— Чужие? — Не скрою, вот эта новость заставила меня едва ли не подпрыгнуть. — Вы тут что — с другими расами сотрудничаете?

— Конечно, не гнать же клиентов.

— Ты чего? — Он явно не ожидал такой моей реакции на свои слова.

— Вы, что? С ними эээ..... общаетесь?! — Я едва удержался, чтобы не сказать «здесь».

— Не думал, что в Империи настолько закрыта информация по иным, — Виль с сомнением покачал головой.

— Не то чтобы закрыта, — попытался выкрутиться я. — Скорее об этом не принято говорить в открытую, а слухов я не люблю.

— Странно. Контактируем, ну — типа того, мы с ними уже лет так триста, а ты — про слухи?!

В ответ я только пожал плечами, мысленно ругая себя за несдержанность.

— Так вот, — продолжил он. — Да, они к нам прилетают торговать, минералы берут, информацию покупают.

— А взамен? Свои технологии?

— Увы. Их они крепко берегут. Обычными кредитками платят. И вот что обидно — сколько раз на их обломки натыкался, ну ты понимаешь, — он подмигнул мне, намекая на то, каким образом эти обломки были найдены. — Так там одно железо,

никакой электроники или чего подобного. Мы, ну, не мы сами, умники нужные — столько уже проверили, а результат один. Полное его, результата, то есть, отсутствие.

Он немного помолчал, а потом сменил тему. — Завтра прибудем.

Привычный моему уху шум главного двигателя стал стихать, подсказывая, что мы близки к финальной точке своего маршрута, к его басу начали робко, по одному, присоединяться новые голоса — к работе приступали маневровые со своими операторами, на чьих плечах сейчас лежала ответственная задача — посадка Бубалюса.

Маневровые пели каждый своим голосом, ведя свою партию в общем хоре — они то коротко вскрикивали, коротким ударом корректируя вектор движения многотонной туши, то принимались, плавно меняя тон, снижать скорость движения, готовя наш транспортник к посадке.

Короткий толчок заставил меня покачнуться — я стоял около двери своей каюты, ожидая появления своего бывшего начальника. Не скрою — в этот момент мне очень хотелось быть в рубке, оценить — с пилотской точки зрения, как работает оркестр, кто им сегодня дирижирует и насколько такое управление лучше привычного мне — компьютерного.

Пол снова вздрогнул и у меня появилось ощущение движения. Вздохнув, я отошёл от двери и уселся на койку — всё, представление окончилось без меня. Наш корабль совершил посадку на одну из номерных платформ базы... и сейчас она ползла по своим рельсам-направляющим в сторону шлюза. Здесь, в этой вселенной, не было принято строить громадные многокилометровые станции, хотя в части кораблей любовь к гигантизму была характерна. Нет, здесь пошли другим путём — платформа подтягивала ваш корабль к шлюзу, заводя внутрь только его переднюю часть.

Очередной толчок и корабль замер неподвижно. Послышался приглушённый корпусом свист, и я понимающе кивнул — сейчас вокруг нашего корпуса смыкались, распираемые нейтральным газом мягкие губы из похожего на резину, материала, подпёртые стальными профилями. Ровные плоскости обшивки и внутреннее давление — всё это позволяло быстро и надёжно изолировать часть корабля от внешней пустоты, позволяя погрузочным командам выполнять свою работу в относительном комфорте.

В коридоре слышались шаги, и я поспешно улёгся лицом к стене — прийти ко мне сейчас мог только Вильсон, ранее обещавший мне посещение

рубки при этой посадке.

— Вот только крепкий сон изображать не надо. — Начал он прямо с порога. — Уверен — ты только что кругами по каюте бегал и меня материл.

— А? Что? Кто...а... Это ты Виль? — я сел и потёр глаза руками.

— Не старайся, актёр из тебя так себе. — он сел на стул рядом и с сожалением развёл руками. — Ну не смог, извини. Ты ещё не наш — команда тебя не приняла, так что светить перед тобой другими членами Братства я не имел права.

— А чё тогда обещал? — понимая, что это звучит по-детски я всё же не удержался от этого вопроса.

— Ну... Думал уговорю народ. Не смог. Вставай, — он хлопнул себя по коленям и встал. — Пошли, дел много.

На пиратских базах мне доводилось бывать и ранее, так что я особо не ждал ничего нового. Но это я понимал головой, в то время как моё воображение рисовало красочные картины пьянства и разврата — всё же я был в другой вселенной, так что — мало ли как тут подобное организовано...

Мы прошли помещение грузового шлюза довольно быстро — не могу сказать, что оно было особо большим — метров шестьсот, может семьсот в длину, столько же в ширину и под сотню высотой.

Нормально обработан был только пол, на который настелили прорезиненное покрытие и часть стен, где-то метра на три от пола — дальше шёл грубый камень со следами пил, которыми судя по всему и вырубили это пространство прямо в скале.

Мимо нас сновали небольшие погрузчики — во всю шла разгрузка нашего грузовичка и я толкнул шедшего рядом со мной Вильсона в бок:

— А ты? За разгрузкой что — следить не будешь? Там всё же два конта с баблом?!

— И что? — он усмехнулся. — Мы тут привыкли доверять друг другу.

— Вы же все...

— Что замолк? Договаривай. Бандиты? Расчётливые и хладнокровные убийцы?

— Ну я не совсем это имел в виду... — В памяти всплыл умирающий на моих руках Павел со струйкой крови изо рта, и я рубанул. — Да! Убийцы, насильники, аферисты — преступники в общем.

— Спасибо за откровенность, — он снова усмехнулся своей, уже начавшей меня доставать, ухмылкой. — Вот только ты забыл один, нет — два момента. Молчишь?

Я демонстративно посмотрел в сторону.

— Во-первых — мы люди. И представь себе — не самые плохие. Есть и хуже.

— Да ну?

— Представь себе. Адвокаты, политики, биржевики — да таких полно. Про так называемую элиту и их отпрысков я вообще промолчу — эти порой такое вытворяют — то, что мы вырезали экипаж Бубалюса — это просто милость по сравнению с тем, что они могли бы с ними сделать, объявив это инсталляцией или перформансом.

— Гонишь!

— Ни разу. Просто в СМИ это, по понятным причинам, не попадает, а к нам...

— А вот тебе — докладывают, да?

— Слухом земля полнится, но сейчас речь не об этом. Я и не отрицаю, что здесь далеко не ангелы, что ты. По каждому из нас давно верёвка плачет и глупо было бы это отрицать. И именно поэтому мы доверяем друг другу.

— Как-то противоречиво.

— Наоборот! Основное правило Братства — своих не кидать. В самом широком смысле.

— И много у вас правил?

— Немного.

Мы остановились перед дверью, отделявшей шлюз от остальной части базы.

— И, во-вторых. — Он снова усмехнулся. — Да, мы все тут подонки, но! Теперь и ты тоже, такой же... Как ты только что сказал — убийца, насильник и аферист. Ты же один из нас? Или передумал? — Виль насмешливо

подмигнул. — Так что будь снисходителен к своим новым товарищам.

Дверь отъехала в сторону, открывая проход в жилую часть Базы Кило, и он слегка подтолкнул меня в спину. — Смелее, это только поначалу страшно, там привыкнешь!

Открывшаяся моему взгляду широкая улица — практически проспект, походила на десятки виденных мной ранее. Её края сплошь состояли из различных заведений, призванных облегчить ваш кошелёк — тут были различные кафе, бары, интим — салоны, магазины оборудования для кораблей и оружейные лавки. В общем — возвращались ли вы из похода, неважно, успешного или не очень, или только готовились к его началу — тут вам помогли бы при любом раскладе.

Вернулся с добычей? Надо отметить! Не повезло — залей неудачу. Только готовишься отчалить — пробеги взором по вывескам — вдруг забыл чего?

— Что знакомо? — моя реакция не вызвала особого удивления у Вильсона.

— Ну да. Всё как везде.

— А чего ты ждал? — он рассмеялся и дружески ткнул меня в бок.

Ответить я не успел — мимо нас, пересекающимся курсом продефилировала стайка

девиц, бросая оценивающе заинтересованные взгляды. Оценивающие доставались мне, а заинтересованные — Вильсону. Я уже было приготовился к шоу «выбери меня», прямо через них к нам протолкался изрядно поднабравшийся полуголый мужик. Его коричневая кожаная куртка была надета прямо на голое тело, которое проглядывало розовой, молодой кожей.

— А ну, кыш отсюда, вертихвостки! — Для усиления эффекта он помахал рукой, будто отгонял мух и девушки поспешно ретировались, даже не вступая в обычную при подобных ситуациях пикировку.

— Говорят — ты с удачей сегодня, Весельчак? — Он отпил из фляги, которую держал в левой руке и покосился на меня. — А это что за дрищ с тобой?

— Вижу, ты вышел из госпиталя, Басеф? — мой спутник бесцеремонно отобрал у него флягу и сделав глоток вернул её владельцу. — Как тушка? Все ожоги залечил?

— Ноги ещё болят, — он кивнул на свои широкие и тоже кожаные чёрные шаровары. — Ты со мной поосторожнее, парень, — я, моё присутствие рядом с Вильсоном явно не давало ему покоя. — Я приговорён к смерти в шестнадцати системах. Я, ты, то есть, ты мне не нравишься, дрыщ! — Он вызывающе посмотрел на меня,

высказывая явное желание завершить наш разговор мордобоем.

— На шестнадцати?

— Да! И на всех — к смерти! Что скажешь?

— Круто, — я чуть кивнул головой. — А меня вот только один раз.

— Один чего?

— Казнили. Привели в исполнение.

— Чё? Как это?

— Сожгли. На костре.

— И как? — Он выглядел сильно удивлённым.

— Как, как... Больно! Дай! — Я потянулся к фляге и забрав её сделал хороший глоток. В ней оказался коньяк, тёплой волной, прошедшейся по пищеводу и зажегший небольшой пожар в животе.

— Весельчак? — Басеф повернулся к нему. — Как это — казнили?

— Тебе-то что? Казнили? Ну так это только его личное дело. Он теперь с нами, и я за него ручаюсь. Вопросы?

Вопросов не последовало, точнее они были, и приятели ещё некоторое время беседовали, обмениваясь стремительно пустеющей флягой, но я перестал быть темой для дискуссии.

— Он неплохой канонир, — пояснил мне Вильсон, когда, распрощавшись с уже едва

стоявшим на ногах Басефом. — Обгорел сильно месяца три назад, вот — бездельничает пока.

Пройдя по проспекту, носящему незатейливое название Променад, мы свернули в одну из боковых улочек и, немного поплутав, постучались в неприметную дверь с небольшой табличкой.

Она гласила: «Бланки и Карты».

— Нам сюда.

К моему удивлению встречать нас никто не вышел и, пройдя по небольшому коридору мы оказались в просторной комнате.

Её большую часть занимал какой-то агрегат. Подле его пульта стоял стол и пара офисных кресел.

— Давай карту и садись, — он плюхнулся на стул и протянув ко мне руку, требовательно пошевелил пальцами.

Отдав ему карточку, я сел на стул напротив и приготовился наблюдать.

— Вот, держи. — Перегнувшись через стол, Вильсон протянул мне новое удостоверение личности.

— Сэм Люциус, — прочитав своё новое имя я вопросительно посмотрел на него и он, усмехнувшись, он вообще любил усмехаться, за что и получил своё прозвище, ставшее со временем и его позывным — Весельчак, он пояснил. — Для

тебя же старались.

— Поясни?

— Не тупи, Сёма...эээ Сэм. Сёма, Семён — Сем. Близко?

— Угу. А фамилия?

— Ты кем был? Светозаровым? Будешь Люцифером, тоже со светом связано. Ну, укоротили малость, чтобы быстрее выговаривать и что бы не так пафосно было. Люциус. Люци-уус! — Он проговорил мою новую фамилию несколько раз, будто пробовал её на вкус. — Хорошо звучит! Себе бы взял, но, — Весельчак развёл руками. — Не могу. Привык. Позывной тебе я Князь сделал.

— Князь? Типа я — Князь Тьмы?

— Прикольно, да? А заодно и особистов по ложному следу пустим — нехай они благородных трясут, докапываются — кто из их братии в Братство ушёл.

Он снова усмехнулся, довольный результатом.

— Позывной поменяй, — я положил карточку на стол перед ним.

— Ты чего? Здорово же всё?!

— Сделай позывным Поп.

— Поп?!

— Да.

— Это из церкви который? — Подозрительно покосившись на меня он подобрал кусочек пластика, но не стал вставлять его в считыватель,

продолжая буравить меня взглядом.

— Он самый. Это мой старый позывной, привык я к нему. Да и особисты — пусть среди жрецов отщепенца ищут.

— Может оставим?

Я отрицательно покачал головой.

— Ну знаешь! — Продолжая недовольно ворчать он вставил карту в щель прибора.

В отличии от того, что я видел у доктора-особиста на эсминце, этот был гораздо крупнее и занимал своими блоками практически половину стандартного пятидесяти тонного контейнера.

— Старая модель, — пояснил мне Вильсон, когда я оказался тут в первый раз — при проведении биологического сканирования. — Имперцы списали её лет так шестьдесят назад, как безнадежно устаревшую. Ну а мы купили партию металолома, у нужных людей.

— И что — в Империи за столько лет ничего не поменялось?

— Не-а. А зачем? Конструкцию они оптимизировали, ну — ты видел на корабле, но принципы, правила оформления и формат данных — менять не стали. Догадываешься почему?

— Нет.

— А ты прикинь, сколько будет стоить

переделка документов для всех граждан Империи. Этого же ни один бюджет не вынесет. Понял?

— Ага.

— Может всё же оставим Князя? — Он вопросительно посмотрел на меня, но увидев, что я не собираюсь менять своего решения, махнул рукой и начал заново вводить данные.

— Держи, — Весельчак протянул мне новую, ещё тёплую карту. — Сэм Люциус, позывной, — он недовольно поморщился, но продолжил. — Позывной Поп. Урождён тридцать четыре года назад на второй планете шестой звезды созвездия Пахарь. Поздравляю вас, Сэм.

— Спасибо. — Приняв её, я покрутил карточку в руках и сунул в нагрудный карман. — Скажи, Виль, я вот что подумал, а на этой, как её, — мне пришлось снова залезть в карман и заново прочитать данные о своём месте рождения. — На этой планете, в Пахаре, меня искать не будут?

— Не, — отмахнулся он в ответ. — Там война была, лет двадцать назад. Бароны Имперские с Союзом Свободных Разумов схлестнулись.

— И что?

— Да ничего. Загадили систему железом и разошлись. Гражданские, кто смог — сбежал, кто нет, — он красноречиво провёл ребром ладони себе

по горлу.

— В общем перед законом ты чист. Но ты не расстраивайся, это не на долго. — И он снова улыбнулся в своей любимой манере.

Променад пребывал практически в том-же состоянии, что и при нашем первом появлении, разве что девицы, устав от бесплодного патрулирования своей территории, расположились за столиками уличного кафе, продолжая взглядами сканировать его пространство в поисках потенциальных работодателей.

Моё внимание привлекла пара высоких, но каких-то неестественно худых мужчин, одетых в одинаковые чёрные балахоны с белыми зигзагами по поверхности.

— Это что? Мода тут такая? — Кивнув в их сторону я вопросительно посмотрел на своего спутника.

— Что? — Вильсон рассматривал вывески заведений и мой вопрос оказался для него внезапным. — Забыл, — он досадливо покачал головой. — Парни вроде нас в Зелёной Белке ждут? Или в Трёх Тузах?

— Кто эти? Весельчак? — Я повторил свой вопрос, слегка повысив голос.

— Вроде в Белке... Самарин точно что-то про орехи говорил. Это то? — Проследив мой взгляд он

расплылся в довольной улыбке. — Вот спасибо! Вспомнил! В Ноль-Семь же! Пошли.

— Виль?!

— Ах эти?

— Ну?

— Гну! Пошли, опоздаем, нажрут же все, а мне тебя по трезвому представить народу надо. А эти... Да насмотришься ещё на них. До тошноты. Иные это.

— Чужие? — Наверное я произнёс это слишком громко — пара синхронно повернула свои сплюснутые черепа в мою сторону, но быстро потеряла интерес, увидев рядом Весельчака.

— Пошли, пошли, — он взял меня под руку и потащил по улице в сторону одного из заведений с вывеской в форме полупустой бутылки. На её горлышке, весело задрав чрезмерно длинные ноги, восседала девушка, не отяжелённая избытком одежды.

— Это Копи, мы их так называем, — пояснял на ходу Вильсон. — Копи, потому что они все одинаковые, как копии, всё одно их родное название не выговорить.

— Они что? Все одинаковые?

— Нет конечно, но они пачками рождаются. По несколько штук. Этих я знаю, да и они меня. Торговцы. Их в помёте трое было. Два у нас, один дома. А бывает и больше, до пары десятков.

— И все что — одинаковые?

— Скажу тебе больше, — он остановился перед дверью в кабак. — Они, у них и мозг один.

— Это как? У одного мозги, а остальные — безмозглые куклы?

— Нет. Каждый из них — самостоятельная личность, но при этом думают они все вместе, понимаешь?

Я отрицательно мотнул головой.

— Ничего страшного, — Виль взялся за ручку двери. — Этого никто не понимает, главное не воевать с ними.

— Хорошо дерутся?

— Один на один — слабаки, а вот от парочки лучше удрать — порвут. А как они пилотируют!!! — Он восторженно закатил глаза. — Просто Боги! Хоть и летают на полном отстое.

Распахнув дверь, он приглашающе повёл рукой. — Пошли, Сэм. Пора тебя с коллективом познакомить.

Зал был заполнен едва ли на половину. Большую часть посетителей составляли небольшие компании человека по три — четыре. На их фоне резко контрастировала группа людей, расположившаяся у дальнего правого угла помещения. Что бы комфортно разместиться эта

орава сдвинула вдоль стен с десятков столиков, сформировав таким образом длинную и согнутую под прямым углом конструкцию.

— Ну что, орлы? Не ждали? — заорал Вильсон, когда до столов оставалось ещё метров пять. — А я таки припёрся! И не один! — Он толкнул меня в сторону, одновременно подбородком указав на свободное место в самом конце левой линии и, раскрыв для объятий руки, шагнул к ломанувшемуся в его сторону людям.

Я довольно спокойно занял указанное мне место и даже наложил себе на тарелку различной закуски — стол был пуст, все сидевшие столпились вокруг Весельчака и перебивая друг друга что-то ему рассказывали, показывали на пальцах или просто стояли рядом с какой-то блаженно-дебильной улыбкой на лице.

Угомонились они только спустя минут пять, после чего принялись рассаживаться, шумно делясь своими впечатлениями.

— Все здесь? Кого ждём? — Расположившийся на углу образованной конструкции, Вильсон постучал вилкой по стоявшей перед ним пустой рюмке.

— Джаза нет, Жука и Томми- ответил ему невысокий смуглый парень, сидевший через два стула от него.

— Только он не придёт, завязать решил. Обновил карту и на дно залёг. — Пояснил чей-то голос с другой стороны от ответившего.

— Жаль, но что делать... Братство — дело добровольное. — Наполнив свою рюмку Весельчак встал и, обращаясь ко всем присутствующим начал:

— Прежде всего, я чертовски рад вас всех видеть и вдвойне рад, что вы, несмотря на то, что с момента нашего крайнего похода прошло уже почти три года, откликнулись на моё приглашение собраться заново. Спасибо, друзья! Не частим и не тормозим! Всё в меру!

Наверное, это был какой-то неизвестный мне тост — сразу после этих слов все дружно опрокинули свои рюмки, кружки и стаканы, причём у некоторых в стаканах был сок — к вопросу предпочтений тут относились очень демократично. Закусив кусочком вяленого мяса, он продолжил:

— Как вы жили эти три года я примерно знаю, слухов хватало, — Вильсон усмехнулся и обвёл присутствующих многозначительным взглядом, задерживая его на отдельных личностях, отчего те — удостоенные его пристального внимания опускали глаза, а кое-кто даже покраснел.

— Но это ваши личные проблемы. Я тоже не терял времени даром, — он сделал короткую паузу и многозначительно посмотрел на кого-то, сидящего на дальней от меня стороне. — И

вернулся не с пустыми руками. Итак, друзья. Прежде всего, я хочу представить вам нашего нового товарища, — Виль повернулся ко мне и махнул рукой. — Сэм, покажись народу. Не стесняйся — парни здесь все правильные, а ты не девка, вставай.

Пришлось встать и оказаться под перекрестием множества взглядов.

— Сэм Люциус, по крайней мере, теперь так к нему можно обращаться. Наш новый кок и будущий пилот. Человек он с понятиями, в переделках бывал. Я с ним почти год вместе, скажем так — проработал и вполне ему доверяю. Не так как вам, конечно, но всё же. Позывной Поп!

— Привет, Сэм!

— Здорово, мен!

— Грехи отпустишь? — слышались выкрики в мой адрес, и я торопливо поклонился, не зная что отвечать.

— Садись, Сэм! — Он снова махнул рукой, и я с облегчением плюхнулся на своё место, радуясь тому, что перестал быть центром внимания собравшихся.

— А ты что — взаправду поп? — Повернулся ко мне мой сосед справа, но ответить я не успел — Вильсон встал и снова постучал по своей рюмке. — И во-вторых... Друзья! Мои боевые товарищи! Три года, три чёртовых года я тянул

лямку повара на том ржавом корыте, которое сейчас морозит свою задницу в шлюзе Пять. Но сейчас я могу твёрдо сказать — Да! Оно того стоило! Мы со стариной Самариним, он сейчас разгружают ту калошу, сорвали банк! Теперь у нас есть деньги — теперь у нас их достаточно — что бы завершить ремонт нашего Жнеца и снова выйти на промысел! Ура!

Ох...

Что тут началось! Я не представлял, что все эти солидные мужики, кое из которых были отягощены приличных размеров брюшками, могли ТАК радоваться. Издав нечленораздельный рёв они вскочили со своих мест, выкрикивая благодарности в адрес Весельчака, кто-то обнимался, а несколько человек даже пустились в пляс, что было зрелищем с полным отсутствием эстетической составляющей.

Угомонились они где-то минут через пятнадцать и вернувшись на свои места дружно приникли к своим стаканам, рюмкам и прочей таре.

— Я дал команду на начало ремонта ещё три дня назад, — на сей раз вставать он не стал, да и говорил спокойным, немного даже тихим голосом, повышать который необходимости не было — за столом установилась мёртвая тишина, народ даже жевать перестал, жадно вслушиваясь в каждое его слово. — Как вы помните, потрепали нас тогда прилично.

Ветераны дружно закивали, сохраняя молчание.

— Сумма, тогда, для нас была неподъёмной, и я принял решение распустить экипаж до лучших времён. И вот они настали, — Вильсон ухмыльнулся и в ответ послышался лёгкий гул одобрения. — Нам хватит не только на ремонт, парни! — Он стукнул кулаком по столу. — Чёрт побери! Да не будь я Весельчаком, если наш Жнец не обзаведётся лучшими стволами и движками в этой части галактики!

— Ура капитану! — Несколько человек вскочили и проорали это так громко, что, наверное, их было слышно даже на улице.

— Ты себе представить не можешь, Поп, — толкнул меня в бок мой сосед, тот самый, что чуть ранее интересовался — взаправду ли я из священников. — Как мы все истосковались по нормальной работе!

— Ты меня извини, — видя что Вильсон не собирается более ничего объявлять, а занялся изучением своей тарелки, я повернулся к нему. — Я человек новый. Что с вашим кораблём случилось?

— С нашим, Поп, с нашим.

Я кивнул и он продолжил. — Мы тогда неплохо пощипали торговый конвой головастиков, и шли назад с полными трюмами.

— Прости — чей конвой?

— Да есть тут, любители демократии — Союз Свободных Разумов. Мы их головастиками кличем. Ну типа — разум он в голове, вот кто-то головастиками и назвал. Прижилось в общем.

Я снова кивнул, но он не обратил на мой жест никакого внимания — он смотрел куда-то в пространство, заново переживая тот день. — Сигнал, что под атакой, они передать успели — вот полиция и устроила на нас облаву. От пары засад ушли — Весельчак, он... — мой собеседник сделал паузу и промочил горло хорошим глотком пива. — Голова он!

Посчитав за нужное поддержать такой ценный источник информации, я подлил ему пива, не забыв пополнить и свою кружку. Благодарно качнув головой, он продолжил. — И оставалось нам всего систем шесть, может восемь проскочить, так нет же!

— Что?

— Перехватили нас! — Он с досадой стукнул кулаком по столу, досадливо — но не сильно, по крайней мере, тарелки не подпрыгнули — так, слегка вздрогнули только.

— Пара эсминцев и Крейсер. Хоть и старье, у головастиков на новые модели бабок нет, но всё же крейсер, это... — Он многозначительно поднял вверх палец и я закивал, полностью разделяя его невысказанные слова.

— Вот... От него-то мы удрали, так, дырок он нам понаделал — но не смертельно. А вот эсминцы... Эти твари в нас конкретно вцепились. Вышибли все верхние орудия и двигло того... — Он снова отхлебнул пива. — В общем, эххх... вспоминать противно... Пришлось груз наш сбросить. Весь. Только так ноги и унесли. Ну а когда ценник на ремонт увидели — оххх... Скажу тебе — конкретный такой ценник был, несмотря на то, что Весельчак наш — уважаемый член Братства, но... — Он пьяно развёл руками. — Потрепали они нас. Изрядно. Вот он тогда и предложил — поставить Жнеца в док, пока денег на ремонт не соберём.

— А что кредит не взяли? Неужто тут банков нет?

— Ты их процент представляешь? Нам бы потом лет десять на них пахать пришлось бы. Плата за риск и всё такое. Ух...!!! — Он потряс сжатым кулаком в воздухе, выражая своё отношение к банкам и прочим кредитным учреждениям.

— Представляю... — Я не врал, действительно, стоило только банкирам услышать о том, что их средства будут задействованы кем либо, планирующим вести боевые действия, как ставка тут же начинала бешено расти, напрочь отбивая желание привлекать их капиталы. На своей шкуре я в этом убедился, когда был наёмником — тот мой

Легион был должен своему банку по уши и, после нашей бесславной гибели в бою с ящерами мутантами, у меня часто проскакивала мысль — а не специально ли Примарх взял тот контракт? Не было ли у него умысла погубить Легион и тем самым списать все долги?

— Но сейчас всё хорошо будет! — меж тем продолжал мой сосед. — Если Кэп сказал — лучшие стволы и движки, так тому и быть! Эх... Скорей бы!

— А ты на корабле кто? В смысле — на каком боевом посту? И да, зовут то тебя как? А то нехорошо — меня ты знаешь, а вот я тебя...

— Люкс. — Он протянул мне свою ладонь. — Канонир-оператор второй башни нижней палубы.

— Рад знакомству. — Я пожал его руку. — Ты мне про остальных не расскажешь? — я мотнул головой в сторону остальной части стола.

— Да легко! Вот этот хмырь, — он пихнул локтем сидевшего рядом с ним человека, который хоть и слушал наш разговор, но за всё время не проронил не слова. — Это Демя. Полностью — Демосфен.

— Это вроде оратор такой был?

— Не философ. Вроде. В бочке жил. Винной — как всё выпил, так и поселился. Наш тоже — сидит в бочке, в своей башне — он, как и я, канонир

третьего орудия на нижней. Эххх... — Люкс тоскливо вздохнул. — На верхней палубе все погибли. Все канониры, я имею в виду.

— Память! — Демя приподнял кружку, и мы выпили, поминая погибших товарищей — к сожалению таких было много, что у них, что у меня.

— Вон там, рядом с Вилем, свободное место видишь?

— Ну?

— Самарин, наш старпом. Ты же знаком с ним?

— Угу.

— Дальше — Крот и Лещ. Неразлучная парочка. Штурманы наши. За ними место пустое снова — там Рож сядет, как появится. Он у нас старший над абордажниками. Далее...

Но продолжить знакомство с экипажем мне не удалось.

— Весельчак! — К нашим столам подошёл новый персонаж — мужчина примерно сорока лет, одетый в лёгкую кремовую куртку и синие брюки с тщательно наглаженными стрелками. За его спиной переминались с ноги на ногу не менее десятка человек.

— Водяной? Чем обязан? — Вильсон коротко кивнул, приветствуя подошедшего.

— Твои парни так орали, что я просто не мог

пройти мимо и не поинтересоваться причиной такого шума. Поговорим?

Наш капитан снова коротко кивнул и Водяной подошёл к столу поближе:

— А парней моих — приглашаешь? — Кто-то из стоявших сзади, приволок стул и Водяной уселся прямо напротив нашего капитана.

— Кто это? — Я покосился на Люкса.

— Капитан Жерг. — Он поёжился. — Опасный тип. И головорезы его тоже. И чего он припёрся? Только по нормальному сидеть начали...

Меж тем Водяной неторопливо уселся на стул боком и полуобернувшись к Вильсону повторил свой вопрос. — Ну так что? Всех угощаешь или как?

— Ты по делу?

— Значит или как... Твоё право, что ж... По делу.

Кто-то из стоявших сзади подал ему открытую флагу и, сделав глоток, он продолжил. — Недавно мимо третьего рем дока проходил, так услышал — твой Жнец вот-вот в строй вернётся?

— Дней пять ещё. — Наш капитан всем своим видом показывал, насколько ему и неинтересен, и неприятен этот разговор, что, впрочем, не вызывало

никакой реакции у Жилия.

— А что его Водяным зовут? —
Полуобернувшись к Люксу прошептал я.

— Ему что кровь, что воду лить — всё
едино, — так же тихо ответил он, напряжённо следя
за капитанами.

— Значит — через дня три — четыре
сможешь выйти.

— Пять. Я сказал — дней пять ещё.

— Да и парни твои, уверен, по нормальному
делу соскучились. А вот у меня, — он повысил
голос. — Как раз для таких, застоявшихся парней,
есть дело.

— Ты о чём? — Равнодушным тоном
осведомился Виль и закинув в рот кусочек
какого-то фрукта принялся неторопливо его
пережёвывать.

— Транспорт.

— И что?

— Копийский транспорт. Шёл по внутренним
их линиям, но увы — прыгнул неудачно.

— Копи не ошибаются! — Выкрикнул кто-то
из наших, и он поморщился. — Не ори...
Ошибаются, ещё как ошибаются, особенно если на
мину напорются.

— Мина? На внутреннем торговом
маршруте? — Вильсон недоверчиво хмыкнул.

— Ну... — Жиль рассеяно повозил пальцем

по столу. — Всякое... Бывает... Вот шёл себе корабль, шёл-шёл, да возьми и отвались от него мина. Может она магнитная была, подцепил сам не зная где, а вот сейчас она возьми и отвались. Бывает?

— Хм...

— Бывает-бывает. И даже так бывает, что Копи на неё прямо ходовой нарвались — вот так фатально не свезло...

— И они прыгнули? Не стали помощь вызывать?

— Так они её прямо перед самым прыжком... ммм... Нашли. Так и ушли, с небольшой поправкой.

— Непредсказуемый прыжок? И ты, чисто случайно, это всё видел, да? И даже знаешь — где они выпрыгнули?

— Что ты, что ты, Весельчак! Я в это время на другом краю галактики был. Отдыхал с парнями. У меня и фото есть и квитки от отеля, не при делах я.

Он так старательно изображал свою непричастность к произошедшему, что мы все рассмеялись.

— Не верите?! А я правду говорю! Парни подтвердят!

Стоявшие за ним мужики неразборчиво загомонили, давая понять, что всё сказанное их капитаном — правда и только правда.

— Допустим, но мы тогда тебе зачем? Сам сходи, весь хабар твой.

— Ты же знаешь на чём я, и какие у Копий трюма. Я и десятой доли не уволеку.

— Ну а Жнец тут при чём? У нас трюм ещё меньше.

— А транспортник? На чём ты сюда заявился? Всё в него не влезет, но остальное распихаем по Жнецу, Аркану моему и Волыне.

— Что? И Карамба идёт?!

— Ага. На троих распишем и разбежимся.

— У меня два корабля, — начал торг Вильсон давая понять, что в принципе-то он согласен, вот только вопрос долей надо пересмотреть.

— А у Жилия — какой корабль? — Всё тем же тихим голосом осведомился я у соседа.

— Эсминец. Военный. В смысле не переделка, а изначально — военная модель. Старый правда, но крепкий и в порядке. У Каррамбы, — он предвосхитил мой следующий вопрос. — Среднее патрульное корыто. Переделка из Слона.

Что такое Слон, я уже знал — это был тип крупных газовых транспортов, способных таскать до двадцати тысяч стандартных тонн. Его длинный, почти километровой длины корпус, составленный из огромных шаров-газгольдеров, действительно часто переделывали, заполняя свободное

пространство оружиевыми платформами или превращая его в ангар и лётную палубу для mosquitoного флота.

— По рукам? — Услышав громкий голос Жилия я поднял голову. Они оба стояли, протягивая друг другу руки, готовые заключить соглашение.

— Сто долей. Полста — тебе, тридцать нам и двадцать Каррамбе. Так?

— Подтверждаю!

— По грузу. Сто долей. Семьдесят — в моего Вола, пятнадцать в Волыну, Аркан берёт девять, Жнец — шесть. Везём всё на Кило, тут делим и разбегаемся. Верно?

— Как сказано, так услышано! Принято!

Они ударили по рукам скрепляя сделку и что-то неприятно царапнуло у меня по сердцу. Здесь явно был какой-то обман, вот только какой я не понимал.

— Это нам выгодно?

— Конечно! — С жаром ответил Люкс.

— А не кинет, этот? Водяной?

— Как? Груз-то, большая часть, у нас в трюме будет, на нашем корабле. Ему и деваться некуда — только честное выполнение договора.

— Вот это меня и смущает. Дорогой груз и весь у нас. Кстати, а что за груз эти Копи тащили?

— Да кто его знает, — пожал он плечами. — Их внутренние товары у нас редкость, с руками оторвут.

— Уверен?

— Ага! Слушай, а ведь это ты, твоя заслуга в этом! — Он был уже в хорошем подпитии и мне приходилось напрягаться, чтобы разобрать его слова.

— Моя?!

— А чья же! Виль с тобой и бабло привёз и соглашение удачное сейчас заключили! Поп! Ты точно удачу приманиваешь! Давай выпьем... На этот... Ну как его — бруд. барушафт!

— Брудершафт?

— Угу! — Он покачнулся, потянулся было к своей кружке, но на пол пути его руку перехватил молчавший всё это время Дёмя. — Тебе хватит, Люкс. Забыл, что Кэп говорил? Что б завтра все в норме были!

— А что у нас завтра? — Поинтересовался я у выглядевшего абсолютно трезвым канонира.

— Пойдём Жнеца смотреть.

Он подвинул стоявшие на столе перед Люксом тарелки и осторожно уложил его, подложив под голову, сложенную в несколько раз салфетку.

— Он хороший, вот только пить не умеет. — Дёмя пожевал губами и продолжил. — Твои

сомнения я понимаю. Действительно, для Каррамбы это не слишком выгодно, но — с другой стороны, он уже месяц как без навару. Так что...

— Скажи, — я кивнул, признавая резон в его словах. — А эти Копи, которые на транспортнике. Они что — помощь после прыжка вызвать не могли?

— А некому вызывать её.

— Как это?

— Транспортники у них водят малые семьи. Три, может четыре существа. Капитан — он же пилот, штурман, механик-суперкарго. Четвёртый редко бывает, он обычно в конторе сидит, планирует. А перед прыжком все в рубке собираются. Типа ритуала такого.

— И их всех?

— Да, а корабль на автомате ушёл. Уверен — Водяной ему и маячков наставил, так что найти грузовик после было легко.

— И не хватятся?

— Вряд ли. Сразу вряд-ли. А потом... — Он махнул рукой, мол пусть ищут. Груз то мы тью-тью.

— Тебе где спать определили?

— Нет.

— Тогда пошли к нам, заодно и этого дотащить сможешь, — он кивнул на сладко посапывающего Люкса.

А на следующее утро мы пошли смотреть свой корабль.

Глава 5

База Кило, нейтральный сектор, пространство звезды ZK21-045.

267 год правления 28 Императора.

(следующий день).

Утро добрым не бывает — особенно после хорошей пьянки. Но этим утром данное заявление было посрамлено — экипаж Жнеца был бодр и весел, несмотря на обильные возлияния предыдущего вечера. Кое-кто, правда, выглядел помято, но обычных в таком случае жалоб не было.

Народ был полон энтузиазма — всем не терпелось побыстрее отправиться в ремонтный док номер три, чтобы своими глазами увидеть, а может и принять участие в процессе ремонта корабля.

Вообще, в этом мире, корабли были чем-то сакральным. Обладание своим кораблём сразу делало его владельца Избранным, или, если хотите — небожителем, резко отделяя его от простых смертных.

Поначалу меня, привыкшего к широкой доступности кораблей в моём родном мире, это

мягко говоря — шокировало, но, когда я ознакомился с ценами, и, что шокировало ещё больше — с корабельным оборудованием, всё встало на свои места. Мало того, что корабли стоили тут сотни миллионов местных монет, так ещё и управлять ими в одиночку было решительно невозможно.

Компьютеры, на которые я привык полагаться раньше, тут отсутствовали как класс. Вершиной прогресса тут считалось подобие программируемого калькулятора, в который можно было забить типовые формулы и получить на выходе ряд значений для построения различных графиков. Графики тут строили тоже вручную, о том, чтобы вывести готовую картинку на экран и речи не было. Так, например, штурмана сначала прокладывали курс на бумажной карте, потом — на своих калькуляторах считали воздействия светил, мимо которых должен был пройти корабль — и снова чертили линии на системной карте, на сей раз с учётом высчитанных поправок. Собственно, по этой причине местные предпочитали выходить из прыжка не у звезды, а в стороне от неё, обязательно вне плоскости эклиптики — это снижало риск влететь в комету, астероид или другой корабль.

Накидав себе в тарелку разной еды — хозяин кафе, в котором мы и заночевали, благо оно

оказалось совмещённым с небольшим отелом, организовал общий стол, я присел за свободный столик.

— Не возражаешь? Эээ.... Сэм, да? — Не дожидаясь моего ответа напротив меня поставил свою тарелку ещё незнакомый мне член экипажа Жнеца.

— Мягких Сергей. Позывной Кот. Абордажник. — Чётко, по-военному представился он и протянул руку для закрепления факта знакомства.

— Сэм Люциус, позывной Поп. Кок, но хочу стать пилотом.

— Хочешь — значит станешь. — Кот уселся напротив и подтянул к себе тарелку с небольшой горкой сосисок.

— А ты как к нам? Ну... — Он помахал вилкой в воздухе.

— Да на том транспортнике работал с Вильсоном. Ну вот он и пригласил.

— Кем? — Он засунул в рот кусок сосиски и вопросительно посмотрел на меня. — На том корабле ты кем был?

— Поваром. Он моим начальником, коком, то есть, был.

— Повезло тебе.

Я вспомнил Павку и молча кивнул — ну, по сравнению с ним и ещё двумя десятками людей из

команды Бубалюса, мне и вправду повезло.

— Весельчак людей сразу видит. — Кот закончил с завтраком и потянулся к кружке с кофе. — И карьера у тебя вон какая получается, был поваром, стал коком. Это, брат, повышение.

— Я пилотом стать планировал.

— Да, помню, я. Ты, главное, нос не вешай. У нас тут, брат, карьеру легко сделать. Да и выбора у тебя другого нет, кроме как с нами быть. Вот признайся, — он отпил кофе и развернулся всем корпусом ко мне. — Удрать хотел? Только честно... Да не тушуйся! Все мы через это проходили.

— И ты?

— Ага! Было дело... По первой.

— И что вернулся?

— Ты сам подумай. Как там... — абордажник на миг задумался. — Нам там, как жить?

— А что такого?

— Ну да... Понимаю. Сам таким же был. Ты вот что думаешь — мол я ничего ещё плохого не сделал? Буду себе тихо на камбузе сидеть, супчики варить и удрать пытаться?

Я не ответил — да и сказать то мне было нечего, примерно такой план я себе и наметил.

Поняв, что угадал мои мысли, он усмехнулся:

— Давай сыграем. Я буду особистом, а ты — самим собой. Вот вернулся ты домой. И, как

честный гражданин, ты же — честный, законопослушный, налоги платишь... платил, то есть, место в транспорте женщинам уступал, бабушек...

— Не издевайся. Да.

— Хорошо. Начнём. — Он откинулся на спинку стула. — Так говорите, в плену у пиратов были? В плену у банды?

— Ну да, они меня захватили.

— И из всего экипажа вашего как... его... ммм... не важно — Вола, выжили вы один?

— Именно так.

— То есть вы хотите сказать, что пока бандиты резали ваших товарищей — вы тряслись от страха, спрятавшись в мешке с мукой?

— Нет! Всё не так было!

— Конечно-конечно. Вот только ваши товарищи погибли... А вас почему-то они пощадили. Несостыковочка, не находите?

— Я на камбузе спал, дверь заперта была.

— А остальные что?

— Да пьяные все были, мы отмечали удачный контракт!

— Вот так все? И дежурная вахта тоже?

— Да, Лосев, ну — капитан наш, он...

— Вот... — он вздохнул. — Ещё и на покойного капитана наговариваете. Значит — вы невиновны?

— Абсолютно! Я жертва, а вы из меня бандита лепите!

Мой собеседник покачал головой. — Лепите... Какой слог! Уже нахватались? Конечно я вас отпущу, отпущу — какие могут быть претензии к жертве этих отмороженных извращенцев. Вот только скажите, а что вы там делали, в плену? Только не говорите, что в камере всё это время просидели — кислород, еда, вода, энергия — пираты нынче не альтруисты и просто так содержать лишнюю тушку не будут. Выкуп требовали?

— Нет, сирота я.

— Следов пыток, или насилия, тоже не обнаружено — значит секретов ценных у вас, за душой, так же не было... Равно как и внешности привлекательной. — Он задумчиво прикусил нижнюю губу:

— Знаешь, что на самом деле было?

— Что?

— Ты — пират и подонок, как твои собутыльники! Вы вместе решили угнать корабль, для чего ты отравил экипаж, а потом с подельниками жёстко добил выживших. После вы банально не договорились о долях, или ты кинуть их решил и свалить соло, с наваром, выдав себя за жертву, или они от тебя решили избавиться — вот ты к нам и прибежал. Вот так оно всё и было...

— Не так! — я упрямо наклонил голову.

— Ну, так или не так — это пусть суд решает. Быстрый и справедливый. — Кот провёл ребром руки себе по горлу. — С пиратами у нас, слава Императору, разговор короткий.

— Но я же невиновен!

— Конечно... Вот только доказать ты это не сможешь. Смог бы — если бы твою тушку нашли. А пока ты, как и весь экипаж твоего корыта числитесь пропавшими и стоит тебе проявиться — как сразу за жабры возьмут.

— Так у меня карта новая! — я постучал пальцем по нагрудному карману.

— А друзья есть? Из старых?

Я кивнул, понимая его логику. В общем смысле дела обстояли именно так — рано или поздно любой на моём месте столкнулся, пересёкся с кем-то, знавшим его ранее — моим плюсом в этой ситуации было то, что знакомых здесь у меня практически не было, что снижало риск подобного опознавания многократно.

— Да не расстраивайся ты! — Сергей привстал и хлопнул меня по плечу. — Тебе тут понравится, уверен.

— Кот! — К нам подошёл Роже. — Кончай новенького запугивать.

— А чё я?! Чё сразу Кот?! Мы просто поболтали. Ничего такого.

— С коком дружить надо, да, Сэм? — Он протянул мне руку и я встал, и пожал её.

— Ты бы знал, — Роже повернулся к Коту. — Какие он плюшки делает... Мммм... — Командир абордажной группы даже глаза закатил. — Я на их Бубалюсе штук пять слопал. Кстати, Поп?

— Чего?

— Сделай ещё, а? Только с карамелью и шоколадной крошкой. Сделаешь?

— Так я ещё не то что камбуза — корабля не видел?!

— А вот сейчас пойдём и посмотрим. — Он посмотрел на свои наручные часы. — До третьего ремонтного идти минут десять — как раз с небольшим запасом придём. Пошли?

Торопливо допив остатки кофе, я кивнул, показывая, что полностью готов и мы двинулись в сторону доков.

— Ты же нашего Жнеца не видел, да? — Поинтересовался Роже, предлагая скоротать путь к рем докам беседой. Я покачал головой. — Нет, мне вчера даже никто и не рассказал о нём.

— Ну, это понятно. Парни слишком соскучились по нормальной работе, всё же три года на подработках, это тяжко. — Он немного помолчал, мы как раз пересекали Променад — в

столь ранние часы он был пуст — кафе еще не открылись, да и хищницы — девицы с низкой социальной ответственностью, отсыпались, готовясь к новой охоте.

— Вильсон всегда бредил полётами, — начал Роже, когда мы, перейдя через площадь, направились к одному из неприметных проходов, высеченных в каменном теле планеты. — Но, увы. Он был из небогатой семьи, живущей честным трудом в каком-то секторе, соседним с Тронным. Заработки там были неплохие, близость Центра сказывалась, но не такие, чтобы честному гражданину купить себе хотя бы яхту, самую мелкую, внутрисистемную.

Я кивнул — да, с местными ценами купить себе даже самое дешёвое корыто, даже без гипера, возможным не представлялось.

— И что самое поганое — для нашего Весельчика, было то, что работал он в конторе по обслуживанию и мелкому ремонту кораблей. Манагером — бумажки перекладывал, графики тех обслуживания составлял и всё такое.

— И имел доступ к запасным частям и модулям? — Я подмигнул Роже и тот рассмеялся. — В корень смотришь, Поп, но мимо. Доступ-то он имел, вот только прикарманить — не мог. Контроль там жёсткий.

— И как тогда? Не угонять же?

— Знаешь, не то что бы часто, скорее редко, но бывает и такое, что что-то ломается в течении гарантийного срока. Что тогда делать?

— Ну как что? — Я пожал плечами. — Замена детали на новую, письмо на завод изготовитель вместе со сломанной — пусть разбираются, что сломалось, да новую шлют.

— Всё верно. Ты часом в сервисе не работал? — Он улыбнулся и продолжил. — Всё так, кроме одной детали.

— Какой?

— Лень. Отсылать сломанную ещё ладно. Но вот заводу — копать в грязи, платить за транспортировку... Лениво и желания нет. Проще деталь списать, а фирмочке, которая брак нашла, скидку при следующем заказе сделать. Понял?

Я кивнул — действительно, лень движитель прогресса. Без неё мы бы до сих пор лежали бы себе под пальмами, изредка забираясь на них за спелым бананом. Так нет, нашёлся же лентяй, которому было лень карабкаться вверх — он взял палку по длиннее и ...и запустил колесо технического прогресса.

— Вот так у него и образовалась, постепенно, разумеется, груда списанных зап частей. Утилизировать их — дорого и, опять же, лениво. А когда к этой груде добавился списанный новенький гиперпривод — там ерунда какая-то была,

буквально пару плат поменять — то он и задумался, а чего б, из этой груды почти работающего железа, полноценный корабль не собрать?!

— Погоди, — перебил его я. — Ты что, думаешь я поверю, что из-за пары плат гиперпривод в утиль списали?

— Не, в сервисе ты не работал. Точно. Смотри. Изделие на гарантии — так?

— Да.

— Ремонту не подлежит, только полной замене.

— Не верю, бред же!

— Тебе — бред, а производителю — бабки. Да и кроме того — ну ладно, этот, с платами, действительно можно было починить малой кровью. А, если, там что-то серьёзное? Тоже чинить? А сломается во время прыжка или при его подготовке? Ладно корабль с грузом и экипажем распылит — страховка всё покроет, как бы цинично это не звучало б, а репутация производителя? Конкурененты-то не дремлют. Ославят по всей галактике — мигом рынок потеряешь.

— И Вильсон, значит, рискнул, да?

— Расчётливо рискнул. Он же знал — что из его хлама действительно лучше не трогать, а что вполне в рабочем состоянии.

— Погоди, — снова перебил его я. — Так все же эти модули, они же без документации? Кто б

ему разрешил, даже если бы он и собрал, да-да-да, я знаю, что он собрал этого Жнеца из того хлама — догадался уже. Но как он официальные лицензии, сертификаты на полёты, прыжки и прочее получил?! Без них же не то, что тех обслуживание, без включения в обще корабельный реестр, тебя просто на станцию не пустят?!

— А он и не получил, — довольно заржал Роже.

— То есть?!

— Наш кэп — голова! Он прекрасно понимал, что дороги, ну — легальной, ему в пространстве Империи или в любом другом, регулируемом законодательством, пространстве — не будет. Вывод? — Он подмигнул мне, ожидая моего ответа.

— Сюда?!

— Точно! Но соваться сюда без экипажа и без стволов — это, как ты понимаешь, равносильно самоубийству. Даже если ты без груза — завалят, чисто из спортивного интереса.

— И что же он сделал? Раз корабль здесь — значит, сюда он всё же добрался?

— Добрался. К тому моменту он уже познакомился с Самариным — отставным штурманом. Он тащил лямку на каком-то крейсере и был уволен в запас с небольшой пенсией. Служба его прошла без каких-либо героических деяний — вот ему и сунули, по минимальному разряду.

Существовать можно, но сам понимаешь — едва-едва, без излишеств. Уж не знаю где они пересеклись, чем друг друга зацепили, но стали вместе мозговать — как, имея кучу хлама собрать что-то приличное. Всего я не знаю, ни Виль, ни Самарин не особо про этот свой этап рассказывать не любят, но в результате Жнеца они собрали. Ходовая — от буксира, движки — с Вола. Проблема была в жилых модулях, ну и отсеках для реактора, гипер, жизнеобеспечения, щита и прочего, без чего в космос лучше не вылезать.

— Кстати да. А отсеки они откуда взяли? Тоже по гарантии списали?

— Нет, это просто так не списывают. Тут им пришлось головы поломать, хотя решение лежало на поверхности — кэп наш мимо них каждый день, по дороге на работу, мимо проходил. Вот ты жнеца не видел, так?

— Угу.

— Вопрос... Проверим твою сообразительность, — мы как раз проходили грузовые доки — из шлюзовых губ торчали носы нескольких кораблей, подле которых суетились крошечные на фоне их громад фигурки людей и сновали погрузчики, таскавшие контейнеры.

— Попробуй поставить себя на его место. У тебя есть всё, даже силовой набор, но нет служебных и технических отсеков. И, как он, ты

сейчас видишь тож самое, что и Вильсон видел каждый день.

Я закрутил головой.

Первое, что бросалось в глаза — были высокие штабели пустых контейнеров, неизбежное зло любого порта. И, по большому счёту, здесь больше ничего не было, не рассматривать же погрузочные кары и чужие грузы?

— Хм... Контейнеры?!

— Именно! — довольный произведённым эффектом закивал Роже.

— Но они же...

— Хлипкие?

— Ну да. Там металла считай нет. А от радиации, от микрометеоров, не, не верю.

— А что мешает их в несколько слоёв поставить? Халява же!

Я внимательно посмотрел на него. — Ты хочешь сказать, что Жнец, его отсеки, собраны из контов?

— Да! Все технические и жилые помещения они собрали из стандартных контейнеров. Сделали их герметичными, прорезали проходы, смонтировали силовой набор, благо схем в сети навалом и... Готово!

— А защиты?! Стволы?

— Защита? Жили в рубке — там и ели и спали. Если что-то чинить — в скафандр и вперёд.

Стволы? Понимаешь... Они очень хотели летать. Муляжи сделали, чуть ли не из брёвен и с ними.

Я покачал головой — не знаю, смог бы я так...

— Сначала они руду возили. На окраинах к вопросу наличия лицензии у капитана смотрят не так пристально, как в центральных мирах — главное, что б груз ушёл. А руде, как ты понимаешь, на радиацию как-то начхать, всё одно её из колец добывали. Вот так они и начинали. Ходили в составах конвоев, зарабатывали свою копеечку, вкладывая всё в корабль. Потом, как на нормальную защиту скопили — поставили её и стали еду шахтёрам возить — это оказалось немного более прибыльным. Смогли нанять парковщиков и наконец-то переселиться из рубки в более-менее приличные условия. Постепенно и на стволы денег набрали. Вот так...

— погоди. И что — всё это время их никто не... — Я покрутил пальцем в воздухе.

— Ха! Пытались, конечно пытались перехватить. Вот только Жнец он небольшой, а движки со среднего транспортника. Пытались — несколько раз, а потом плюнули.

— Удирал?

— Именно. Даже с грузом — скорость как у эсминца. Вот, кстати, последний раз мы и ушли — пришлось, правда, груз бросать, иначе оторваться

не могли, но как сбросили — только нас и видели. А... Вот мы и пришли. — он махнул рукой в сторону больших ворот с выведенной на них белой краской тройке.

— Все здесь? — Вильсон залез на валявшийся рядом с ними поддон и окинул взглядом присутствовавших. Убедившись, что команда практически вся здесь, он махнул рукой куда-то нам за спину. — Открывай!

Загудел привод и створки медленно поползли в стороны, освобождая проход внутрь.

К моему, да и не только к моему — к разочарованию всех присутствовавших, сразу за воротами оказался не вид на внутреннее пространство дока номер три, а высокий прямоугольный щит из серого пластика, на котором, белой краской было выведено:

Корабль: Жнец.

Капитан: Весельчак.

Срок окончания ремонта: ХЗ .

— Не спешим, успеете, — капитан осадил самых нетерпеливых и, раздвигая столпившихся людей, прошёл в первый ряд. — Мужики! Не галдим! Мехам под ногами не путаемся, для идиотских вопросов есть крайний. Самарин? Ты тут?!

По толпе прокатились смешки и шуточки —

мол лучше ему бы тут не быть, иначе свихнётся ненароком.

— Да тут я, тут. — Старпом, так же распахивая всех протолкался к капитану. — Значит так! Напоминаю...

— На поддон залезь, не видно! — выкрикнул кто-то из присутствовавших.

— Я тебе не девка молодая — красивая, что б на меня смотреть. Соскучился что ли?

Наверное это была шутка — оценить юмор я не успел, вся масса людей сдвинулась к проходу уплотняясь и выдавливая передних внутрь. Это движение сопровождалось выкриками:

— Не тяни, старый! Пошли к кораблю!

— Да! Пошли!

— Чего ждём?

— По-шли! По-шли! — проскандировали несколько человек, толпа в очередной раз колыхнулась и передний ряд, не в силах больше сдерживать давление задних подался вперёд, упираясь руками в щит. Тот вздрогнул и начал медленно заваливаться от нас, открывая нашим взором корабль.

За те полтора года безделья, что я прожил, проедая полученное выходное пособие, мне удалось довольно неплохо ознакомиться практически со всеми типами местных кораблей.

Здесь предпочитали ставить во главу угла функционал, оставляя без внимания эстетическую составляющую.

Тот же Слон проектировали как перевозчика сжиженных газов, для чего разработчики разместили вдоль его центральной оси четыре шара газгольдера, засунув внутрь жилые отсеки. В принципе решение было логичным и правильным — прикрытые со всех сторон сотнями метров жидкого газа там было безопасно — если только не перевозить кислород, чей газ мог воспламениться от любой искры, с самыми фатальными последствиями для экипажа.

Своё прозвище этот тип кораблей получил за связку толстых и длинных шлангов, свисавших из носовой его части — по ним переправляли содержимое корабельных хранилищ заказчикам. По-хорошему эти шланги, а точнее — в силу их габаритов, эти трубопроводы, должны были быть подтянуты к корпусу во время движения, но большинство экипажей забивало на это правило, оставляя их болтаться под корпусом, что и привело к появлению такого прозвища.

Транспортники — тот же Вол, были просто коробками с торчащими из кормы дюзами главного двигателя и наплывом ходовой на носу. Кое какая эстетика присутствовала у военных — их кораблям часто приходилось нырять в атмосферы, отчего

корпуса были зализанными, вытянутыми, со сглаженными обводами, хотя, надо признать, это касалось, в основном, только эсминцев. Те же крейсера, не говоря уже о линкорах, уже меньше заботились о привлекательном внешнем виде, заставляя уважать себя калибром стволов и мощностями защитных полей. Ну а носители вообще не задумывались о подобных мелочах, представляя из себя скопище лётных палуб, смонтированных друг на друге ради возможности одновременного пуска наибольшего количества мелких корабликов.

Жнец... Впечатлял. Других слов, что бы описать увиденное у меня не было. Его длину я оценил где-то в две сотни метров — и начиналась она мордой буксира, сразу за которой в несколько рядов громоздились угловатые, обшитые бронёй, но всё равно узнаваемые, стандартные контейнеры. Пять на пять на двадцать пять — таков был стандарт, от которого отталкивался Вильсон, собирая это чудо.

Пять в ряд и пять рядов — из таких семи кубиков был собран корпус, создавая впечатление тонкости и хрупкости — по крайней мере мне он именно таким и показался. Жнец был сложен из них как из кирпичей, причём направление этой, с позволения сказать, кладки постоянно чередовалось

— то они шли горизонтально, то вертикально. В начале и конце прямоугольного корпуса из общей мешанины горизонтально торчали по одному контейнеру, увенчанному не по размеру большим маневровым движком.

— И... Оно летает? — Я сглотнул и повернулся к Роже, который с гордым видом любовался этим шедевром кораблестроительной мысли.

— Ещё как!

— А оно... Ты меня прости, но — он не развалится, при манёврах?

— С чего бы? Силовой набор от военного корабля стоит, не переживай! Наш Жнец может и неказист с виду, но в деле даст фору даже эсминцу.

Подойдя поближе, я смог более детально рассмотреть то, на чём мне предстояло выйти в космос и, скажу честно — оптимизма мне это не прибавило. Корпус действительно был составлен из типовых пятидесяти тонных контейнеров, по поверхности которых ползали механики, монтируя последние броневые пластины.

— Да не дрейфь ты, — он хлопнул меня по плечу. — Корабль что надо. Быстрый, шустрый, крепкий. До семи контов волочь может.

— Ну, чего стоишь? — Потянул меня за рукав подошедший Кот. — Пошли к нашим, сейчас лифт спустят.

Лифт, точнее открытая со всех сторон платформа, опустилась, когда скопившиеся внизу люди уже начали выкрикивать угрозы в адрес ремонтников, задерживавших осмотр корабля.

По её центру, привалившись к сетчатой обрешётке телескопического столба подъёмного механизма, стоял человек в рабочем комбинезоне и каске.

— И чего разорались? — Он поправил каску, она, как и его одежда, была заляпана пятнами масла и технических жидкостей, после чего, остановив подъёмник в полутора метрах над полом, продолжил. — По плану на ремонт отведено ещё два дня. Чего сейчас припёрлись?

— Тебе дай волю, — протолкался в первые ряды Люкс. — Ты не два, ты ещё неделю копать будешь. Верно я говорю? — он обернулся к остальным и те ответили сдержанным ворчанием.

— Сколько надо — столько и будем. — Парировал старший механик, но посмотрев на столпившихся, махнул рукой. — Чёрт с вами! Пущу. Но уговор — моим не мешать!

Платформа опустилась и народ хлынул на неё. Я был уверен, что мне места не хватит и уже приготовился к загрузке во вторую очередь, но, к моему удивлению, места хватило на всех, даже немного осталось.

— Все тут? — задал для порядка вопрос механик, будто не видя, что на полу не осталось ни одного человека. — Тогда... — Он сделал паузу, нагнетая напряжение. — Добро пожаловать на борт!

Мы все, даже я, поддавшись всеобщему чувству, проорали что-то восторженное и платформа двинулась вверх, унося нас во внутренности Жнеца.

Насколько корабль был неказист и даже банален снаружи — ну что можно ожидать от сложенных в стопку контейнеров, настолько он отличался внутри. Нет, конечно переборки не были покрыты панелями древесины редких сортов и с потолка не свешивались хрустальные люстры — по команде удалось простыми приёмами сделать всё окружавшее нас каким-то тёплым, домашним и уютным.

Центральный коридор, в котором мы оказались, пройдя шлюз, был широким — не менее десяти метров и весьма длинным, по крайней мере мне так показалось тогда. Его пол был застелен широкой кремовой и весьма пушистой на вид ковровой дорожкой, подобранной в тон к чуть более светлым стенам. Освещение давали круглые, чуть выпуклые светильники, размещённые по потолку через равные промежутки.

— Внимание, экипаж! — Вильсон подошёл к противоположной стене, благо ширина коридора, составленного, как я уже догадался из двух контейнеров, это позволяло.

— Внимание! — Он повысил голос, и мы образовали некое подобие строя. — Расходимся по своим постам. Что я хочу — до вылета два дня. Проверьте свои заведования и сообщите мне, чего не хватает. Только без излишеств! — Он предостерегающе поднял руку. — Для вашего понимания — ремонт проведён по категории А плюс. Мы установили новый двигатель и, как вы все видели, нам монтируют броню последнего поколения. Это было недёшево. Скажу честно — мы не на мели, но ещё немного и... Ну, вы поняли. И я не хочу, чтобы ваши соломинки оказались именно тем грузом, под которым мы пойдём на дно. Мы возвращаемся в пространство, и я очень надеюсь, что наш следующий выход не станет последним. Надеюсь, все это понимают. — Он вздохнул и продолжил. — Все тут мужики с пониманием, поэтому прошу — заказываем действительно нужное. Я всё сказал. По боевым постам — разойдись!

Негромко переговариваясь, народ принялся рассасываться по своим местам и менее чем через пару минут, я остался один. Почти один — напротив меня, у переборки, так и стоял Вильсон,

наблюдая за мной со своей неизменной ухмылкой.

— Ну а ты? Чего зависи?

— А камбуз — где у вас... У нас, то есть?!

— Как и везде, — он махнул рукой в дальний конец коридора. — Там и камбуз, и прод склад и твоя каюта, напротив. Ты вот что, Сэм. — Весельчак подошёл ко мне и ткнул меня пальцем в грудь. — Составь список продуктов, исходя из... Пусть на десять дней похода. Да, на десять.

— Виль, то есть — капитан!

— Ну чего тебе?

— Я это... Я никогда ещё не заказывал еду, тем более на весь экипаж.

— Ты же... — Начал было он, но потом раздосадовано махнул рукой. — Точно! На Бубалюсе я заказывал, тебя не подпускал — думал ты приворовывать начнёшь.

— Я?! Воровать?!

— Не кипятись. Это я сейчас знаю, что не будешь, воровать не твоё. Но тогда, когда ты только пришёл — что я о тебе знал? Да ничего! Ну вот и старался тебя подальше от бабла держать, происшествий на борту мне только не хватало. Не сердись. Мир? — Он протянул мне свою руку.

— Чего уж там. Ты прав. — Я пожал её.

— Тогда так. Бери по мешку, заполни ведомость и мне в рубку.

— По мешку чего?

— Да всего. Круп, макарон, риса. Мяса пару туш, чего ещё... — Он задумчиво почесал затылок. — Ну... Фруктов ящиков десять, лимонаду какого ни будь. Всё вроде... Хотя нет, постой, — он хитро прищурился. — Муки, яиц и приправ не забудь. Будешь нас своими плюшками баловать.

(...прошло четыре дня).

Мы висели в пространстве первой звезды созвездия Волос Вероники в ожидании подхода Аркана, корабля Жерга. Волына уже прибыла и висела в паре километрах от нас, проводя учебные вылеты своих эскадрилий, которые, разбившись на звенья отрабатывали различные сценарии. Они то сходились во встречном бою, то атаковали из засады своих, якобы ничего не подозревавших товарищей, то отрабатывали прорыв к цели, которую изображал их носитель. Не покривлю душой если скажу, что все свободные от вахты старались оказаться в рубке, чтобы своими глазами увидеть их манёвры. Временами пилоты крохотных корабликов, зная, что за ними следят, включали газовые генераторы, расписывая пустоту цветными хвостами, которые закручивались друг вокруг друга, щедро расцвечивая черноту пространства яркими красками.

К моему сожалению, вырваться в рубку мне удалось всего один раз — всё своё свободное время я проводил на камбузе, либо занимаясь готовкой, либо отмывая посуду после приёма пищи всей оравой бездельников, находившихся на борту. Ну, с моей точки зрения — бездельников. Помощников тут, несмотря на то, что я был коком, у меня не было. И, как вы понимаете, это не могло не отразиться на моём поведении.

Первой и, к счастью единственной жертвой, стал Кот, в неурочный час, решивший зайти на камбуз в поисках чего-либо эдакого — вкусенького.

Блямс!

Тяжёлая сковорода влетела ему точно в лоб, стоило только десантнику просунуть голову в приоткрытую щель двери и осведомиться. — А вкусн....

Больше он ничего сказать не успел, занятый уклонением от моего метательного орудия, так неудачно — для него, разумеется, оказавшегося в тот момент в моей руке.

— Сэм, ты чего? Охренел, в натуре?! — Осторожно выглядывая в значительно сузившуюся щель дверного проёма осведомился он, готовый тут же — при первых признаках начала обстрела, залечь на пол.

— Задолбали! — Я искал глазами что-либо тяжелое и, не найдя ничего подходящего, вздохнул. — Хоть бы одна сволочь помочь пришла! Жрать — так вы сразу, а помочь?! Вкусенького вам? А вот хрен! Перловку три раза в день, посмотрю, как запоёте!

— Эй, кок, ну ты чего?! — Кот резко снизил тон и гораздо более мягким тоном продолжил. — Ну ты это, не надо так. Ты скажи, чего надо то? Парни заняты, но пару человек найдем.

Угроза перехода на перловку подействовала — с того дня, после каждого приёма пищи ко мне командировали одного, редко двух человек. А когда экипаж просёк, что за такую помощь может обломиться что-то вкусное, пока еще не попавшее на общий стол, в конце концов и у меня были свои заготовки, вот тогда от желающих помочь коку в его нелёгком труде, как выразился всё тот же Кот, гордо демонстрировавший всем желающим приличный фингал от сковороды, вот тогда от добровольцев отбою просто не стало.

Хотя, как я подозреваю, изначально эту ситуацию спровоцировал сам Весельчак, пустивший слух, что на камбузе полно разных вкусностей. Скорее всего это была его мелкая месть мне — за оформленную мной ведомость на

продукты.

Вручив её капитану, я скромно сложил руки на груди, подготовившись к шоу и оно незамедлительно последовало.

Быстро пробежав глазами по списку продуктов, планируемых к закупке, он ожидаемо зацепился взглядом за раздел морепродуктов.

Зацепился и завис.

Первую минуту он беззвучно шевелил губами, силясь сложить вроде бы знакомые буквы в слова. Безуспешно. Тогда он начал читать по слогам, вслух, причём — нормальным, громким тоном.

— О-пи-сто...кхм!

— О-пиз. да...по...про. ээээ...

Вторая попытка вышла хуже первой — присутствовавшая в рубке вахта начала тихо хихикать.

— Кхм, — Виль покосился на меня и, попробовал в третий раз. — описдопро....

На этот раз смешки в рубке уже никто не сдерживал, и он поднял глаза на меня. — Что это значит, кок?

— Ведомость. Продуктовая ведомость, капитан.

— Шутник, да? Что это такое? — Он встряхнул листком бумаги.

— Простите, капитан, вы про что конкретно?

— Про эту твою опи... — Поняв, что сейчас над ним начнут открыто ржать, он выкрутился. — Раздел морепродукты, строка шесть?!

— А, вы про это? Рыбка. Глубоководная. Плавает в море, — я повернул ладонь ребром и изобразил ей волнообразные движения.

— Плавает?

— На глубине, капитан. Вкусная и полезная.

— Вычеркиваем.

— Но, Виль. В рыбах семейства опистопротковых, — прежде чем прийти в рубку с этим, я, наверное, минут сорок тренировался выговаривать это, кстати — вполне легальное и печатное научное название каких-то действительно существующих глубоководных рыб:

— В них содержится много фосфора, они там даже светятся. Для мозгов полезно.

— Для чьих мозгов?

Меня так и подмывало ответить — для ваших, но я сдержался и только грустно посмотрел поверх его головы, изображая скорбь непризнанного публикой кулинарного гения.

— Дальше пошли. — Он опасливо покосился на листок, ожидая очередного подвоха. И не зря. Следующая моя мина рванула точно через две строки.

— Ну а это что такое?

— Где?!

— Вот! — Не рискуя сразу произнести непонятное слово, он сначала несколько раз пошевелил губами, прежде чем решился его произнести. — Макар. охибрах. мины! Вот! Съел?! — Весельчак победно усмехнулся и небрежно осведомился. — Ну а это где? Тоже в глубине... Плавает? — Он повторил мой жест рукой.

— Не, не в глубине. Уверен — ты их десятками ел.

— Я? Ел?! Что бы я подобную гадость в рот брал? Хм... — Он с подозрением посмотрел на меня:

— А что это?

— Макробрахиумы — это креветки.

— Что?! Врёшь?!

— Только большие. Во какие, — я развёл руки сантиметров на тридцать.

— Да таких не бывает, — отмахнулся он, но любопытство пересилило. — Что, точно такие большие?

— Ага. Я их в пивном кляре сделаю, пальчики облизите.

— И пиво заказал?

— Да, там, в самом низу.

— Угу, вижу. Один кег тёмного, не фильтрованного. А не много?

— Если мешать никто не будет, то хватит.

— Хорошо, уговорил. — Вильсон расписался на ведомости. — Утверждаю. Бери всё, кроме твоих опизд...

— Так это же фосфор!

— И что с того? Во-первых, не хочу посмешищем быть, когда вернёмся. Спросит кто — мол чего в походе новый кок готовил? А в ответ — эти твои опиз... Да за это и в морду получить можно!

— Так не говорите?!

— И, во-вторых. Не хочу ночью пугаться, когда в сортир пойду — а там...светится! Вычёркивай!

— Сэм, да, ты лучше сам вычеркни, — неожиданно поддержал его едва сдерживающий смех Самарин. — А ведь и правда, глянет в белого брата, и кони двинет. Но — с другой стороны, Весельчак?

— Чего тебе? — Всё так же настороженно поинтересовался наш капитан.

— Прославишься же? Хочешь знаменитым стать?

— Чего???

— Будешь первым капитаном, сдохшим от того, что увидел... Ну, своё в толчке — увидел и — брык!

Самарин склонил голову набок, высунул язык

и захрипел, изображая умирающего.

— Подонок. Я всегда знал, что ты — подонок!
Сиди, курс считай, юморист недоделанный.

В ответ Самарин подмигнул мне и более никак не реагируя на слова капитана, вновь защёлкал кнопками калькулятора.

— А ты, Сэм, — Весельчак покачал головой глядя на меня. — Сэм Люциус.... Я был прав — позывной Князь тебе бы подошёл лучше. Всё. Ведомость принята, вали из рубки!

Такое не могло остаться безнаказанным — мечь я готовил два дня после отлёта из Кило.

Замачивал горох.

Мечь должна была быть максимально густой и насыщенной.

После того обеда экипаж расползлся из кают-компании придерживаясь за стенки.

Гороховый суп с копчёностями и сухариками!

Да с добавкой!

Да такой густой, что ложка стоит!

Все, абсолютно все члены экипажа слопали по две порции. Особое внимание я уделил парням из заступающей на дежурство в рубку вахте. Им достался самый навар, со дна.

Завершив обед, я погрузил посуду в мойку и налив себе чая присел за стол, предварительно

отключив вентиляцию камбуза от общекорабельной системы.

Первый робкий стук раздался спустя пол часа.

— Сэм? — В приоткрытую щель двери просунул голову и осторожно принюхался Люкс. — Тебе помощь нужна какая?

— Заходи, вон, — я кивнул на мойку. — Просто сполоснуть и в посудомоечную закинуть.

— Сделаю! — Он заскочил в мой отсек и торопливо задраил за собой дверь.

Совместными усилиями мы быстро закончили мойку посуды и Люкс, получив горсть жареного миндаля хотел было усесться, как голосом Самарина ожила трансляция. — Сэм? Слышишь меня?

Я поспешно подошёл к переговорному устройству на переборке. — Да, тут я.

— К тебе пошёл.

— Кто?.... Эээ.... Понял. Спасибо, Самарин!

— Потом сочтёмся.

— У меня супа немного осталось, хочешь?

— Супа? Нее... Спасибо! Он и так в скафандр залез. Отбой.

Я щёлкнул кнопкой, подтверждая конец сеанса и, заслышав шум у стола, повернулся. Люкс стоял у двери, торопливо ссыпая орешки в набедренный карман.

— Уходишь? Может супа?

— Да вспомнил об одном деле, бежать надо.

— Ладно, спасибо, что зашёл — сам бы я долго с посудой возился.

— А тебе за орешки, — он глубоко вдохнул свежий, пахнувший хвоей воздух, я только зарядил новую кассету в ароматизатор, и исчез. Что ж... Правильно — нечего капитану, особенно когда он не в духе, на глаза, особенно в моей компании, попадаться. А то, что Весельчак сейчас вывалит претензию я и не сомневался — не зря же я суп таким наваристым сделал.

Стучать Вильсон не стал — капитан всё же. Он просто зашёл на камбуз и мне пришлось приложить значительные усилия, что бы не рассмеяться во весь голос — он был в лёгком скафандре с опущенным стеклом шлема.

Приоткрыв забрало, он втянул носом воздух и, поколебавшись немного, откинул шлем на спину.

— А у тебя тут ничего, так. Свежо. Хвоей пахнет.

Я молча пожал плечами. — Капитан, чай будете? С имбирём и мятой. — Я хотел было добавить, что такой чай хорошо успокаивает, но сдержался — чёрт его знает, какую реакцию могут вызвать эти мои, вполне невинные слова.

— Чай? А что... Давай, посидим, поговорим.

Уверен, у тебя к чаю что-то точно заныкано. Выкладывай.

— Да ничего особенного нет, — я налил ему кружку горячего напитка и, поставив её перед ним, отвернулся к шкафу. — Ничего такого нет, но для капитана — найдётся.

Достав небольшую соусницу — взял то, что первым подвернулось под руку, я насыпал в неё подсолённых крендельков — такие хороши к пиву и пододвинул её к нему.

— Что? И пива может нальёшь?

— Пиво — для кляра. — Я сел напротив. — Слушаю вас, капитан.

— А что так официально? — он отпил чая и захрустел крендельком. — Эх... Не дашь? — Видя мою вопросительно поднятую бровь он пояснил. — Кружечку. Тёмного, а?

— Я же сказал — для кляра. Кроме того, я самый маленький взял — на двадцать литров, а народу — много. Боюсь и этого-то мне с трудом хватит.

— Ты что, по пол-литра на креветку считал, что ли?

— Ну... Замочить их сначала надо, что б пропитались, потом тесто на почти четыре десятка сделать, — начал было загибать пальцы я, но он мне прервал:

— Ладно. Будем считать убедил. Я с тобой вот

о чём поговорить хотел.

— Слушаю?

— Вот зачем тебе это, а, Поп?

— Вы о чём?

Вильсон поморщился, но продолжил, не меняя своего, вполне дружеского тона. — То с этими опи.... С рыбками, то с креветками... Ну а суп ты такой — вот зачем ты его сделал? Таким я хочу сказать.

— Так всем же понравилось, добавку все просили.

— Да я и не спорю, что супчик удался. Но ты наружу выходил?

— Нет, а зачем?

— А ты выйди — узнаешь. Если выживешь.

— Хм... Что — всё так плохо?

— Ну как тебе сказать, — он задумчиво покрутил в пальцах кренделёк. — Думаешь я просто так это на себя натянул? — мотнув головой Вильсон указал себе на грудь, подразумевая надетый скафандр. — Скажу больше. У меня на пульте — лампочка контроля атмосферы заморгала. Переизбыток метана в жилых секторах. Тут почти сорок мужиков и все того... Атмосферу улучшают. Мы уже треть запасов воздуха сбросили. И всё это — благодаря тебе, супчику твоему. Ну?

— А что я? Народ накормить надо было? Не перловкой же...

— Уж лучше б перловкой!

Некоторое время мы сидели молча. Я — с видом невинно обиженной жертвы, капитан — с выражением задумчивости на лице.

— Наказать я тебя не могу, — наконец нарушил он молчание. — Экипаж не поймёт. Ты им пришёлся. Но и так эту выходку я оставить не могу. Вот скажи мне — ты сам-то чего хочешь? Чего к нам полез, со всей этой твоей ершистостью?

— Я?! К вам?! Смею напомнить, какой выбор вы мне предоставили — каменный мешок или камбуз твоего рейдера.

— Да помню я. И что — ты сделал верный выбор. Тут, — он обвёл рукой помещение. — Не в пример лучше, чем там.

— Угу.

— Так что вот, что я тебе скажу, Поп. Кормишь ты нас нормально. Хорошо даже. Но! — Капитан погрозил мне пальцем. — Ершистость свою, засунь себе в свою... в эту описто... свою. Усёк?

— Вот и умничка. — Допив чай Весельчак встал из-за стола, снова приняв образ доброго и заботливого капитана. — Плов приготовь что ли. Мы выходим к тому транспортнику через три часа, успеешь. И учти, будешь гадить — выкину за борт.

За оставшиеся до прыжка к цели три часа я

успел приготовить плов и сейчас рассыпчатый рис, перемешанный с обжаренными кусочками мяса и заправленный пассированным луком с обжаренной морковью томился в двух кастрюлях, которые я обернул в несколько слоёв газет и укутав в старое одеяло. По моим расчётам где-то через минут сорок — аккуратно к плановому обеду, он должен был окончательно дойти и порадовать экипаж насыщенным вкусом перед предстоявшей работой.

— Вниманию экипажа! — Из общекорабельной трансляции послышался спокойный голос капитана. — Всем приготовиться к прыжку. Начинаем работу.

Чёрт! А обед?

Ещё давным-давно — в другой жизни, я привык к иному правилу, гласившему — война — войной, а обед — по распорядку. Что ж... В Братстве были явно иные правила и лезть со своим уставом мне было не с руки.

Короткие мгновенья гипера я перенёс спокойно, чередование волн жары и холода меня более не напрягали.

Короткий толчок пола возвестил о нашем прибытии в точку назначения и, покосившись на кастрюли, я вздохнул — вот так, кому-то сейчас идти на корабль чужих, а кому-то — в кают-компанию, вилки раскладывать.

— Вниманию экипажа! — Снова появился в эфире наш капитан. — Боевая тревога! Повторяю — Боевая тревога! Всем занять свои места по штатным расписаниям.

Он замолчал, и я с тоской обвёл помещение камбуза — ну какое у кока может быть штатное расписание или боевой пост? Нож в зубы и картошку чистить? Эхх... На Нарочитом, я вспомнил тот давний эсминец, хоть пострелять дали...

— Боевая тревога! — После небольшой паузы продолжил капитан. — С обнаружен малый корабль Копий, состыкован с транспортником, возможно ремонтники.

— Вот тебе и лёгкая прогулка, — пробурчал я себе под нос, поправляя немного сползшее с кастрюль одеяло. — Хорошо, если иные только ремонтников прислали — помнится Виль очень высоко оценивал их боевые качества.

Развить это направление мне не удалось — динамики ожили снова.

— Производим стыковку и стандартную зачистку. После подтверждения — швартовка Бубалюса. Всем свободным от вахт — быть в боевой готовности. Мы в деле, парни!

Ещё раз осмотрев свой камбуз — на предмет беспорядка или чего иного, не соответствующего

моему представлению об его идеальном состоянии, и — не найдя ничего криминального, я налил себе остывшего чая. Что ж... Кому-то сейчас в бой — на abordаж Чужака идти, а кому-то чаем, с крендельками баловаться.

Хотя... Я ещё раз прокрутил в голове его последние слова — как он там сказал? Всем свободным от вахт? Так я же — свободен. Плов и так дойдёт — от того, что я буду на него пялиться — вкуснее он точно не станет.

Подбодрив себя этой мыслью, я закинул кружки кружку в мойку и, аккуратно притворив дверь камбуза направился по длинному основному коридору в сторону подъёмника, где уже суетились бойцы из abordажной команды.

Глава 6

Борт рейдера «Жнец». Пространство первой звезды созвездия Волосы Вероники, территория Копий.

267 год правления 28 Императора.

(тот же день).

В коридоре ощутимо пованивало, и я прибавил ходу, спеша побыстрее оказаться рядом с подъемником — по стандартной процедуре, при

стыковках или при посадке на малоизученную планету, в районе шлюза, а подъемник как раз исполнял его роль, всегда создавалась область слегка повышенного давления, пресекая воздушной подушкой проникновение газов и грязи снаружи.

В нашем случае эта подушка ещё и накачивала стенки переходного коридора, соединявшего наш Жнец с повреждённым транспортом.

Добравшись до столпившихся около подъемника десантников, я тронул одного из них за плечо:

— Народ, а Роже тут?

— Зачем он те.... — Он обернулся, и я узнал Кота. — А, это ты, Поп? Что штурмовые бутеры притащил?

— Прива, Сэм!

— Какие люди!

— Что на ужин? — Поприветствовало меня сразу несколько голосов.

— Плов, на камбузе, доходит. Вкус, да пропусти уже, вкус набирает... — Я протолкался через них к переборке, подле которой, на полу, лежало несколько открытых ящиков с оружием и элементами брони.

— Мужики, мне всё одно сейчас делать нечего... Можно — с вами?

— Штурмовой кок?

— Ты б хоть котелок какой взял — за место каски!

— Ну куда тебе, Сэм?! Ты ж повар, не боец!

Не дожидаясь окончания потока их шуточек в мой адрес, я молча вытащил из ящика короткую абордажную саблю и примерил на себя её портупею.

— Нет, ну правда, Сэм. — Подошёл ко мне рослый детина. — Зачем тебе это? Отдай, ещё порежешься — Он протянул свою лапу, надеясь ухватить меня за ремень перевязи, но я отскочил, неприятно ударившись спиной о переборку.

— Иди уж на камбуз, — детина сделал шаг вперёд, не отказываясь от своей затеи и мне волей не волей пришлось достать припасённые в рукаве козыри.

— Мужики, я наёмником, вообще-то, был. Две кампании.

— Целых две? На кухне?

— Ну, раз не хотите по-хорошему, — сделав вид, что сдаюсь, я потащил ремень через голову. — Тогда будь по-вашему. — Сняв перевязь, я протянул её здоровяку. — Вот только...

— Что? — В его ручищах короткая сабля больше походила на кривой кинжал переросток.

— Вы же — абордажники? Силачи! Бойцы! — От этих слов присутствующие тут же раздулись от

гордости, став даже визуально больше. Я вздохнул и посмотрев себе на грудь. — Не то, что я.

— Да ладно тебе, — подошедший Кот положил руку мне на плечо. — Ты пойми, мы же о тебе заботимся. Не готов ты. А вот вернёмся, так заходи к нам, подкачаем. Верно, мужики?

Дружное ворчание мужиков подтвердило верность его слов.

— Как скажите, только вас я теперь на здоровый рацион переведу.

— Это на какой?

— Без излишеств вредных. Только здоровая пища. Перловка, например. А всё жаренное или печёное — я про выпечку сейчас, так это вам вредно.

Покосившись на всё еще зажатую в руках громилы саблю, я снова показательно вздохнул и медленно побрёл от них, считая про себя.

Раз... Вот сейчас до них начнёт доходить.

Два... Они осознают мои слова насчёт перловки.

Сзади слышались первое недовольное ворчание.

Три... А сейчас они поймут, что остались без плюшек — я их успел приготовить на борту только один раз, и то немного — по штуке на нос, но успех у моей выпечки был оглушительным.

Вообще, к немалому моему удивлению, среди моих новых друзей сладкоежками оказались все. С разными вкусами — да, но вот что бы не любить сладкого, вот такого не было. После того, как я угостил их всех своими фирменными плюшками народ начал постоянно крутиться около камбуза, выискивая повод зайти внутрь и «помочь». Не за так, конечно. За вкусняшку — плюшку, орешек в сахаре, печенку или что-то ещё подобное. И вроде бы — все взрослые мужики, солидные и обеспеченные, в чём проблема купить и притащить на борт?! Так нет — честно сворованное с камбуза было слаще и вкуснее вдвойне или втройне. Сейчас, оказавшись в шкуре кока, я начал прекрасно понимать состояние Жанны, когда она запирала дверь камбуза на моей старой Анаконде изнутри, не пуская никого, даже меня — капитана, внутрь.

Ворчание сзади резко усилилось, и я развернулся для контрольного выстрела. — И вот ещё. Вы Роже передайте, чтобы вас для работ ко мне больше не присылал, вам же силы копить надо.

— Сэм?! — От общей, уже начавшей закипать массы, отделился и подошёл ко мне Кот. — Ты чего? Как маленький, ей богу! Опасно там.

— А на кухне не опасно? Я тебя приглашу, Кот, и дам ту же курицу — твою любимую, с корочкой, зажарить. Совет хочешь? Без защитной

каска, — я щёлкнул пальцами по прозрачному забралу его шлема. — Не приходи. А, если серьёзно, мужики... Я в линейной пехоте был. И уж поверьте мне — там, — я мотнул головой себе за спину. — Всякое бывало.

— Сэм... Может всё же не? А?

— Саблю дай, — я протянул руку, и здоровяк, нерешительно глянув на Кота, послушно отдал мне клинок. — Я, конечно, давно не фехтовал, — даже не краснея соврал я. — Но дайте мне шанс, и я покажу вам, какого цвета потроха у этих Копий!

— Ты чего, Поп? — Кот посмотрел на меня изумлённым взглядом. — Ишь, развоевался. Ладно, возьму грех на душу, но учти — сдохнешь, плюшками не отделаешься!

Я небрежно кивнул и поправил ремень перевязи.

— Ты, главное, не торопись, хорошо? — Отвернувшись от меня, он поискал глазами кого-то в толпе. — Эй, Лещ?

— Чего тебе? — Мужчина, отозвавшийся на этот позывной заканчивал регулировку ремней своей штурмовой кирасы и, оторванный от своего занятия, недовольно покосился на Кота.

— Броню ему подбери, — не обратив никакого внимания на его недовольный взгляд, попросил тот.

— Чего тут подбирать? И так всё видно.

Элька, полнота три, яйца — стандарт, ну а каску, — он кивнул в сторону коробок, возвращаясь к своему занятию. — Сам подберёт.

— Лещ! Ну, подобрать — значит не только сказать какие, но и помочь надеть! Это же кок, не боец!

Несмотря на то, что от последних слов меня несколько покорило, я решил за лучшее смолчать, да и тема яиц прозвучала как-то странно.

Ну, ладно — стандарт, так стандарт, ему, Лещу этому, наверное, виднее, хотя...

Откуда? В душе с ним я точно не был. А может он из этих?! — Неприятной иголкой кольнула в голове внезапная догадка. Надо бы с ним поосторожнее... Мало ли что.

— Сэм, ты не думай, Лещ — он мужик что надо. Сейчас всё сделает, да? Лещ?

Тот в ответ только вздохнул и, подойдя к ящику с элементами брони, начал в них копаться.

— Лещ у нас эксперт по броне. Глазомер у него — ммм... Представляешь? Стоит только взглянуть на человека и всё! Точный размер определяет.

— Прямо-таки — точный? — На душе полегчало, и даже стало немного, самую малость стыдно, что я вот так подумал о человеке. Хорошо хоть ума промолчать хватило.

— Сейчас сам увидишь, вон он, броню тебе

тащит. Ты это, сабельку то сними, давай, — засуетился он. — Во... снял? Давай мне, да не переживай, верну.

— Руку сюда суй, — подошедший Лещ держал в руках раскрытую наподобие раковины гигантского моллюска, броню. Я послушно сунул правую руку в подставленное отверстие, и он сноровисто захлопнул половинки кирасы, запечатывая меня внутри неё.

— Ну как? В брюхе не жмёт? — поинтересовался он, подтягивая ремни.

— Нет у меня никакого брюха! — я опустил глаза вниз — на слегка выпуклую на животе поверхность брони.

— Мне — виднее. — Зайдя мне за спину, он что-то там подрегулировал и давление на мой небольшой, честно наработанный годовым пребыванием на камбузе животик, пропало.

— Да ты не переживай, Сэм! — Кот дружески ткнул меня в грудь своим, уже одетым в металл боевой перчатки, кулаком, отчего та отозвалась глухим и коротким звоном. — Мы потом, если тебе с нами понравится, персональную закажем — с учётом твоей фигуры.

— Далась вам моя фигура! — Продолжить свою речь дальше мне не удалось — Лещ надел мне на голову шлем и принялся затягивать подбородочный ремень. Ремень.

— Как? Не жмёт?

— Ту. го... — Я с трудом выдавил эти слова — а попробуйте сами прихватить себе подбородок ремнём или верёвкой к голове, да так, что пошевелить им станет сложно.

— Ща.... Лучше?

— Вполне. — Я покрутил головой, привыкая к новым ощущениям и только тут заметил разницу между моей кирасой и теми, что были на других бойцах абордажной команды — у всех, на груди красовалось какое-либо объёмное изображение, то ли приваренное, то ли выпресованное прямо на металле. Так, у Кота с груди скалилась на меня разъярённая кошка, у Леща разевала рот рыбка больше смахивающая на пиранию, чем на мирного обитателя озёр, а ещё у одного была изображена лихая белка в сдвинутой на затылок каске и с гранатой в руках.

— Нравится? — заметив мой интерес поинтересовался Кот.

— Угу. Здорово... — Я протянул руку и коснулся клыков его котика.

— Так и тебе сделаем! Делов-то!

— Ага! — поддержал его кто-то из общей толпы. — И — поварёшку на пузо!

— Не, котелок! Котелок с косточкой! — поддержал его другой десантник.

— Мужики, — подал голос, перебивая их уже

знакомый мне громила — к слову сказать у него на груди красовалась какая-то деталь, отдалённо похожая на часть обычного пулевого затвора.

У него — что? Позывной затвор? — подумалось было мне, но тут он, убедившись, что завладел вниманием присутствовавших, продолжил. — Вилку ему надо! Зубьями вперёд! — Для наглядности громила приложил свою ладонь к животу, выставив вперёд растопыренные пальцы.

— А что — дело! Ты, Сэм, главное разбег по больше бери! В толпу влетишь — все на вилке повиснут!

Послать их по дальше с их дурацкими советами я не успел:

— Что за смехуёчки? Чего ржёте?! Отставить! А ну! Становись! — Стоило только Роже обозначить своё присутствие, как шум моментально стих и бойцы привычно выстроились в одну шеренгу. Я же, поколебавшись немного, пристроился в её хвост.

Пробежав взглядом по выстроившимся бойцам, он прошёлся вдоль строя, проверяя их готовность и — дойдя до конца, предсказуемо запнулся на мне.

— А ты куда?

— Как куда? Абордаж же?!

— Не-не-не! — Роже протянул руку и одним

движением стянул с меня перевязь с абордажной саблей. — Иди к себе, мы не можем рисковать потерей Мастера. Иди-иди, что с ужином? Ребята после драки голодные будут. Что готовить планируешь?

— Ужин! — Буркнул я в ответ.

— Ну... Не дуйся! Мы и вправду не можем тобой рисковать. — Он сглотнул слюну, которой наполнился его рот при упоминании моей стряпни, и я решил рискнуть — повернуть с ним то же, что чуть ранее вынудило его подчинённых согласиться на моё участие в высадке на чужака.

— Рож... — Потянул я его за рукав в сторону от строя. — Плюшки.

— Что?

— Тебе. Лично тебе. Две штуки, как ты любишь — с шоколадной крошкой и карамелью.

— Пять! — Он непроизвольно сглотнул слюну, одновременно заглатывая и мою наживку вместе с крючком. Да какой там крючок — он бы и якорь от линкора сейчас проглотил бы.

— Лопнешь! Три. Сахарной пудрой посыплю. Лично песок перемелю.

— Четыре. Я помогу тебе пудру делать. Лично.

— Я уж сам как-нибудь. Справлюсь. — Перспектива заполучить такого помощника меня не радовала от слова совсем. — Три.

— Четыре и два человека.

— Зачем мне люди на камбузе?!

— Да не на камбузе. — Он досадливо поморщился. — Они тебя при abordage прикрывать будут.

— Слышь, Рож! Я, вообще-то, не первый день замужем!

— Чего?

— В смысле ходил уже и в abordаж, и в пехоте служил.

— Да?! Тогда трое.

— Рож!!!

— Ты тогда поваром не работал! Делаем так. — Он покосился на таймер, отсчитывавший последнюю минуту перед abordажем. — Ты плюс трое и с тебя мне четыре плюшки. С шоколадом и карамелью. Иначе... — Командир abordажной команды выразительно посмотрел вглубь центрального коридора.

— Согласен. — Вздохнул я и потянулся за штурмовым щитом.

— Куда? В третьей линии пойдёшь.

— Но...

— Никаких но! — Роже повернулся к строю. — Кот, Белка — вижу, вы уже скорефанились. Вот за него и в ответе будете. Третьим... — Роже оглядел замерших бойцов, которые как-то сразу сжались и вроде даже стали

меньше. — И... Боёк!

Тот самый громила, с частью затвора на груди, поник, но ничего не сказав, опустил голову и подошёл ко мне. Я понимал его недовольство — вместо того, чтобы носиться по коридорам чужого корабля, находя и схлёстываясь в круговерти рукопашного боя с иными, ему и двум другим бойцам предстояла унылое сопровождение тупого и насквозь мирного, по их представлениям, повара. Ну а в том, что и я и они будем бродить по предварительно досконально вычищенным коридорам сомнений не было даже у меня — уж слишком легко Роже согласился меня туда пустить.

— Отвечаете за него головами. Парни! — Он повысил голос, обращаясь ко всему отряду. — Инфа всем! Кок идёт в третьей волне! Чистим тщательно и быстро, без заноз, поняли?

Бойцы закивали головами в тяжёлых штурмовых шлемах.

— Работаем быстро, но аккуратно. Отработали — и на ужин.

— А что на ужин? — Кто спрашивал я не видел, для меня они сейчас, запакованные в свои доспехи выглядели одинаково.

— На ужин — ужин, — опередил меня их командир. — И ещё! Поп обещал угостить всех плюшками после абордажа!

— Ура!!!

— Рож! — я покосился на него, но реакции с его стороны не последовало.

— Специальными — абордажными! С пропиткой из коньяка!

— Рож!!!

Твоюж мать! Ты чего!!!

— Так что делаем работу, не затягивая и чисто — что бы Поп мог быстро вернуться на камбуз. Всё! Разбились на секции! Первая — со мной!

— Поп! — слышался чей-то выкрик. — А карамель будет?

Я обречённо кивнул, заново надевая перевязь с саблей.

— Всё парни. — Роже всунул левую руку в ручки щита и пройдя в первый ряд построения бойцов, пригнулся, ожидая контакта нашего корабля с целью. — Работаем!

Абордажная партия Жнеца была невелика — всего десять человек вместе с командиром.

Первым в переходной коридор спустился сам Роже, сопровождаемый парой десантников. Спустя минуты три, может четыре встрепенулась и вызвав подъёмник, вниз ушла вторая группа, оставив меня в компании свежее испечённых телохранителей.

Новое ожидание — на сей раз пауза

затянулась минут на двадцать, прежде чем Кот, подтвердил получение разрешения на вход в чужака.

— Кот? — Я подошёл к нему, когда мы, сойдя с подъёмника, подошли к началу рукава. — А что я ничего не слышу?

— То есть?

— Я про связь. Она работает?

— Да. — он потупился и глядя в сторону нехотя пояснил. — Тут... Это, Сэм. Шлем тебе, у тебя не того.

— Со сдохшей связью что ли выдали?

— Ну да... Лещ уже потом вспомнил, что этот сбойный был. Но ты не думай, ничего страшного — мы же рядом будем, а...

— А у вас — всё работает, да?

Он кивнул. — Мы за своей бронёй следим. Хотя — ты можешь вернуться, причина самая уважительная, ну а Леща Роже потом накажет — за обвес он крайний.

— Да понял уже. Ладно, авось пронесёт.

Конечно — идти на корабль иной расы, тем более — идти не в гости, а с намерениями отправить на тот свет его экипаж и без связи — было по крайней мере самонадеянно, но я-то шёл не один, а под прикрытием сразу трёх ветеранов, так что я просто махнул на это рукой. У них работает? Ну и славно — если что, скажут, передадут нужный

кусок информации.

Путь через переходной рукав занял меньше минуты — подхватив меня за руки Белка с Бойком быстро пролетели сквозь него — этот кусок, соединявший оба корабля, был вне зон, где ощущалась работа корабельных гравитаторов. Я напрасно крутил головой весь этот короткий перелёт — в переходнике, выполненном из непрозрачного, светло коричневого пластика, не было ни одного иллюминатора.

— Чего потерял? — Поинтересовался Кот, поджидавший нас в проёме шлюзовой камеры транспортника. Обе её двери были срезаны и сейчас валялись во внутренней части корабля.

— Да вот хотел наружу взглянуть, — начал было я, но Белка перебил меня коротким смешком:

— Так их спецом не делают, что б этой...ну...как её там... А! Вспомнил — что б приступов клаустрофобии не было!

— Это вроде наоборот, — поправил его я, припоминая слышанные когда-то названия. — Это как раз про закрытые помещения.

— Не, ты путаешь!

— Да точно тебе говорю. А вот когда открытое пространство пугает — это агорафобия, высоты — акрофобия.

— А по-моему это, что ты сейчас говоришь,

это про пауков.

— Не. Пауки это арахнофобия.

— Ты чё? Самый умный? Здесь?! — Он был явно задет моими словами. — Не нравится — иди умничать на камбуз.

— Да всё-всё, молчу.

— Вот и молчи, — Белка недовольно засопел и ткнул меня в спину — мол давай, шевелись, не век же в шлюзе торчать, умник.

Надо признать, что от корабля, созданного руками чужой расы я ожидал чего-то эдакого. Чего именно — не знаю, но вот эдакого — совсем другого, отличного от родного, человеческого. Но, по факту, особых отличий я так и не увидел — разве что коридоры, по которым мы шли в установленном Котом порядке — он впереди, за ним Боёк, потом я и замыкающим — Белка, так вот — эти коридоры были уже наших, уже — но выше. Поднимавшиеся от покрытого мелкой решёткой пола стены плавно сходились, начиная свой изгиб немного выше моей головы, отчего сам коридор напоминал собой корпус лодки, если её поставить на корму носом вверх. Там, в месте их встречи, чужие разместили свои светильники — длинную и непрерывную светящуюся белым цветом полосу, отчего наши тени, да и мы сами выглядели какими-то плоскими и чрезмерно контрастными. А

ещё от непривычного света у меня быстро заболели глаза, отчего я остановился — откинул прозрачный щиток и, сняв одну перчатку, начал их протирать.

— Чего встал? — Ощутимый толчок сзади подсказал, то Белка затормозить не успел и всей тушей налетел на так не кстати остановившегося меня.

— Глаза болят, заслезились.

— Это от света, терпи.

Закончив своё дело, я натянул перчатку и опустил щиток на место. — А скажи, Белка, что у тебя позывной такой странный?

Шедшие впереди заметили нашу остановку и тоже остановились, прижавшись спинами к стенкам коридора.

— Чего странного? Нормальный позывной.

— Ну... Белка... Белочка... — Женский он какой-то.

— Я. Не. Белочка! Понял?

— А кто? — Этот вопрос я задал самым невинным тоном, понимая, что случайно задел какую-то болезную тему.

— Я — Белк. Это мужик. Понял? — Для наглядности он постучал пальцем по изображению белки в каске. — Ты вот белок, женщин их, в каске видел?

— Нет.

— Вот! А это — мужик. Каску видишь?

Я закивал.

— Во! Это, — он снова несколько раз стукнул по каске, отчего его кираса отозвалась металлическим гулом, и я посочувствовал зверьку — так и сотрясение мозга получить можно, даром, что в каске.

— Это — Белк!

— Ну вы там как? — Окликнул нас, прерывая беседу Кот. — Сэм? Передохнул?

— Да я и не устал. Глаза вот...

— Ага. Я так и подумал. Пошли. — Он отвернулся, и мы продолжили движение.

Мы шли по казавшимися бесконечными коридорами, в которых изредка нам встречались двери — можно сказать такие же, как и у нас, только и они тоже имели форму всё той же, поставленной на корму лодки. Пару раз мы останавливались около них и тогда Кот рывком их распахивал, предварительно приказав готовиться к бою — но каждый раз за ними обнаруживались только стойки с каким-то непонятным оборудованием — мигали цветные лампочки, по экранам ползли непонятные символы — автоматика продолжала работать и в отсутствии своих владельцев.

На некоторых были видны символы понятные нам — тут уже проходили наши товарищи и в

подтверждение того, что данный отсек или комната безопасны, ставили зелёным маркером галочку посреди дверного полотна.

Впереди коридор разделялся на два прохода, и я покосился на остановившегося впереди Кота, ожидая его решения. Шедший сразу за ним Боёк тоже замер, принявшись что-то подгонять в своей портупее и я, продолжавший размерено шагать, обошёл его, оставив за своей спиной.

Когда я почти подошёл к Коту он, вместо того, чтобы двинуться дальше вдруг прижался спиной к переборке и резво подался назад, как-то неуклюже выставив вперёд свой клинок — на него из левого коридора надвигался Чужой.

Этот иной был облачён в подобие боевой брони — похожий на чешую материал, из которого она была выполнена, плотно облегал его тощее тело, оставляя открытой только голову. В руке он сжимал длинный нож, которым он сделал короткий выпад в сторону Кота, уходя от которого тот отпрыгнул, сразу оказавшись практически у меня за спиной.

Сделав шаг вперёд, я коротким движением кисти отвёл его оружие в сторону и тут же ударил, ведя клинок снизу-вверх, надеясь нанести Копии длинный порез от промежности до горла.

Увы — моё оружие только скользнуло по

броню иного, не оставив на ней даже царапины, и — продолжая движение по инерции врезалось его в узкий подбородок, оставив на нём глубокую отметину, сразу начавшую заполняться какой-то мутной жидкостью. От этого удара голова чужака дёрнулась вверх, открывая тощую шею.

— Ха-ааа! — Вскрикнув от натуги я остановил клинок и тут же коротко рубанул по открывшемуся чужаку. Лезвие легко, будто это была не плоть, а тонкая бумага, прошло сквозь его тело, разрезая и разрубая шею и убитый начал заваливаться на меня, откидывая практически отсечённую голову назад.

— Хороший удар, — слышался голос Роже за спиной оседавшего на пол тела. Я машинально кивнул — моё внимание было приковано к спине иного, и то, что я видел, резко снижало ценность моей победы. Его броня была пробита в двух местах и сквозь её дыры была видна плоть чужого, залитая мутно белёсой жидкостью.

Роже переступил через убитого и, передав щит одному из сопровождавших его десантников, подошёл ко мне.

— Ты, походу, действительно бывал в переделках, Поп.

— Бывало, — я посмотрел на испачканный белой слизью клинок. — Вы его что? На меня гнали? Как зверя?

— Давай сюда, — он протянул руку, и я машинально отдал ему оружие, спохватившись только когда рукоять переключалась из моей ладони в его.

— Нет, что ты! — Роже даже выкатил глаза, стараясь выглядеть максимально честным. — Эта тварь живучая оказалась! И приткая — мы её едва нагнали, что б добить, но ты проворнее оказался. Молодец! Не сплеховал! Вот — подкачаешься и давай с нами...

— Не гони, Роже, что я не вижу, что ли? Вы его подпалили и полудохлого на меня направили. Саблю отдай. Зачем тебе?

— Ребята почистят. А тебя кухня ждёт. — Он полностью проигнорировал мои слова.

— Чё? Вы же только начали зачистку?

— Да большую часть уже всё. Не ждали они нас, — командир абордажной группы толкнул ногой лежащее на полу тело. — Не бойцы, ремонтники тут были. Повезло.

— Это разве не боевая? — Я кивнул на убитого, вокруг которого медленно расплзлось белое пятно его крови.

— Не, стандартная ремонтная, адаптированная для коротких выбегов наружу. Если б он в боевой был, — он коротко рассмеялся. — Мы бы уже на облаках сидели и нектар с ангелами глушили. О! Ты же у нас спец по

религии! Вот скажи, там, — его палец показал на светящуюся полосу-светильник вверху. — Ангелы бабы есть?

— Так вы что — всех уже убили? — Я пропустил его вопрос мимо ушей.

— Может кто и остался, мы не все отсеки проверяли. Проход до трюма зачистили и сейчас конты скидывать будем.

— То есть — тут ещё они..., - я кивнул на тело. — Живые могут быть?

— Во! Развоевался! — Рож хлопнул меня по плечу. — Может и есть, но не по твою честь. Кот! Проводи его на камбуз. Жрать охота.

— Пошли, — Кот потянул меня за рукав.

— Погоди, — вырвав руку я повернулся к десантнику. — А мне с вами, в трюм — можно?

— Нет. Ну чего ты там не видел? Трупы они везде одинаковые. Мои ребята всех покروшили. Иди, жрать охота. Всё. Иди, — он махнул рукой в сторону шлюза, забрал свой щит и отвернувшись потрусил куда-то вглубь корабля, на ходу отдавая приказы своим бойцам.

Обратный путь занял у нас совсем немного времени — мы поднялись на палубу выше, прошли небольшой, изогнутый пологой дугой коридорчик и перед нами появился шлюзовой отсек.

Мембрана переходного рукава свободно

свисала, отсекая мир чужаков от нашего но Кот, на всякий случай, ткнул её кулаком, отчего та вяло колыхнулась.

— Хорошо, давление не нарушено. — Щёлкнув рычажком тумблера питания он отключил магнитные замки и приглашающе отогнул край плёнки. — Сэм, давай быстрее, не копайся — мне еще наших догонять.

— Погоди, — я подошёл к границе, разделявшей наши миры, но пересекать её не торопился. — Кот, а что мы так быстро назад прошли? Туда, ну до того места, где Роже нас встретил, мы дольше шли.

— Спрямили, давай быстрее, ну, Сэм!

— Спрямили? — Я снял шлем, вытер лоб, снова надел его и посмотрел на него. — А что сразу по прямой не пошли?

— Иди, — он кивнул на проход, не отвечая на мой вопрос.

— Кот?!

— Ну чего тебе?! Ну, да. Да! Шли так специально, что бы ты на корабль ихней посмотреть мог.

— И ждали, пока Роже подходящую жертву для меня найдёт, да?

— Что? Нет, что ты, Поп! А классно ты его! Правда удар из плохой позиции был, но...

— Стой!.. А скажи мне — чего ты от него

прыгнул?

— Так... Внезапно, ну, он резко так выскочил, ну я это... Того... Растерялся! — Выпалил он старательно глядя мимо меня.

— Врёшь, — вздохнул я. — Тебе Роже сказал, что гонит на нас жертву, вот ты и отпрыгнул — чтобы я мог развлечься. Вы и от канала связи меня для этого отключили! Ну, Кот! Так было?

— Нет!

— Кооот!

— Слушай, — он подтолкнул, а фактически вытолкнул меня в переходной рукав. — Не зуди! На корабле побывал? Чужого зарубил? Всё! Иди на камбуз, жрать уже хочется, да и про плюшки — особые абордажные, не забудь.

Говоря это, он успел прицепить меня карабином к тросику, натянутому вдоль всего рукава, закрепив второй конец за штатное отверстие на моей кирасе — в предыдущий раз я даже не заметил его, так быстро меня протащили эту дистанцию Белк и Боёк.

— Плюшки? — Я вцепился в тросик обеими руками, не позволяя ему отправить меня в короткий полёт. — А вот хрен вам! Или правду говори! Вы же — я про Белка и Бойка, специально замешкались там, что бы я вперёд прошёл, к тебе, а ты, — я разжал правую ладонь, выпуская трос и ткнул её пальцами Кота в грудь. — А ты шёл первым, чтобы

оценить кондицию того несчастного, да? Мол — как он? Поцарапает кока или можно пропустить, нехай экскурсант развлечётся, так? И связь вы мне для этого отрубили, да? Вы же всё согласовали? Ну, я ничего не забыл?

— Ты кое-что забыл, — он хмуро посмотрел на меня.

— Что я забыл?

Вместо ответа он, коротко замахнувшись, обозначил удар в лицо и я, действуя на автомате, поставил блок, закрывшись обеими руками.

— За тросик двумя руками держаться надо! — Сказав это Кот резко толкнул меня в плечи, отчего я полетел по рукаву в сторону Жнеца, вдобавок ещё и кувыряясь через голову. Невесомость, мать ее!

— Кот! Гад! Я... — Но договорить я не успел — мой короткий полёт остановила мягкая стенка рукава, об которую я и затормозил.

Ну гад... Ну я тебе это — вот это всё! Припомню! — ругался я про себя, пока подъёмная платформа втаскивала меня в недра Жнеца.

Плюшек значит, да?

Специальных абордажных, да?

Будут тебе... всем вам будут — спец изделие, млять!

С красным перцем и пургеном! — Ругался я больше по инерции, понимая, что Кот просто выполнил приказ, притом — выполнил красиво и

даже артистично. Понимал и то, что я — будь на месте Роже, вообще бы не стал тратить время на постороннего при abordage — тут люди работают и отвлекать силы на нуба, пусть этот нуб и бьёт себя пяткой в грудь, рассказывая о своей крутизне, нет — тратить на него время и отвлекать людей я бы не стал.

А вот он — стал.

И даже шоу мне организовал, выгнав на меня — для моего же развлечения, тяжело раненого чужака. Хотел кок повеселиться — пожалуйста.

Почувствуй себя героем, разбереди адреналинчиком застоявшуюся на кухне кровь. Благо тушке твоей ничего не грозит — уверен Кот, Боёк и Белк были наготове и прихлопнули бы того мигом, попытайся он выйти хоть на шаг в сторону от уготованной ему роли.

Нет, парни отработали этот номер на пять с длинным рядом жирных плюсов, честно заработав свои плюшки — и я теперь обязан расшибиться в лепёшку, но сделать так, чтобы они получили свой кусок удовольствия — иначе себя уважать перестану, но вот осадочек, от произошедшего, у меня в душе остался.

Я ждал честного боя, а получил шоу.

Да и не бой даже...Получается, что я стал простым убийцей, добившем раненого чужака. Понятное дело, что ему и так, и ни как иначе,

выжить не светило, доби́ли бы в любом случае. Да и вооружён он был — так что все формальности соблюдены, но....

Но осадок улечуваться не собирался, добавляя неприятное горькое послевкусие от произошедшего на борту транспортника.

Платформа мягко качнулась, и я вернулся к реальности. К весьма неприятной — мне в грудь смотрела пара стволов и два ко́пья с шокowymi, покрытыми пробегающими разрядами, наконечниками.

— Эээ... Здрасьте... — подняв голову я увидел, что оружие на меня направили парни из парковщиков, наверное это была свободная вахта, которую капитан попросил быть в полной боевой готовности перед тем, как я отправился за приключениями.

— Поп?! Ты?! — оторвавшись от переборки, которую подпирал своей спиной ко мне подошёл Самарин. — Отбой парни, свой. — Скомандовал он и я перестал быть объектом внимания их оружия. Оказавшись рядом он зачем-то провёл пальцем по моей закованной в броню груди и поморщившись продемонстрировал мне испачканный белёсой жижей палец.

— Чего грязь на борт тащишь? Пошли, поговорим, — кивнув рекрутированным

парковщику, старпом взял меня за рукав и потащил по коридору в сторону камбуза. Отойдя от лифта шагов на полста, он рывком прислонил меня к переборке и, сложив руки на груди, встал напротив:

— Сэм... Скажи мне, только так — что бы я понял, ты — идиот?

— Нет. Нет, старпом, я не идиот.

— Уверен?

— Ну да.

— А вот я — нет! Потому, что, — он чуть отстранился и начал демонстративно загибать пальцы у меня перед лицом. — Только идиот пойдёт добровольцем в абордажную партию. Ты хоть знаешь, сколько они живут?

Я отрицательно мотнул головой.

— И лучше тебе не знать. Далее — только дважды идиот будет напрашиваться в абордажную партию. По той же причине! Третье — и только абсолютный дебил полезет с шашкой на чужого.

— Я с саблей был, — попробовал поправить его я, но он только отмахнулся. — Тебе свезло. Сказочно, понимаешь? Вот шлёпнули бы тебя там и что? А народ, заметь — весь экипаж, все жрать хотят. И, как минимум, раза три в день! Ты об этом подумал?!

— Плов на камбузе, готовый. Самарин ты чего привязался?!

— Я? Привязался?! Если б я тебя по Баблюсу не знал, тогда да — захотел сдохнуть по раньше — да пожалуйста. Дохни! Хочешь — при абордаже, хочешь — в шлюз выпрыгни. Я только платочком помашу, провожая. Но!

— У тебя что — даже платочек для этого есть? — Мой вопрос застал его врасплох и он на несколько секунд замер, пытаясь сначала понять — что я спросил, а после — пытаюсь восстановить свою логическую цепочку.

— Короче, Поп! Я, как номер два на корабле — запрещаю, слышишь За-пре-ща-ю! Тебе нос показывать из своей норки во время абордажей! Ты. Меня. Понял?

— Понял. Вопрос можно?

— Ну?

— Ты что — издеваешься? Это тут у вас так принято — над новичками измываться, да? Типа — традиция такая? — Заметив, что он начал набирать в грудь воздух — готовясь к сокрушительному ответу, я замахал руками. — Нет, погоди! Дай и мне высказаться. Мне — не сvezло! Подстава это была — и ты, да — ты, ты в курсе её был. С самого начала! Чего отворачиваешься? Нет уж — слушай! Захотел бы ты — меня Роже отшил моментом. Не кривись — когда моё сафари закончилось, меня пинками выгнали. Молчишь? Сказать нечего?

— Всё сказал? — Самарин дождался

окончания моей тирады и когда я кивнул, улыбнулся. — Сэм. Весельчак в тебе не ошибся — ты действительно хочешь наравне с остальными быть.

— Ну не балластом же.

— Не спеши. Всему своё время. Ты только что прошёл первый этап, первое испытание и...

— Так это что — вы меня испытывали получается?

— Ну да. Пойдёшь или нет, откажешься — посчитав риск высоким, а отмаз — я про твой шлем, достаточным. Как в бою среагируешь — ты вон, в драку полез, хотя мог и отступить. Ну и сейчас, — он заржал. — Блин! Видел бы ты себя со стороны! Глаза горят, сам — едва не подпрыгиваешь в праведном гневе, что подраться не дали. Да, — он вытер глаза. — Так не сыграть.

— И что? Я — прошёл испытание?

— Первое, но далеко не последнее. Братство — это сложная система, понимаешь? Свои законы, мораль, ранги.

Я кивнул, соглашаясь с ним и одновременно осознавая, что фактически ничего и не знаю про это самое Братство. До этого момента я полагал, что все эти люди — обычные бандиты, отщепенцы, отбросы — которых общество выдавило из нормальных миров и которые зарабатывают себе на жизнь подобными криминальными делами.

— Расскажешь? Я же действительно про вас... ээээ... про нас — ничего не знаю.

— Не сейчас, — он улыбнулся и развёл руками. — Напомню, что мы сейчас несколько того — заняты. Да и градус твой пока слишком высокий — не дорос ты пока серьёзной информации.

— Высокий? Это как?

— Горячий ты. Эмоций много. Вот остынешь, со временем, тогда и поговорим.

— Ну, извини, какой есть!

— Ну а раз у тебя времени свободного так много, что ты по абордажам шляешься, то вот над этим и подумай. Для затравки скажу, что я — Метан, а Весельчак наш — Кислород. Давай, шевели извилиной, Братству умные люди ох как нужны!

Кивнув на прощанье, он быстрым шагом двинулся к рубке, оставив меня в одиночестве стоять посреди коридора. Проходя мимо всё так же стоявших с оружием наизготовку парковщиков, он махнул им рукой приказывая оставить пост, и парни двинулись за ним, на ходу закидывая карабины за спину, и взваливая копья на плечо.

Это что же получается? Они только меня ждали, да? А я вот прошёл и всё — пост снимать можно? Чего они боялись? Или нет, не боялись — предотвращали чего-то, что я мог сделать? А что я мог сделать? Да ничего...

Или... Мда...

...Или я мог, пользуясь тем, что серьёзных бойцов на борту нет, прорваться скажем к реактору и... И потребовать, чего хочу.

Хоть доставки на столичный мир. А что — вполне мог это повернуть — вернулся по-тихому, взял ствол из заначки и туда. И пофиг, что ствола нет — мог он быть? Мог!

Я помотал головой — вот же бред в голову лезет! Понятное дело, что я подобное делать не собирался — даже в теории, но они-то этого не знали, вот и перестраховались. А Самарин, значит, что-то во мне увидел, поверил значит, что я ничего подобного делать не стану.

Ха! А я вот возьму — и сделаю! Топор для рубки мяса есть, я в броне — во как их морды вытянутся, когда я весь такой боевой, да с топором над реактором!

Да уж... Паранойя как она есть. Но что радует — не у меня одного. Может это заразно в данной вселенной?

— О! Сэм! Здоров! — Навстречу мне шли двое из ребят Деда — главного механика Жнеца.

Дедами тут звали всех старших, или главных, механиков по кораблю. Наш, в добавок, отзывался на позывной — Гусь, и был, для меня, полумистической фигурой. Начнём с того, что я

Гуся ни разу не видел. Он не приходил в кают-компанию есть — моюстряпню ему таскали младшие механической группы, для чего в комплекте посуды был предусмотрен целый набор разногабаритных судков — увидев которые я поначалу удивился, и только получив личные разъяснения, от Весельчака, понял их назначение.

Ни разу за всё время своего пребывания на борту я с ним — с Дедом, не пересёкся, хотя первые дни облазил практически весь корабль.

— Дед? Да вот только что здесь был. — отвечали на мои вопросы, перепачканные смазками и тех жидкостями мехи. — Наверное к валу третьей башни пошёл, грелся он. Вал.

Ну а поскольку всё общение с ними, да и со всеми другими членами экипажа заканчивался одинаково — стандартным вопросом «ачтоунассегодняпожрать?», то я быстро свернул свои попытки установить знакомство со всем экипажем.

Зачем? Чего напрягаться-то? Жрать захотят — сами прибегут.

Шедшая по коридору парочка, наверное, только что сменились и сейчас парни двигали отдыхать, по инерции продолжая обсуждать какой-то сбой в каком-то втором контуре какого-то охладителя. Признаюсь — я понял только

несколько слов из их беседы, невольно став её участником.

— Привет, Сем, — присоединился к первому второй и, не давая мне возможности ответить тут же задал стандартный и до чёртиков надоевший мне вопрос. — А че у нас на ужин?

— Ужин, — буркнул я универсальный ответ и двинулся дальше, не размениваясь на приветствие.

— Что это с ним? — Несмотря на то, что я от них удался, продолжение их диалога я слышал хорошо, даже слишком — в реакторной было шумно и парням постоянно приходилось общаться между собой на повышенных, что поделать — везде своя специфика...

— Сам не видишь? В броне, да ещё и грязной — это пока мы гайки вертели он в абордаж ходил.

— И не побоялся? А с виду и не скажешь.

— Внешность она того, обманчива бывает. Я тебе что скажу — познакомился я как-то с одной красоткой...

— Погоди. Слушай — а если мы во втором перемышку на...

К счастью я уже достаточно от них удалился, что избавило меня от дальнейшего подслушивания.

На камбузе, или как выразился Самарин — в моей норке, всё пребывало по-прежнему — каструли с пловом смирно стояли на своём месте,

да и вообще, похоже, что никто сюда не наведывался за время моего отсутствия. Это одновременно и радовало, и настораживало — до сего момента любой из членов экипажа считал своей обязанностью проверить статус камбуза и, особенно, холодильника — причём глубина инспекции была обратно пропорциональна моему присутствию — несколько раз я буквально пинками выгонял страждущих, проникших сюда за время моих отлучек. Кто-то из таких исследователей даже умудрялся покинуть мою норку с добычей — куском колбасы, яблоком или ещё с чем-либо быстро стыренным, становясь героем в глазах своих товарищей. Ну а постоянность таких набегов наводила меня на мысль, что среди экипажа развёрнуто настоящее соревнование — кто сумеет стырить побольше. Негласное, конечно, соревнование.

Но на сей раз сюда никто не заходил — и это было странно, впрочем... Пожав плечами я списал это на Боевую тревогу и принялся готовить тесто для плюшек — обещал же, теперь сделать их, да сделать так, что бы абордажники лопали постанывая от удовольствия — это уже был вопрос моей личной гордости. Замешав обычное тесто, я поставил его подниматься, а сам принялся готовить спец начинку. Для неё я выбрал изюм, и, припомнив пожелание Роже насчёт коньяка,

потянулся было к полке с алкоголем, но, достав пузырь неплохого коньяка задумался — а не жирно ли будет? И изюм, и коньяк? Слипнется! В смысле — перебьются.

Накапав себе рюмочку и благополучно её употребив, на закуску отлично подошёл промытый изюм, я поставил её — бутылку в смысле, на прежнее место. Не... Такой ценный продукт и так вульгарно тратить? Да ни в коем случае!

Коньяк был действительно хорош — на камбузе сразу стало светлее, да и приятное тепло начало медленно разливаться по телу, настраивая меня на благодушный и местами мирный лад.

Возникшее поначалу желание отомстить десантникам, добавив в плюшки перца ушло.

В конце концов парни виноваты не были, да и делать крайним Роже я так же посчитал неверным — он, как и подчинённые ему бойцы, всего лишь выполняли приказы сверху, а шутить шутки с Самариным или, тем более с Весельчаком, мне было и не с руки и не по рангу. Но отомстить следовало и, достав с полки, где у меня стояли баночки, полные различных приправ ту, в которой хранился чёрный перец, я вытряс одну горошину себе на ладонь.

— Что ж... — Я подкинул её на ладони и усмехнувшись отправил чёрный шарик в тесто, высыпав вслед ему горку изюма. — Посмотрим, кто

у нас счастливчик.

— Вниманию экипажа! — голос Весельчака, раздавшийся из динамиков, заставил меня вздрогнуть от неожиданности. — Транспорт объявляю условно безопасным. Суперкарго — приступить к перемещению грузов на Бубалюс.

А молодцы, парни! Быстро закончили зачистку — сейчас к транспортнику спешил наш Вол, стремясь как можно быстрее соединиться с ним транспортным рукавом, по которому грузчики начнут опорожнять трюм чужака.

Потом Вола сменит Волына, после подойдёт Аркан, ну а Жнец будет последним — мы обеспечивали порядок на борту транспортника и соответственно отвечали за весь процесс грабежа, пardon — экспроприации ценностей. По моим прикидкам все эти работы должны были продлиться ещё не менее пары, а то и тройки часов, несмотря на то, что все участники были оборудованы всем необходимым для максимально быстрого перемещения контейнеров — лебёдками и направляющими рельсами, по которым осуществлялась транспортировка грузов из трюма А в трюм Б. Вся эта механизация сильно облегчала труд грузчиков, которым требовалось всего-то дотащить конты до рукава, прицепить их к роликам на рельсине и дать отмашки принимающей стороне, что бы та запустила лебёдку, которая и протащит

груз уже на нашу территорию. Звучало всё просто, не спору, но, имея некоторый опыт практического участия в подобных мероприятиях я знал, что всё гладко бывает только на бумаге. Обязательно что-то пойдёт не так — заклинит лебёдку, перекосит рельс или ролики не захотят правильно ложиться в направляющие — и это всё, несмотря на то, что перед вылетом все узлы тщательно проверялись и неоднократно прогонялись в тестовом режиме.

Немного поколебавшись я снова открыл полку с бутылками и, призвав себе на помощь всю имевшуюся в запасе волю, проигнорировал призывно блеснувшую темно зелёным стеклом емкость с только что опробованным содержимым. Чуть в стороне от неё стоял другой пузырь — с ромом, вот его-то я и взял. Ром я заказал, поддавшись внезапному импульсу — пираты же? А пираты должны пить ром, коньяк для них — перебор. Однозначно. Коньяк это... Он для... Не сумев логически завершить свои построения, я просто махнул рукой и щедро плеснул рома в тесто.

Во!

Будут абордажные плюшки с изюмом и с ароматом рома! Для настоящих мужиков!

Тщательно перемешав тесто и добавив ещё немного муки, я раскатал его в колбаску и принялся

нарезать на куски — заготовки для будущей выпечки. Дальше всё было просто — раскатать кусочки в небольшие колбаски и свернув каждую спиралькой переместить на заранее посыпанный мукой противень. С этим я управился минут за тридцать — всего вышло около сорока плюшек, на два противня. Отправив их в духовку, я снова покосился на полку, где за закрытыми створками покоилась бутылка коньяка, но пересилил себя, дав самому себе твёрдое слово — обязательно добить её, но только после окончания этого похода.

Делать было нечего — проверив ещё пару раз состояние тарелок, ложек, вилок, ножей и не найдя ничего криминального, я уселся за стол, но усидеть смог минуты три, не более, сидеть без дела, пока там происходит самое интересное — опорожнение трюмов с добычей, было сложно. Сейчас на корабле работали все, все — кроме меня. Не то, что бы меня это особо напрягало — у каждого свой участок, и замечаний к моему не поступало, но вот просто так бездельничать, а тем более — маяться от безделья, когда происходит такое, было сложно.

Немного поколебавшись, я подошёл к переборке и, набрав простой код, вызвал рубку.

— Слушаю, — тут же откликнулся динамик голосов Самарина.

— Это камбуз говорит, кок... ээээ ...в смысле

Сэм, Поп. Да.

— У тебя всё в порядке? — в тоне старпома послышалось беспокойство.

— Что? Ах да, всё в порядке.

— Чего тогда вызываешь? Сиди в норке и не...

— Погоди, два вопроса. — Перебил его я и тут же представил, как Вильсон неодобрительно качает головой слыша эту беседу.

— Чего? Сэм — дело займись! Отбой!

— Погоди. — Я заторопился, опасаясь, что он прервёт связь, прежде чем я успею договорить. — Погоди! Что с ужином? Всё стынет же? По распорядку уже на час, — я покосился на часы, висевшие над входной дверью в отсек. — На полтора часа запаздываем!

— Разогреешь. Отбой!

— Погоди, — послышался приглушённый расстоянием голос капитана. — Переключи на меня.

В динамике щёлкнуло, и я снова услышал Весельчака — теперь гораздо громче и чётче:

— Что, Сэм, скучаешь?

— Нет, капитан, что вы, дел по горло!

— А чего тогда звонишь?

— Ну... — Я растерянно обвёл взглядом помещение. А действительно — чего я хотел сказать? Что мне делать нечего, и я готов? А чего

собственно я готов? Под ногами путаться у действительно занятых людей? На глаза попался чайник, и я нашёлся. — Да вот, подумал — может вам чаю принести в рубку?

— Чаю? А что? Молодец! Хорошая идея. Только мне кофе. С коньячком, да не жмись, есть у тебя — я же ведомость подписывал. Так что... — Его голос стал звучать тише, но я всё же расслышал. — Кто чай, кто кофе будет?

В динамиках послышались различные возгласы — кто-то просил чаю, а кто-то кофе.

— Сэм, ты тут?

— Да куда я денусь...

— Чего загрустил? — Его голос прервался — готов поклясться — он сейчас ухмыльнулся в своей обычной манере. — Я ж не бутылку требую. Четыре чая, три кофе и бутылочку минералки — с газом. Справишься, или прислать кого в помощь?

— Справлюсь.

— Не, это ты здорово придумал — я про чай. Ты только про лимон к чаю и коньяк не забудь.

— Не забуду, — буркнул я, в душе уже ругая себя за инициативу.

— Давай, ждём! — Он отключил связь, и я ещё несколько секунд смотрел на динамик — не последует ли каких ещё ценных указаний. Но он молчал, и я принялся за приготовление напитков.

Спустя четверть часа я уже стучал ногой в дверь рубки. Почему ногой? Не из-за непочтительности, хотя у меня было желание дорасти до того момента, когда смогу ногой открывать все двери на корабле, нет — причина была насквозь прозаической, мои руки были заняты термосами с напитками и пакетами с посудой.

— Охрене... — Справедливое возмущение открывшего рубочную дверь Самарина быстро улетучилось, когда он увидел меня нагруженного всем этим добром. — Поп! Не мог сказать? Встретили бы! — Протянув руку, он отобрал один из термосов и отодвинулся в сторону от прохода, пропуская меня внутрь.

— Так. — Разгрузившись прямо на штурманский стол, я повернулся к капитану. — Ну?

— Ээээ... Чего — ну? — Осторожно поинтересовался Вильсон, немного смущённый моим напором.

— Кому чего? Кому кофе? Чай? Подходим по одному.

— Кофе! — Он резво соскочил со своего кресла, стоявшего на возвышении практически по центру рубки и первым подошёл ко мне.

— Держи, — я наполнил фарфоровую чашку из набора посуды для особых случаев и протянул ему.

— С коньячком... Мммм... —

Принюхавшись, он даже прикрыл глаза от удовольствия. — Не, это ты замечательно придумал. Класс! — Отпив небольшой глоток, капитан снова промычал что-то одобряющее и направился к своему месту, а у стола уже стоял Самарин.

— Кофе, две кружки!

— Сколько?

— Ну, Поп... Не жмись, у тебя же вот, — он показал на термос. — Тут литра полтора.

— Кроме тебя и другие есть, — я налил кружку и протянул ему.

— Жмот! Куркуль! И как я с тобой на одном корабле...

— Значит от плюшек отказался. Принято! — Я демонстративно расставил чашки на столе и принялся наполнять их чаем.

— Что? Ещё и плюшки есть?!

— Старпом — вы только что отказались. При свидетелях.

— Я?! — Он обернулся к сидевшим по своим местам вахтенным, которые все, без исключений следили за нами, полностью игнорируя свои экраны и с трудом выдерживая нейтральные выражения на лицах.

— Я не отказывался!

— А кто меня куркулем назвал?

— Это любя! Комплимент, мол какой у нас

прижмис...ээээ.....хозяйственный кок!

— Отказался. В пользу... — В рубке наступила почти абсолютная тишина, только пищал какой-то датчик. К нему присоединился второй, и они оба начали попеременно попискивать, пытаясь привлечь внимание своего оператора, замершего в ожидании решения судьбы столь внезапно освободившейся плюшки.

— В пользу капитана!

— Принято! — Весельчак, подражая судье, хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

— Виль! Отдай! — Самарин подошёл к нему и встал напротив, уперев руки в бока.

— Чего отдать-то?

— Ты мне дурака не включай. Плюшку отдай!

— Так он же и не дал ещё?! Вот когда даст...

— А то я тебя не знаю — ты же сожрёшь её мигом, проглот!

— Я?! Ты вот как сейчас капитана назвал?

— Как слышал!

Дальнейшую их перепалку прекратил возглас оператора, наконец-то вернувшегося к своим обязанностям:

— Капитан! Два новых сигнала! Идут к нам! Опознаю...

— Кхе... — Весельчак аж подавился кофе от этой новости. — Кто?

В рубке снова воцарилась тишина, но теперь

она была иной — напряжённой, все ждали данных опознания цели — и они последовали.

Оператор, вместо того что бы просто объявить результаты сканирования, повернулся к нам и упавшим голосом произнёс. — Крейсера Копий. Оба два...

— Твою ж мать! — На самом деле Вильсон выразился гораздо крепче, но по понятным причинам я не могу здесь представить вашему вниманию его восклицание дословно, ограничившись только передачей смысловой и эмоциональной составляющей.

— Принесло же их! — Он раздражённо махнул рукой и кружка праздничного набора, вылетев из его ладони, с печальным дзиньком прекратила своё существование, встретившись с металлом рубочной стены, обозначив своей смертью первую жертву этого похода.

Глава 7

Борт рейдера «Жнец». Пространство первой звезды созвездия Волосы Вероники, территория Копий.

*267 год правления 28 Императора.
(тот же день).*

По сферам висевшей в километре от нас Волыны пробежала невнятная дрожь и они начали покрываться тонкими чёрными полосками.

— Комаров пустил, — пробормотал, отвечая на мой невысказанный вопрос Вильсон и раздражённо хлопнул рукой по подлокотнику. — Зачем? Пожгут парней зазря!

— Отвлекут, мы уйти успеем, — Самарин смотрел в разворачивающееся за остеклением ходовой рубки действием с не меньшим напряжением.

— Отвлекут? Шутишь? Это если только Копии совсем молодую Семью послали.

— Всё может быть, — пожал тот плечами в ответ. — Это их территории, чего тут ветеранов гонять?

— Хорошо бы. Связь! — Весельчак повернулся ко второму штурману, совмещавшему две должности. — Что с грузом?

— Запрашиваю.

— Ну так запрашивай, чёрт тебя побери! Ну?!

Вздрогнувший от окрика человек, вроде его звали Гот — с ним близко познакомиться я ещё не успел, согнулся над своей панелью и что-то торопливо забормотал в микрофон.

— Смотри, я был прав! — Самарин махнул рукой в сторону приближавшихся ярких точек. — Один — молодой, точно!

И верно — одна из точек, шедшая до этого прямым курсом на нас, отвернула в сторону Слона, явно демонстрируя решимость разделаться прежде всего с самой крупной целью.

— Связь! Ну, родной, что?!

— Загрузили восемьдесят процентов, просят еще двадцать минут. — Оператор осторожно, как-то скособочившись, посмотрел на капитана, будто это он лично был виноват в задержке.

— Десять. Абордажной вернуться, исполнять! — Вильсон командовал отрывисто, не желая тратить время зря, будто от того как быстро он отдаст команды что-то зависело.

— Принято! — Штурман-связист снова забормотал команды, но я уже не смотрел на него — моё внимание привлекли крохотные огоньки, мельтешившие около громады Слона. Их бег замедлился, почти остановился, будто невидимые с такого расстояния кораблики, замерли в ожидании команды, которая должна была вот-вот последовать, и я напрягся, испытывая знакомое чувство мандража, хорошо знакомое каждому пилоту, ждущему начало боя.

Ожидание было коротким — стоило последнему занять своё место как вся их масса, дружно выплюнув языки форсажа, ринулась на надвигавшейся крейсер Копий.

— Хорошо идет! — Невольно воскликнул я,

когда всё их скопление, совершив практически синхронный поворот, продемонстрировала нам слегка размытый по вертикале ромб их построения.

— Хорошо?! Нубы! — Мнение Самарина было диаметрально противоположным. — Строй не держат, нубьё!

— А ты что? Думал Каррамба своих ветеранов на смерть пошлёт? Он не дурак — балласт первым сливает. — Весельчак кивнул, уверенный в своих словах. — Ты бы так же поступил, Самара, ну?

Последнее относилось уже не к пилотам малых истребителей, а к связисту, который тот час поспешил доложить. — Девяносто семь процентов...

— Роже с парнями где? — Перебил его капитан.

— На борту.

— Принято! Начать расстыковку, рукав сбросить! На Вола — прикрываем ваш отход. Три минуты.

— Они не успеют!

— А мне... на то, что они успеют! Три минуты и пусть сваливают! Ну! Передавай!

Огоньки двигателей mosquito флота меж тем уже моргали в непосредственной близости от крейсера, который всё это время шёл молча, не обращая внимания на приближавшийся рой.

— А он что молчит? — Я подошёл к креслу

Вильсона и показал рукой на скопление огоньков.

— Почему посторонние в рубке? Старпом?!

— Виль, я же пилотом хочу стать, позволь остаться.

— Капитан, — неожиданно встал на мою сторону Самарин. — Пусть останется, хуже не будет.

— Да вы совсем что ли? — Не ожидавший такого Весельчак повернулся и посмотрел сначала на меня, потом на старпома. — В край уже оборзели! Ну, насекомые — погодите, вернёмся, так я вам...

— Капитан, — прервал его, и должен заметить очень вовремя, связист. — Бубалюс отваливает, Роже на борту.

— Хорошо! Самара — уходим, быстро!

— Курс рассчитан, сейчас прыгнем, босс. — Старпом подмигнул мне давая понять, что всё страшное уже позади, да и Весельчак заметно расслабился в своём кресле.

— А как же эти? — Я махнул рукой в сторону мешанины огоньков — там теперь светились не только выхлопы дюз истребителей, к ним присоединились вспышки их выстрелов и мне даже показалось, что я различаю тонкие паутинки огневых трасс.

— Каждый за себя, — пожал плечами капитан. — Привыкай, Сэм. Это — справедливо,

ведь у нас груз.

— Но они же гибнут?! — Я ткнул рукой в пространство боя — крейсер наконец соизволил заметить мелкие кораблики и активировал свою защиту, отчего мелькание огней вокруг него начало подсвечиваться взрывами сбитых истребителей.

— И что? Нам-то что? Дай лучше кофе, я свою кружку потерял.

— Вон она, — я кивнул на осколки у левой стены.

— Эх... Жаль. Красивая была. Наливай! Самарин? Что с прыжком?

— На разгоне, Вол, ниже двести, тоже в разгоне.

— Отменно! — Капитан повернулся ко мне. — Ну? Поп? Чего стоим, кого ждём?!

Покачав головой, я достал новую кружку из пакета и приготовился было её наполнить, как новый вскрик оператора радара заставил меня замереть.

— Плюс один сигнал! И... — Он замялся и продолжил только после окрика Вильсона. — Что?!

— Минус Аркан!

— Ушёл?! Гад!

— Новая цель опознана, капитан. — Оператор повернулся к нему и выдохнул. — Средний носитель... Нам конец.

— Отставить панику! — Весельчак

повернулся к Самарину. — Прыгай!

— Двадцать секунд!

— Чёрт! Сто долбанных чертей!

— Не помогут, — штурман был даже слишком спокоен. — Зови хоть Вельзевула, пока скорости нет, — он зевнул — подозреваю, что это не было ни игрой на публику, ни следствием усталости — нервы...

— Поп, — зевнув повторно он повернулся ко мне. — Плесни кофейку, а? У тебя коньяк не с собой?

Я отрицательно помотал головой.

— Эх... Жаль.

— Носитель выпустил москиты! Идут на нас! — произнеся этот приговор, давешний оператор поднялся со своего места и подошёл ко мне. — Сем, мне тоже кофе плесни.

— Зёма?! — Сказать, что Самарин обалдел от такого поведения оператора, значило бы не сказать ничего. — Сдурел? Марш на место!

— Отстань!

Я, действуя как машина, вернее сказать — как кофейный аппарат, наполнил горячим напитком сразу две кружки и передал их Самарину и Зёме.

— Спасибо, Сэм. — Отпив небольшой глоток Зёма коротко кивнул, благодаря меня и неспешно вернулся на свое место. Надо заметить, что всё это время старпом пробыл в ступоре, отстранённо

наблюдая за действиями своего подчинённого.

— Держи, — я сунул кружку ему в руки и от прикосновения горячего фарфора он пришёл в себя — прошипев что-то неразборчивое он посмотрел на меня, и я вздрогнул, увидев гневный огонь в его глазах.

— Оператор Зёма! — Он одним прыжком подскочил к его креслу. — Встать!

— Зачем? — Тот крутанулся в кресле, отворачиваясь от своего пульта. — Это конец, понимаешь?

Он еще немного отпил и, поставив кружку прямо на середину пульта, закинул руки за голову, вытягиваясь полулёжа на своём месте. — Остынь, на нас два десятка их перехватчиков идут. Это всё.

— Я отстраняю тебя!

— Да ну? — Потянувшись Зёма вылез из кресла. — Ща нас всех тут...

Договорить он не успел.

Банг! — В небольшом пространстве рубки пистолетный выстрел прозвучал оглушительно громко, больно ударив по ушам.

Зёма вздрогнул, начиная заваливаться лицом вперёд, и я рассмотрел окровавленную дыру на месте его правого глаза.

— Кхе... Громко то как. — Голос Весельчика звучал сухо и надтреснуто. — Старпом, сделай милость — попроси Роже своих прислать, пусть это

уберут. М-да и, это, нового оператора пригласи.

— Есть! — Самарин коротко кивнул и начал отдавать короткие команды, подойдя к своему пульта.

— И, чёрт подери всех святых этого гадюшника! Кок, твою дивизию! Где моё кофе?!

Его окрик привёл меня в чувство, и я торопливо наполнил чашку.

— Вот только бить её не надо, а? — Произнёс я, подавая капитану желаемое.

— Не буду. Что, Сэм? Удивлён?

— Чему? Что ты паникёра пристрелил? — Я пожал плечами. — Жаль человека, конечно.

— Да, Зёма неплохим парнем был. — Он вздохнул. — На базе помянем.

Мы помолчали секунд пять, отдавая дань памяти убитому.

— Старпом! — Вильсон покосился на Самарина, закончившего отдавать приказы и теперь стоявшего подле своего места с заложенными за спину руками. — Ты когда нас отсюда вытаскивать собираешься?

— У тебя с патронами как?

— Чего?!

— Смотри, — он повернулся к нам. — Задние полусферы, обе — и верхняя и нижняя, блокированы крейсерами. Перед низ — их долбанная матка, что б она! Верх — перехватчики.

Мы заблокированы, капитан.

— А Жиль, сучёнышь, удрал, — скорее самому себе, под нос, тихо произнёс Виль, но я расслышал его слова.

Что ж... Не ты ли всего несколько минут назад сам готовился уйти, бросив тут Каррамбу с его ведущими бой новичками одного? Тогда это было справедливо — как же, каждый за себя, мы с добычей... А как эту же штуку провернули с тобой — так сучёнышь... По понятным соображениям вслух я это произносить не стал, предпочтя просто сделать себе зарубку на память.

— Волына выпустил второй рой, — подал голос заменивший Зёму оператор. — Тяжёлые, идут на перехват мелочи с матки.

— Тяжёлые?! — Капитан аж подался вперёд в своём кресле. — Неужто Каррамба решил стариков с торпедами пустить?! Самара — курс на перехватчиков Копий.

— Думаешь тяжи нам окошко прорубят?

— Надеюсь, иначе все на мели будем, а у Каррамбы с баблом полный швах.

Не могу сказать, что в пространстве впереди по нашему курсу было видно что-то особенное — до малых кораблей Копий и спешивших на их перехват москитов с Волыны было ещё более трёх километров и всё, что я мог разобрать — это

огоньки выхлопов наших. Чужаков видно не было и об их присутствии мы знали только по данным радара, высвечивавшего на своём экране облако засветки вражеских целей. Тяжёлые истребители со Слона, поначалу шедшие плотным строем внезапно начали расплзаться в стороны, формируя редкое облако или, если вам так удобнее, широкую овальную решётку.

— Чего это они? Расползлись?

— Всё верно, — повернулся ко мне Вильсон. — Ты в первый раз в такой переделке, да? Я молча кивнул.

— Смотри. Парни сейчас расплзаются для пуска торпед, ну — что бы максимальную площадь залпом накрыть.

— Термояд? — Прикинув их построение я посчитал, что самым оптимальным решением сейчас было бы всадить в облако иных штук пять боеголовок с термоядерной частью — облака взрывов гарантированно бы разметали преграждавших нам путь чужаков, позволяя продолжить набор скорости и соответственно — удрать отсюда.

— Сдурел?! Думай о чём говоришь! — Капитан даже подпрыгнул на своём месте, а все присутствовавшие в рубке повернулись и посмотрели на меня, как на диковинную зверушку.

— А чего такого? Пяти боеголовок хватит —